

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

2

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЛЕНКЕВИЧ Е. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры истории белорусского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Аллинэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Ивашкевич И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпилович Т. П. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Коваль В. И. Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Шамякина Т. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Намеснікі галоўнага рэдактара ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры германскіх моў факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

Адказны сакратар ЛЯНКЕВІЧ А. У. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Івашкевіч І. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Карпіловіч Т. П. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Коваль У. І. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Савевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонок В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Шамякіна Т. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

ZAPRUDSKI S. M., PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editor-in-chief

GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: goncharova_s@tut.by

ARSENTIEVA M. F., PhD (pedagogics), docent; head of the department of German languages of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: arsentsyeva@mail.ru

PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary

LIANKIEVICH A. U., PhD (philology); senior lecturer at the department of history of the Belarusian language of the faculty of philology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: alena.liankevich@gmail.com

<i>Allignol C.</i>	Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Danylenko A.</i>	Pace University, New York, USA.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.
<i>Ivashkevich I. N.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karpilovich T. P.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Koval V. I.</i>	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Lukashanets A. A.</i>	Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Rovdo I. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Khalipov V. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Shamyakina T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

К 500-ЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

ДА 500-ГОДДЗЯ БЕЛАРУСКАГА КНІГАДРУКАВАННЯ

TO THE 500th ANNIVERSARY OF BELARUSIAN BOOK PRINTING

УДК 801.6+821.161.3.09«15»(092)Скарына Ф.

МАЛІТВАСЛОЎНЫ ВЕРШ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ

В. П. РАГОЙША^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца сутнасць малітваслоўнага (кандакарнага) верша, яго мастацкія асаблівасці, рытмічныя кампаненты. У беларускую вершазнаўчую тэрміналогію ўводзяцца тэрміны «сціх» (грэч. *stichos*) і «сціхавое вершаванне». Вывучаецца характар малітваслоўнага верша ў творчасці Францыска Скарыны (каля 1490 – каля 1551), адзначаецца ўклад беларускага першадрукара і перакладчыка Бібліі ў развіццё беларускай і ўсёй усходнеславянскай паэзіі, прасочваецца станаўленне ў ёй асобных сціхавых жанраў, відаў і страфічных форм (акафіст, акрасціх, тэрцэт, дысціх і інш.).

Ключавыя словы: верш; сціх; малітваслоўны верш; сціхавое вершаванне; пераклад; Біблія; Францыск Скарына.

Образец цитирования:

Рагойша В. П. Малітваслоўны верш Францыска Скарыны // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 5–15.

For citation:

Rahojsha V. P. Francysk Skaryna's prayer verse. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 5–15 (in Belarus.).

Автор:

Вячаслав Петровіч Рагойша – доктар філолагічных навук, прафесар; прафесар кафедры тэорыі літаратуры філолагічнага факультэта.

Author:

Viachaslau Rahojsha, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theory of literature, faculty of philology.
v.rahoisha@tut.by

МОЛИТВОСЛОВНЫЙ СТИХ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

В. П. РАГОЙША¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются сущность молитвословного (кондакарного) стиха, его художественные особенности, ритмические компоненты. В белорусскую стиховедческую терминологию вводятся термины «стих» (греч. *stichos*) и «стиховое стихосложение». Изучается характер молитвословного стиха в творчестве Франциска Скорины (около 1490 – около 1551), отмечается вклад белорусского первопечатника и переводчика Библии в развитие белорусской и всей восточнославянской поэзии, прослеживается становление в ней отдельных стиховых жанров, видов и строфических форм (акафист, акростих, терцет, дистих и др.).

Ключевые слова: стихотворение; стих; молитвословный стих; стиховое стихосложение; перевод; Библия; Франциск Скорина.

FRANCYSK SKARYNA'S PRAYER VERSE

V. P. RAHOJSHA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the investigation of the essence of the prayer verse (kontakion), its artistic features and rhythmical components. The terms «stich» (*stichos* – Greek) and «stich versification» are introduced into Belarusian prosody terminology. The subject of study is the character of the prayer verse in Francysk Skaryna's (ca. 1490 – ca. 1551) creative work, the contribution of Belarusian first printer and the Bible translator into the development of Belarusian and the whole Eastern Slavonic poetry, into the formation of particular verse genres, kinds and strophe forms (litany, acrostich, tercet, distich and others).

Key words: poem; stich; prayer verse; stich versification; translation; Bible; Francysk Skaryna.

Гісторыкі і тэарэтыкі вершавання Францыска Скарыны (каля 1490 – каля 1551), як і беларускага верша ўвогуле (П. Уладзіміраў, Я. Карскі, М. Прашковіч, А. Коршунаў, І. Ралько, М. Грынчык, зрэшты, і аўтар гэтага артыкула, а таксама іншыя даследчыкі), на **малітваслоўны (біблейскі, кандакарны) верш** асаблівай (каб не сказаць – ніякай) увагі не звярталі. Па сутнасці, адным з першых пра яго загаварыў П. Беркаў, ды і то пераважна ў плане ўплыву яго на скарынаўскія сілабічныя вершы: «Скарына зрабіў спробу спалучыць з біблейскай паэтыкай прыёмы сілабікі, якая толькі што зараджалася» [1, с. 259]. Што да М. Грынчыка, то ён увогуле малітваслоўнаму вершу адмаўляў у праве называцца вершам: «Гэтыя першапачатковыя ўзоры старажытнай распеўнай паэзіі не мелі нічога агульнага з пазнейшым разуменнем вершаванага тэксту, таму што структурныя адзінкі яго яшчэ даволі расплывістыя і аморфныя, надзвычай далёкія ад сучаснага разумення ўнутранай суразмернасці і сугучнасці» [2, с. 144]. Нават у самым апошнім па часе выхаду двухтомным акадэмічным выданні «Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў» у раздзеле «Паэзія» (аўтары – С. Кавалёў і І. Саверчанка) хоць і гаворыцца, што «з прыняццем у X ст. усходнімі славянамі хрысціянства і яго пашырэннем на беларускіх землях паралельна з вусна-паэтычнай народнай творчасцю пачала развівацца кніжная паэзія, найперш літургічная гімнаграфія» [3, с. 425], але з пункта гледжання вершатворчасці гэта «кніжная паэзія» зусім не разглядаецца. У названай працы слушна сцвярджаецца: «Гімнаграфічныя літургічныя творы (каноны, акафісты, сціхіры, пракімены, славы, трапары, антыфоны) пашыраліся, як правіла, у складзе рэлігійных зборнікаў – Мінеяў, Літургіянаў, Служэбнікаў, Трэфалагіянаў, Анфалагіянаў, Трыядзяў, Актоіхаў, Трэбнікаў, Часасловаў, Малітоўнікаў і Псалтыроў з дадаткамі» [3, с. 426]. Аднак, на жаль, на гэтым гаворка пра беларускі верш даскарынаўскага часу і заканчваецца. Літаральна ў наступным абзацы выдання робіцца скачок адразу ў XVI ст., калі «на хвалі Рэнэсансу зарадзілася свецкая кніжная паэзія, заснавальнікам якой справядліва лічыцца Францыск Скарына» [3, с. 426].

Аднак Скарына не толькі пачынальнік свецкай, сілабічнай, паэзіі, а яшчэ і выдатны стваральнік беларускай літургічнай паэзіі з яе малітваслоўным вершам, які (мы гэта ўбачым пасля) у гісторыі

беларускага пісьменства існаваў задоўга да пачатку XVI ст. У скарынаўскі ж час квітнела і народная вусна-паэтычная творчасць з яе фальклорным вершам у дзвюх разнавіднасцях – песеннай і інтанацыйна-сказавай (гл. [2, с. 24–34]). Апрача гэтага, у Вялікім Княстве Літоўскім, асяродкам якога была беларуская зямля, пашыралася лацінамоўная паэзія ў форме антычнага (метрычнага) вершавання. Дастаткова прыгадаць, што ў адзін час са Скарынам свае класічныя вершы і паэмы на лацінскай мове пісалі Ян Вісліцкі («Пруская вайна», 1516), Мікола Гусоўскі («Песня пра зубра», 1523) і інш. Значыць, мы можам смела гаварыць пра сужыццё ў сярэдневяковай беларускай паэзіі даскарынаўскага часу прынамсі трох тыпаў верша: народнага танічнага, метрычнага (антычнага) і малітваслоўнага. Калі першыя два з іх даволі грунтоўна вывучаны, то пра малітваслоўны верш гэтага не скажаш, таму спынімся на ім больш падрабязна.

У старажытнарускім царкоўным пісьменстве неаднойчы выкарыстоўваўся тэрмін «стих». Адзін з найбольш аўтарытэтных рускіх мовазнаўцаў акадэмік І. Сразнеўскі ў сваёй працы «Словарь древнерусского языка» зафіксаваў наступныя значэнні слова: «Ряд; строка; стих ритмический; стиховая законченная фраза; стихотворение; молитвенный стих, молитва» [4, с. 515]. Ва ўсіх гэтых значэннях тэрмін «стих», у тым ліку і ў словазлучэнні «молитвенный стих», праз богаслужбовыя тэксты прыйшоў з грэчаскай мовы ў стараславянскую, праз яе – у старажытнарускую (агульнаўсходнеславянскую), затым – у старабеларускую мову і літаратуру. Пры гэтым не будзем забываць, што богаслужбовыя тэксты маюць пераважнае бытаванне ў сваёй вуснай, гукавой іпастасі, у сувязі з чым, як заўважыў святар-тэолаг А. Агапай, надзвычай важная нааўнасць у выканаўцы літургічнага тэксту свядомай устаноўкі на паэтычнае інтаніраванне [5]. Зразумела, паэзія ўжо сама па сабе разлічана найперш на вуснае выкананне, пры якім яна раскрывае ўсе свае мажлівасці, у тым ліку гукапісныя. Літургічная ж паэзія з яе малітваслоўным вершам – тым больш.

Ад тэрміна «стих» у літургічнай паэзіі, заснаванай на паэтычным інтаніраванні, распеве (гімн, акафіст, канон, ікас, кандак, трапар і інш.), з’явіўся цэлы шэраг вытворных слоў: «*Стихера* – названне пяці учительных книг Ветхого Завета»; «*Стихира* – названне богослужебного песнопения православной церкви»; «*Стихирар* – богослужебная книга, сборник стихир»; «*Стиховня* – названне стихир с запевом из псалмов Давыдовых»; «*Стихологисати* – петь по стихам псалмы и другие церковные песнопения»; «*Стихословие* – пение псалмов по стихам поочередно на двух клиросах» [4, с. 514–515].

Падзел сакральнага тэксту на «стихи» як асобныя фразы з аднолькавым інтанацыйна-меладычным малюнкам, іх рэгулярны паўтор і запачаткавалі своеасаблівы першасны рытм гэтага званага малітваслоўнага (біблейскага, кандакарнага) верша. Узнік ён, як сведчыць М. Гаспараў, у часы Кірыла і Мяфодзія (IX ст.) як перайманне антыфонных сілабічных строф візантыйскага літургічнага верша, дзе кожнаму сілабічнаму радку адной страфы адпавядаў роўнаскладовы радок наступнай страфы. Потым з Маравіі гэты тып верша перайшоў у Балгарыю, а адтуль – на Русь (X–XI стст.). Вось такім шляхам разам з хрысціянствам усходняга абраду, Бібліяй і іншай богаслужбовай літаратурай малітваслоўны верш трапіў да ўсходніх славян, у тым ліку да беларусаў. Аднак, як адзначыў М. Гаспараў, са знікненнем у старажытнарускай мове (X–XII стст.) ераў – кароткіх галосных *ъ* і *ь* – роўнаскладовасць гэтых антыфонаў разбурылася і малітваслоўны верш ператварыўся ў падабенства чыста танічнага свабоднага верша без рытму і рыфмы, стаў абапірацца на сінтаксічны паралелізм і традыцыйныя анафары [6, с. 24]. Праўда, і ў чыста танічным свабодным вершы, не кажучы ўжо пра малітваслоўны верш, як мы ведаем, рытм ёсць. Без рытму верша ўвогуле не бывае. Нават у прозе ён прысутнічае ў выглядзе чаргавання коланаў. Што да рытму малітваслоўнага верша, то ён ствараецца чаргаваннем аднолькавых (падобных) фразова-інтанацыйных комплексаў, якія нагадваюць радкі ці строфы традыцыйнага верша.

Такім чынам, малітваслоўны верш са сваім «стихом» як асноўнай рытмічнай адзінкай лёг у аснову самай ранняй ва ўсходніх славян сістэмы вершавання. На гэта звярнуў увагу М. Гаспараў, які назваў малітваслоўны верш першым «из славянских литературных стихосложений», пры гэтым заўважыўшы, што «он еще очень мало исследован» [7, с. 195–196] (тут і далей фрагменты цытат вылучаны мной. – В. Р.). Падобнае меркаванне выказвала і вядомая сучасная паэтэса, вершазнавец, аўтар слоўніка «Церковнославянско-русские паронимы» (М., 2005) В. Седакова: «Для этого стиха в стиховедении есть особый термин – молитвословный стих. То, что получилось при переводе акафистов и канонов, это не верлибр, а **своеобразная система стиха**, по-своему очень красивая, иная, чем византийская» [8]. Як бачым, і М. Гаспараў, і В. Седакова ўспрымаюць малітваслоўны верш не проста як від верша, а нават як сістэму вершавання, сістэму асобную, своеасаблівую, спецыфічную.

Пра гэта, у прыватнасці, сведчыць і цікавае выказванне той жа В. Седаковай. У прадмове да кнігі перакладаў богаслужбовых тэкстаў з царкоўнаславянскай і старажытнаўкраінскай моў на сучасную рускую, зробленых А. Валаконскім, яна дакладна і тонка ахарактарызавала малітваслоўны верш:

«Красота – это непосредственная сила смысла, можно сказать, его воля и убедительность. Одна из главных примет этой словесной красоты – ритм. Как известно, многие византийские гимны были написаны регулярным стихом, которые славянские переводчики не стали имитировать. Но это не значит, что то, что в результате получилось на славянском, – просто подстрочники. Славянский текст явно следует каким-то сложным законам ритмики и эвфонии; это молитвословный стих, **природа которого до сих пор не выяснена стиховедами**» [9].

Сапраўды, прырода малітваслоўнага верша да гэтага часу канчаткова не высветлена, хаця да названай праблемы звярталіся такія знакамітыя вершазнаўцы, як К. Тараноўскі («Формы общеславянского церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв.»), Р. Пікія («Об изоколических структурах в литературе православных славян»), М. Гаспараў. Святар-тэолаг А. Агапаў прааналізаваў выказванні навукоўцаў пра гэты верш, але не да канца згадзіўся з імі. У прыватнасці, ён звярнуў увагу на аднабаковасць вызначэння рытмастваральных кампанентаў у ізакалічнай тэорыі Р. Пікія, сістэме рытмічных сігналаў, што адзначаюць пачаткі радкоў, К. Тараноўскага, сінтаксічным ці тэматычным паралелізме М. Гаспарава. Але ж і меркаванне самога А. Агапава нельга прыняць цалкам: «Стиховое членение церковнославянского молитвословного стиха не зафиксировано графически и может проявляться лишь как интерпретация (причем – почти всегда – одна из нескольких возможных)...» [5]. Інтэрпрэтацыя – гэта заўсёды суб'ектыўная з'ява. А ці ёсць нейкія аб'ектыўныя рытмічныя кампаненты ў «стихах»? Мяркуем, да тэорыі малітваслоўнага верша можа нешта дадаць практыка яго шырокага выкарыстання беларускім пісьменнікам Францыскам Скарынам.

Найперш паглядзім, што першадрукар укладваў у паняцце «стих» (а значыць, і малітваслоўны верш). Гэта слова Скарына неаднойчы выкарыстоўваў у прадмовах да перакладаў як «во всю Бивлию», так і да яе асобных кніг (*Псалтирь, Иов, Притчи Соломона, Премудрость Божия, Плач Ереемшин, Малая подорожная книжка* і інш.). З усіх літаратуразнаўчых тэрмінаў (а іх у Скарынавым лексіконе налічваецца звыш трох дзясяткаў) найчасцей, бадай, сустракаюцца тыя, што цесна нітуюцца з вершазнаўствам: *стих, стишок, песня, припел...* Прычым, як слухна давёў П. Беркаў, Скарына «пад словам “стихи” разумее вершы біблейскія» [1, с. 253].

У свой час выйшаў з друку ўкладзены У. Анічэнкам трохтомны «Слоўнік мовы Скарыны». У гэтым выданні слова «стих» чамусьці адсутнічае, хоць ёсць яго памяншальны варыянт – *стишокъ*, праўда, без тлумачэння значэння, але з двума прыкладамі ўжывання: *На початку кажьного стишьяка слово едино* (Плач Ераміі); *Книги рекомые погреческу псалтиромъ <...> имеют в себе кафизмъ двадесеть, псалмовъ полтораства, стишьяковъ или припеловъ две тысячи* (Быццё) [10, с. 259]. Крыху пазней слова «стих», як і лексему «стишокъ», зафіксаваў, паспрабаваўшы раскрыць значэнне, аўтары грунтоўнага выдання «Гістарычны слоўнік беларускай мовы». У ім прыводзяцца тыя самыя прыклады з мовы Скарыны, але ўжо з тлумачэннем: «**Стишокъ** наз. памяни. ад стихъ у 2 знач.» [11, с. 396]. Пад першым значэннем маецца на ўвазе «верш» у разуменні асобнага паэтычнага твора, а пад другім значэннем – «абзац біблейскага тэксту», да яго прыводзяцца наступныя прыклады з прадмоў Скарыны да перакладаў кніг Бібліі: *Имена словъ великимъ писмомъ роздельне межи стихами положены суть* (Кніга прамудрасці Божай); *Царь Соломонъ <...> сопсалъ своего складания стиховъ пять тысящей* (Прытчы Саламонавы) [11, с. 395–396]. Відавочна, гэта значэнне слова «стих» (абзац біблейскага тэксту) і з'яўляецца найбольш пашыраным у скарынаўскім тэрміналагічным абыходзе. Сведчыць пра гэта і той прыклад, якім (на маю думку, памылкова) ілюструецца ў «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» першае значэнне тэрміна: *Царь Соломонъ многие <...> притчи и стихи молвилъ* (Кніга прамудрасці Божай). Ні ў Прытчах Саламонавых, ні ў Песні песень Саламона няма ніводнага «стиха» ў значэнні асобнага верша («стихотворения»). Тут усе тэксты – і апаведныя, і лірычныя – проста раздзелены на падобныя па сваёй рытмічнай будове і, адпаведна, вымаўленні, фразова-інтанацыйныя комплексы – «стихи». Відавочна, трэба было б у «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» прывесці і трэцяе значэнне слова «стих» – як супрацьлеглае прозе мастацкае маўленне, фанічна раздзеленае на адносна кароткія суразмерныя адрэзкі. Францыск Скарына, звяртаючыся ў сваіх прадмовах да магчымага чытача (слухача) біблейскага тэксту, быў упэўнены, што вернікі, тым больш святары, «чтучи или слушаючи», зразумеюць сэнс слова «стих». Нельга не згадзіцца з П. Беркавым, які адзначаў: «Скарына не толькі сам адчуваў своеасабліваць паэтычнай мовы Бібліі, але і быў упэўнены ў тым, што ў працэсе чытання іншыя людзі зразумеюць біблейскае вершаскладанне» [1, с. 253].

З улікам усяго гэтага, думаецца, было б правільным карыстацца ў беларускамоўнай вершазнаўчай літаратуры не толькі тэрмінам «верш» (лац. *versus*), але і запазычаным з грэчаскай мовы словам «сціх» (грэч. *stichos*). Яно, магчыма, для сучаснай беларускай мовы гучыць не зусім звычайна, але, з другога боку, як гістарычны і прафесійны вершазнаўчы тэрмін арганічна кладзецца ў шэраг падобных царкоўных паняццяў: *сціхера, сціхіра, сціхірар, сціхоўня, сціхаслоўе...* Некаторыя ж абеларушаныя тэрміны з заменай часткі *сціх-* на *стых-* (накшталт апісанага ў энцыклапедычным даведніку «Рэлігія

і царква на Беларусі» слова «стыхіра») выглядаюць штучна і нагадваюць, хутчэй, нейкую «стыхію», а не слова, якое дало ім найменне (гл. [12, с. 313]). Відавочна, у нашым выпадку маюцца на ўвазе не *вершы* ў цяперашнім разуменні, а літургічныя *сціхі*. Слова гэта, як бачым, можа зусім натуральна карэліравацца і з царкоўным тэрмінам «сціхіра».

Адсутнасць у беларускай мове тэрміна «сціх» вядзе да блытаніны і ў чыста вершазнаўчай літаратуры. Так, пішучы пра Скарыну як перакладчыка і рэдактара Бібліі, У. Свяжынскі заўважаў: «Імкненне да паўнаты выдаваемай Бібліі відаць з таго, што ў праваслаўным Псалтыры 9 выбраных песень, у Скарыны ж іх 10. У 13-м псалме ёсць тры **вершы**, якіх няма ў царкоўнаславянскіх спісах. У кнізе Эсфір Скарына памяняў месцамі 10-ы і 11-ы раздзелы, у асобны раздзел вылучыў пачатак 13-га, раздзел 12-ы і пачатак 14-га апусціў зусім. У канцы прадмоў да кніг Выхад, Эсфір і Іоў ён змясціў уласныя **вершы**, што было несумяшчальным з артадаксальнымі адносінамі да царкоўных кніг» [13, с. 494]. У гэтым выказванні пад *вершамі* псалма маюцца на ўвазе *сціхі*, пад *уласнымі вершамі* – сілабічныя вершы Скарыны. Аднак мала хто з чытачоў зразумее гэта. Аналагічных прыкладаў няма.

І яшчэ адзін з аргументаў на карысць увядзення тэрміна «сціх» у беларускую вершазнаўчую тэрміналогію. Слова «верш» мы не знойдзем у лексіконе Францыска Скарыны. У яго час гэта слова яшчэ не ўжывалася ў нашым пісьменстве шырока. Як сведчыць «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы», у старабеларускую мову яно ўвайшло толькі ў XVI ст. і, хутчэй за ўсё, было перанята са старапольскай, а не непасрэдна з лацінскай мовы (гл. [14, с. 89]). Тэрмін «верш» тады ж стаў прыжывацца і ў многіх іншых еўрапейскіх мовах, за выключэннем рускай (ням. *Vers*, англ. *verse*, фр. *vers* і інш.). Працяглы час у нас словы «стих» і «верш» выкарыстоўваліся паралельна, як сінонімы. Скажам, у працы «Вопросы и ответы православному зъ папезником» (Вільня, 1603) сустракаем выраз: *Вѣршы або стихи до того, што читал* [15, с. 395]. Пра тое ж сведчыць і выданне «Лексикон славеноросскій именъ толькованіе» Памвы Бярынды (Куцейна, 1653): *Стіхъ: порядок, вѣрш* [6, с. 139]. Праўда, з часам слова «стих» пачало выходзіць з актыўнага ўжытку, стала замяняцца лексмай «верш», але гэта ўжо адбылося пасля Францыска Скарыны. Заўважым, што ў слове «верш» амбівалентнае яць (*ѣ*) у Вялікім Княстве Літоўскім продкі сучасных беларусаў, хутчэй за ўсё, прачытвалі як *е* («верш»), продкі ўкраінцаў – як *і* («вірш»), што назаўсёды замацавалася ў літаратурным маўленні двух суседніх народаў.

Відавочна, і лацінскае найменне *versus*, і польскае *wersz*, і чэшскае *verš* (як, дарэчы, і грэчаскае *stichos*) Скарына чуў, і не раз, паколькі тыя мовы добра ведаў, звяртаўся да іх, перакладаючы Біблію, чытаў некаторыя арыгінальныя вершаваныя творы на іх. Чаму ж у такім разе ён – хача б як сінонім – ні ў сваіх перакладах асобных кніг Бібліі, ні ў прадмовах і пасляслоўях да іх ні разу не ўжыў слова *верш* (*вірш*)? Думаецца, таму, што Скарына ўжо адрозніваў свецкі сілабічны *верш* ад літургічнага інтанацыйна-сказавага *сціха*. Апрача таго, нават у дробязях, у тым ліку ва ўжыванні вершазнаўчай тэрміналогіі, ён быў сарыентаваны на Русь з яе тагачаснай літаратурнай «рускай мовай» і праваслаўнай грэка-візантыйскай царквой. Не толькі *наперед ко чти и к похвале Богу ён повелел Біблію тиснути рускими словами, а словенским языком*, а і дзеля сваіх праваслаўных землякоў, прычым, як ён пісаў, *наболей с тоє причины, иже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил*. А для літургічнай літаратуры на тым «языку» *верш* быў яшчэ чужаком.

У «Предъсловиі доктора Франъиска Скорины с Полоцька во всю Бивлию рускаго языка» звяртаецца ўвага вернікаў на наступнае: *Аще ли же помыслиши умети риторику, еще ест красномовность, чти книга Саломоновы. А то суть три науки словесные* (маюцца на ўвазе граматыка, логіка і рыторыка. – В. Р.). *Восхощеш ли пак учитися музыки, то ест певници, премножество стихов и песней светых по всей книзе сей знайдеши* [13, с. 10].

Прафесар П. Беркаў, спыніўшыся на канкрэтных выказваннях Ф. Скарыны, дзе фігуруюць паняцці «стих» і «песня», прыйшоў да наступнай высновы: «У разуменні Скарыны прыкметай паэтычнага стылю Бібліі з’яўляюцца сціхі і песні. Гэта, відаць, не супрацьпастаўленне, а адрозненне па характары выканання: песні, якія таксама складаюцца са сціхоў, спяваюцца; проста сціхі – чытаюцца» [1, с. 254]. Пра тое, што вучоны меў рацыю, сведчыць і Скарынава характарыстыка кнігі Псалтыр – зборніка псалмаў, малітоўных песнапенняў, які мае *в собѣ кафизм* (адзін з раздзелаў Псалтыра. – В. Р.) *двадцеть, псалмов полтораста, стишков или припелов две тысеци и шестьсот* [13, с. 14]. Пацвярджаннем разумення сціха як асобнага вянца ў цэлым паэтычным зрубе можа быць і выказванне з прадмовы да кнігі Іоў: *Делится же сия книга на главы, а главы ся делять на стихи, по тому ж, яко и Псалтирь ся делить. Почениши от третия главы даже до остаточное вся сия книга стихами розделена ест, яко же чтучи поразумееш* [13, с. 29]. Гаворачы, што вернікі *чтучи, поразумеють* сціхі, Скарына, відавочна, меў на ўвазе традыцый літургічнай літаратуры, якая была даволі распаўсюджанай на ўсходнеславянскіх землях. Сціх для тагачаснага чытача гэтай літаратуры, у тым ліку Бібліі, не быў новай з’явай. Пазней асобныя біблейскія сціхі пачалі нават нумаравацца, што значна аблягчала іх пошук у Бібліі.

Малітваслоўны верш, як, дарэчы, і само слова «стих», у арыгінальнай беларускай канфесійнай літаратуры адным з першых стаў выкарыстоўваць яшчэ Кірыла Тураўскі (каля 1113 – пасля 1190). Разгледзім некаторыя «Кирилла епископа Туровского *стиси...*» з яго малітвы, якая пачыналася заўвагай-папярэджаннем: *По каемъждо **стисе** метание (зямны паклон. – В. Р.) съ усмирением и съ слезами, исповедався пред образом Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Матере.* Прыкладзём у якасці ілюстрацыі невялікі ўрывац з гэтай малітвы:

Христе Боже мой и Творче! Помилуй мя, много съгрешившего, оскверненаго всякими плотскими нечистотами мръзостных, и в безсловесных молю Тя премилостиве: отпусти ми сия и чистоту подаждь ми!

О Владыко мой Боже и Господи Иисусе Христе, иже благоволил еси прийти на землю на спасение грешных, пръвый в них аз есмь, превзыдох многыми бесчисленными грехы моими! Приими мя, обращающагося к Тебе ныне и спаси мя, якоже спасл еси Манасию, и блудницу, и блуднаго сына!

Всецедре и милостиве Господи! Приими покаание мое, якоже прият разбойника, на кресте исповедавши Ти ся, и спаси мя Креста ради Твоего и еже на том излиянныя пречистыя божественныя крове Твоя за мирьскый живот! [16, с. 65].

У канцы малітвы – яшчэ адно ўказанне на тое, што гэта не прازیчны тэкст, а вершаваны: *И по концы коегождо правила глаголи сей **стих*** [16, с. 66]. А гэта азначала, што пры выкананні малітвы патрэбна было захоўваць не толькі ўзвышаную, велічную танальнасць, але і пэўны мелодыка-інтанацыйны малюнак. Гэта, як бачым, разумелі святары і вернікі яшчэ ў XII ст. Што ўжо казаць пра скарынаўскі час – пачатак XVI ст.! Раўнамернае чаргаванне асобных сціхоў – малітоўных выслоўяў з тым самым мелодыка-інтанацыйным малюнкам – і стварала своеасаблівы ізахронны рытм малітваслоўнага верша.

Але не толькі гэта. На ўзнікненне сціхавага рытму малітвы аказвалі ўздзеянне таксама граматычныя і лексічныя рытмастваральныя сродкі: паўтор аднолькавых сінтаксічных канструкцый, тэматычных клішэ (зварот да Бога + указанне на Божую літасць + канкрэтная просьба верніка), наяўнасць анафарычных зачынаў, адных і тых жа ці падобных лексем, граматычных форм... Выразны сціхавы рытм праз сваю эстэтычную функцыю ўздзейнічаў на псіхіку вернікаў, выклікаў у іх станоўчыя эмоцыі, стан душэўнага ўздыму, эстэтычнага перажывання. Менавіта ў гэтым заключаецца асноўная прычына звароту да вершаванага рытму, да сціха як у шматлікіх творах Кірылы Тураўскага – малітвах, казаннях, прытчах, словах, – так і ва ўсёй літургічнай паэзіі.

Як мы бачылі, толькі ў адной сваёй малітве Кірыла Тураўскі тройчы ўжыў тэрмін «стих», засведчыўшы прысутнасць яго ў беларускай літургічнай літаратуры і мове пісьменства далёкага XII ст. Выкарыстоўваўся малітваслоўны верш у богаслужбовых тэкстах Беларусі і пазней, у тым ліку, як мы ўжо гаварылі, у творах Францыска Скарыны – арыгінальных (спарадычна) і перакладных (перманентна), а таксама яго паслядоўнікаў (Сымон Будны, Васіль Цяпінскі і інш.). Усё гэта дае падставу ўвесці яго ў гісторыю беларускага вершавання і як асобную адзінку верша – *сціх*, і як асобную сістэму вершавання – *сціхавое вершаванне*.

Вось некалькі сціхоў з пятай главы кнігі Іоў, якія Скарына раздзяліў на пісьме вялікімі тлустымі кропкамі, а мы – абзацамі:

*Ничто же не деется на земли без причины, / и из земли не исходитъ бользнъ.
Человек родится къ работѣ, / и птица к летанию.
Сего деля помолюся аз господу / и прѣд богом моим положу словѣса моя.
Он же чинить дела великая и неисведомая и дивная, / им же несть числа.
Он одождяет дождь на лице земли, / и напоетъ водами всю вселенную.
Он же возводитъ смиренныя на высоту, / и немощные приводитъ к полному здравію.
Он же спрашаетъ мысленія злых, / дабы не могли наполнити рук своих яже почали суть.
Он постигаетъ мудрых в хитрости их, / и совѣтъ неправѣдных розвращаетъ.
В день впадутъ в тмы: / и яко вночи, тако щупати будяють ополудни.
Но избавитъ нищего от меча устъ их, / и из руки насилниковы изторгнетъ убогаго.
И будетъ нищему в надежу, / яко нечестіе ступитъ уста своя* [17, с. 722].

Так і хочацца ўсклікнуць: якая метафорыка, афарыстыка, якая высокая паэзія перад намі! Ясна, што так перастварыць старажытнагрэчаскі тэкст мог толькі сапраўдны паэт, а не ўсяго толькі, як лічыў П. Беркаў, «літаратар, не пазбаўлены нават некаторых паэтычных здольнасцей» [1, с. 260]. Найбольш слушнай падаецца думка Ю. Лабынцава: «Скарына-пісьменнік застаецца малавядомым нават сярод вучоных, не кажучы ўжо пра шырокага чытача. Важкіх слоў аб літаратурным таленце

вялікага беларуса яшчэ не сказана, яны яшчэ наперадзе. А ён жа быў незвычайным паэтам і выдатным гімнографам, творы якога жылі ў чалавечых сэрцах цэлыя стагоддзі...» [18, с. 124]. Доказам сказанага могуць служыць многія старонкі кнігі Бібліі, як, дарэчы, і паэтычнасць асобных фрагментаў прадмоў і пасляслоўяў да гэтых кніг перакладчыка. Нельга не згадзіцца з В. Седаковай у тым, што «в богослужебных текстах мы часто сталкиваемся с весьма изысканной поэзией, и здесь есть проблемы, которые возникают при переводе любой поэзии: желательно, чтобы переводчик был поэтом. <...> Наличные переводы часто напоминают прозаические подстрочники, они необходимы в учебных целях, но, когда их читают или поют на богослужении, кажется, что произносят не текст, а комментарий к тексту. Вся сила и красота слова пропадает. А литургическому слову необходима сила и красота» [8]. У перакладах Францыска Скарыны, як правіла, захаваны і моц, і прыгажосць літургічных твораў. Гэта, зрэшты, наглядна бачна пры супастаўленні тэкстаў яго выданняў з некаторымі сучаснымі перакладамі Бібліі на рускую і беларускую мовы.

І, відавочна, не адзін талент дапамагаў Скарыну захоўваць паэтычнасць, мастацкасць у яго перакладах Бібліі, прадмовах і пасляслоўях да іх. Нельга не згадзіцца з А. Жлуткам, які заўважыў: «Уражае рытмічная завершанасць, суладнасць і лёгкасць мовы скарынаўскіх прадмоў і пасляслоўяў: рытарычныя фігуры падкрэсліваюць узнёсласць і грацыёзнасць выкладу, нагадваючы вытанчаны стыль Цыцэрона» [18, с. 244]. Талент талентам, але пісьменніку патрэбна і творчая вучоба, самастойная ці – яшчэ лепш – спецыяльная. Як мы ведаем, Францыск Скарына скончыў факультэт вольных навук Кракаўскага ўніверсітэта, атрымаў разам з дыпламам доктара філасофіі і глыбокія веды па антычнай і рэнесансавай рыторыцы, паэтыцы. Ва ўніверсітэце належнае месца адводзілася і практыцы: выпрацоўцы ўмення спалучаць, паводле вызначэння В. Дышыневіча, «гамераўска-платонаўскую канцэпцыю “ляпіць душы” з цыцэронаўскай тэорыяй красамоўства, якая патрабавала ад творцаў выкарыстання трох стыляў, рытмізаванага складу ў прамовах, прозе і паэзіі» [18, с. 138]. Усё гэта якраз і дапамагло Скарыну ў час творчай працы, абумовіла не толькі яе стыль, але і вынікі. Выдаць за тры гады (1517–1519) 23 кнігі Бібліі (перакласці, напісаць да іх прадмовы і пасляслоўі, праілюстраваць, надрукаваць і г. д.) – сёння такое магло б трапіць у «Кнігу рэкордаў Гінеса»...

Аднак вернемся да праблемы *сціхоўнасці* прыведзеных вышэй цытат з перакладу кнігі Іова. Вершаваны рытм мы разумеем як раўнамернае чаргаванне ў вершаваных радках (радах, сказах, абзацах) якіх-небудзь аднолькавых (падобных) гукавых і моўных з’яў. Якія ж гукавыя і моўныя з’явы тут можна вылучыць? Найперш трэба памятаць, што ў адносінах да біблейскай паэзіі гаворка можа ісці пра тэкст, які гучыць, пра яго інтанацыйнае, меладычнае напаўненне. Па назіранні М. Грынчыка, «кандакарны біблейскі верш падпарадкоўваўся зусім іншым структурным законам – вызначальнай тут з’яўлялася суадпаведнасць паміж зместам тэксту і яго музычным афармленнем або распевам» [18, с. 144]. На гэта звяртаў увагу і сам Францыск Скарына, у прыватнасці ў сваёй «Малой падарожнай кніжцы» (Вільня, 1522): *Стихеры на господи возвах покаяльные – глас б и на стиховни писаны суть на вечерни. <...> Канон гробу господню гласа 1, певаемы со акафістом и в неделю на заутрени. <...> Канон Предтечи, глас 2, творение Иосифа, певаемый со акафістом и на утрени...* [19, с. 101]. Калі ж нават проста дэкламаваць сціхі, то на іх рытм таксама будзе аказваць уплыў характар інтанавання: перад паўзай, якая падзяляе сціх на два сінтагматычныя адзінствы, інтанацыя ўзыходная (антыкадэнцыя), пасля паўзы – зыходная (кадэнцыя).

Разам з тым, разважаючы над спецыфікай біблейскай паэзіі, якая з часам мянялася, прафесар П. Беркаў слухна адзначаў яе нязменную моўна-сэнсавую канстанту – «так званы *parallelismus membrorum* (“паралелізм членаў”», гэта значыць паралельнае развіццё ідэі ў паэтычнай “адзінцы” – вершы. Кожны біблейскі сціх звычайна складаецца з двух падзеленых цэзурай паўрадکوўяў, радзей – з трох частак. У першым выпадку паэтычная думка ці паэтычны вобраз, выражаны ў першым паўрадکوўі, атрымліваюць далейшае развіццё ў другім паўрадکوўі. <...> Значна радзейшыя выпадкі паралелізму членаў, калі сціх складаецца з трох частак. У гэтым выпадку паралелізм абавязковы для першай і другой або для другой і трэцяй частак...» [1, с. 254–255].

Літаральна ўсе прыведзеныя намі сціхі таксама выяўляюць названыя асаблівасці малітваслоўнага верша. Знакам / мы паказалі месца паўз, што дзеляць сціхі на дзве часткі як паводле інтанацыі (антыкадэнцыя + кадэнцыя), так і паводле вобразна выказаных у іх думак. Калі мы разглядалі сціхі Кірылы Тураўскага, звярнулі ўвагу на паўтор гэтак званых аднатыпных вобразна-сэнсавых клішэ. Там яны складаліся з трох частак, тут – з дзвюх. Паралелізм членаў, перыядычны іх паўтор, зразумела, моцна ўплываюць на стварэнне моўнага рытму малітваслоўнага верша (як і паўтор аднатыпных сінтаксічных канструкцый (сказаў з далучальнай сувяззю), анафарычных зачынаў, асобных лексем – займеннікаў *онь*, злучнікаў *и* – і інш.).

Каб пацвердзіць нашы назіранні, звернемся да яшчэ аднаго выразна паэтычнага біблейскага тэксту, таксама падзеленага на сціхі. Да перакладу кнігі Песня песень цара Саламона (пачатак главы 4):

*Се ты коль красна есь, приателко моя, / се ты коль красна есь.
Очи твое, яко голубице, / кромѣ того, что внутри скрито ест.
Власы твое, яко стада коз, / еже выходятъ з горы Галаад.
Зубы твое, яко стада овецъ пострыженных, / еже выступили из купала.
Вси имеющие по двою ягнеток, / и яловое несть посреди их.
Яко завивание червеное, уста твоя, / и молвение твое сладко [20, с. 431].*

Як і ў папярэднім выпадку, біблейскі тэкст у кнізе Песня песень надрукаваны так, як друкуюцца праявічныя творы, – паводле шырыні кніжнай старонкі. Так, зрэшты, афармляецца большасць богаслужбовых тэкстаў нават сёння. Асобныя ж сціхі ў Ф. Скарыны, як і ў папярэднім прыкладзе, аддзяляюцца адзін ад аднаго тлустымі кропкамі, размешчанымі не ўнізе, а пасярэдзіне радкоў. Традыцыя такога члянэння біблейскага тэксту на сціхі (часам яны раздзяляліся паміж сабой і водступамі), відавочна, запазычана першадрукаром з рукапісных царкоўнаславянскіх тэкстаў XI–XVI стст. Часам для аналагічных мэт прымяняліся двукроп’і, і ўспрымальнікі Бібліі добра разумелі гэта. Прыгадаем заўвагу перакладчыка, выказаную ім у прадмове да кнігі Іоў: ...*вся сия книга стихами розделена ест, – якоже, чтучи, поразумееш*. Тое ж і ў прадмове да ўсёй Бібліі: ...*каждая глава делится на притчи, якобы на некие стихи или розделения, яже чтучи поразумееш...*

Яшчэ адзін прыклад – сціхі з малітвы, якая завяршае кнігу Плач Ераміі:

*Вспомяни, господи, всѣ пригоды наше, возри и видѣ студ лица нашего.
Достояние наше обратися в чуждых, и дома наша во иноплеменики.
Сироты учинены есмо без отцев, матки наше яко вдовице.
Воду нашу за сребро пихом, дрова наше за цену куповахом.
За шыю ведены быхом, утомленным не даша отпочинения... [20, с. 693].*

Тут, як і ў папярэдніх выпадках, рытм ствараецца інтанацыйнымі сродкамі (антыкадэнцыя + кадэнцыя) і моўнымі прыёмамі (паралелізм членаў, паўторы граматычныя, сінтаксічныя, лексічныя). Да таго ж тэкст раздзелены на асобныя *монасціхі* (аднарадкоўі), што чытачы (слухачы) літургічнай паэзіі добра разумелі, паколькі гэтыя радкі аддзяляліся адзін ад аднаго міжсціхавымі паўзамі. Паўтор монасціхоў з аднатыпным мелодыка-інтанацыйным і моўным малюнкам і ствараў іх адметны рытм.

Разам з тым у Бібліі Скарыны сустракаем і іншае, спецыфічнае размяшчэнне сціхоў. Гэта, у прыватнасці, назіраецца ў кнізе Плач Ераміі – своеасаблівай пранікнёнай лямантацыі прарока Ераміі па дашчэнтну разбураным аграэсарам (царом Навухаданосарам) Іерусаліме. Архітэктоніка кнігі непасрэдна прадвызначана яе зместам. Вось як растлумачыў сам перакладчык залежнасць формы падачы матэрыялу ад яго зместу: *Потреба ест ведати, иже сия книжка замыкает в себе шесть азбук еврейских. У первой главе азбука едина, якоже имена слов великим письмом роздельне межи стихами положены суть. Во второй главе азбука едина. У третьей главе азбуки три, на початку каждого стишка слово едино. В четвертой главе азбука едина. А во единой каждой азбуке суть слов двадесеть и два [18, с. 676].* Далей Францыск Скарына пералічвае па парадку ўсе 22 літары яўрэйскага алфавіта ў іх арыгінальным гучанні і тут жа дае іх пераклад: *Первое слово называется алеф, еже по-рускии сказуется наука. Второе бет, знаменует дом. Третье кгимель – полность. Четвертое далет – крижала. Пятое ге – сия...* [18, с. 676]. Пасля кожнага такога слова, вылучанага вялікімі літарамі, ідуць сціхі ў выглядзе трохрадкоўяў:

АЛЕФЪ

*Азъ муж видяй нищету мою в жезле розгневания моего:
Мене погналь есть и привел въ темность, а не во светлость:
Толико на мя возложил и обратил руку свою весь день:*

БЕТЪ

*Стару учинил кожу мою и тело мое и сотре кости мое:
Обляже мя воколо и оградил мя жолчию и суетою:
Во тьмахъ посадилъ есть мене яко мертвеца вечного:*

КГИМЕЛЬ

*Окружил мя абых не выходил и обтяжил путо мое:
Но егда вопихъ и просихъ, загналъ есь молитву мою:
Завалял пути мое камением и превратил стези мое:*

ДАЛЕТЪ

*Медведь лобяй учинен ест, мне лев во сокритостех:
Стези моя сокрушил и вывратил и положил мя пуста:
Натягне лук свой и поставил мя яко мету ко стреле:*

ГЕ

*Впустил есть в лядви мое стрелы тула своего:
И бых впомсех всем людем моим и в песнь весь день:
Накормил мя горкостями и напоил мя пельном...* [20, с. 686–687].

Такі выгляд маюць усе 22 сціхі кожнай з трох першых глаў кнігі Плач Ерамii. Магчыма, так быў пададзены тэкст у невядомым нам старажытным іншамойным арыгінале, з якога Скарына іх перакладаў, аднак у нiводным з сучасных выданняў Бiблii такой сцiхавой архiтэктонiкi няма. Таму, хутчэй за ўсё, гэта своеасаблівае ноу-хау самога перакладчыка, які пры друкаванні не iгнараваў і візуальны спосаб падачы тэкставага матэрыялу. Так, у канцы кнігі Плач Ерамii невялікае пасляслоўе «Францыска Скорины с Полоцька» надрукавана ў выглядзе трыкутніка вастрыём уніз. Прычыну ж такога афармлення і кнігі ў цэлым, і асобных сцiхоў (тэ́рцэ́таў) знаходзім у тым жа пасляслоўі Скарыны: *Доконана есть книжка Плачу Еремии, пророка господня. Еже замыкает в собь во трех главах три азбуки еврейские. А во самой третьей главе три азбуки. На знамя тайны живоначалное тройци* [18, с. 695]. Аказваецца, усе «трыяды», у тым ліку сцiхавыя тэ́рцэ́ты, абумоўлены задачай звярнуць увагу на Святую Тройцу, якую Францыск Скарына з пiетэтам згадваў у прадмовах і пасляслоўях літаральна да ўсiх сваiх перакладаў.

У адрозненне ад першых трох глаў кнігі Плач Ерамii ў перадапошняй, чацвёртай, главе сцiхі ўвабляюцца ўжо не ў тэ́рцэ́тах, а ў дысцiхах. Вось пяць першых (з 22) дысцiхоў гэтай главы:

АЛЕФЪ

*И яко затемнело есть злато, и променися краска najlepшая.
Роскиданы суть каменеви святыни на початку всех улицъ:*

БЕТЪ

*Сыновъ сионстии славни и одеани златомъ первымъ.
Съ положены, яко сосуды глиненны дело рук горнчаревых:*

КГИМЕЛЬ

*Но иланъ обнажили перси и кормили дети свое.
Дщера же людей моих нелютостива, яко пструс в пустыни:*

ДАЛЕТЪ

*Прильпе язык сущего к дяснам его для жажды.
Мали просили суть хлеба и не было, кто бы уломил им:*

ГЕ

*Тии еже кормлены были, в коханий загнули на пути:
И тии еже хованы были, во красных речах хопилися гною* [20, с. 690–691].

Заўважым, што такую архiтэктонiку кнігі Плач Ерамii (запіс сцiхоў у выглядзе трох і двух радкоў) вядомыя нам сучасныя ўзнаўленні Бiблii (рускае, беларускае, украiнскае, польскае і некаторыя iншыя) не ўтрымліваюць. Пры гэтым нiводны даследчык творчай спадчыны Францыска Скарыны чамусьцi на падобны візуальны запіс тэксту таксама ўвагі не звярнуў. А перад намі ж не што iншае, як асобныя вершаваныя строфы (тэ́рцэ́ты і дысцiхі), выкарыстаныя Скарынам яшчэ на самым пачатку далёкага XVI ст., – несумненны ўклад яго ў беларускую ды і ўсю славянамоўную строфіку. Разам з тым Плач Ерамii можна ўспрымаць і як паэму ў вершах, напісаную пераважна трохрадковiкамі і двухрадковiкамі. У такім выпадку мы будзем мець не «ўсяго тры» (П. Беркаў) вершы беларускага паэта эпохі Сярэднявечча (менавiта паэта!), а такую колькасць сцiхоў, якой хапіла б на цэлую кніжку перакладной паэзіi!

І трэцяе, што хацелася б адзначыць. Калі, як слухна выказаўся П. Беркаў, Францыск Скарына «iмкнуўся спалучыць прынцыпы бiблейскай паэтыкi з элементамі сiлабiзму, які пачынаў зараджацца» [1, с. 258], то гэта спалучэнне выявілася найперш не ў яго ўласных сiлабiчных вершах, а ў перакладных сцiхах, у тым ліку тых, што ўвайшлі ў паэму-лямантацыю Плач Ерамii.

З малiтваслоўным вершам звязана яшчэ адно творчае новаўвядзенне Ф. Скарыны. У склад сваёй «Малой падарожнай кніжкi» ён уключыў 18 выданняў акафістаў і канонаў. І акафісты, і каноны, як творы песенныя, складаюцца са сцiхоў: «Акафістамi называюць асобыя царкоўныя службы, якія складаюцца з панегiрычных, хвалебных песнапенняў і малiтваў у гонар Ісуса Хрыста, Багародзiцы і святых, а канонамi – песнапенні, складзеныя на аснове бiблейскiх песняў старазапаветных прарокаў і праведнiкаў» [13, с. 234]. Большасць з iх у Францыска Скарыны перакладныя, аднак сярод iх знаходзяцца і два выразна арыгiнальныя – Акафіст Іаану Прадцечу і Акафіст Ісусу. Як слухна сцвярджае даследчык старажытнай лiтургiчнай паэзіi А. Турылаў, «Скарына – родапачынальнiк жанру акафіста

ва ўсходнеславянскай гімнаграфіі, які пашырыўся ў беларускай, рускай і ўкраінскай літаратурах 17–18 стст.» [13, с. 304]. Ужо адно гэта можна паставіць першадрукару ў заслугу. Але не толькі гэта. Ён першы ўсходнеславянскі паэт, які ў акафістах ужыў форму акраверша. Праўда, дакладней было б і па-беларуску назваць гэты від верша акрасціхом, паколькі мы маем справу не з вершам у цяперашнім разуменні, а з літургічным сціхом. Вось пачатковыя фразы першых пяці сціхавых моўных перыядаў Акафіста Іаану Прадцечу:

Стих 1

Почитаем славную память твою, Богом похваленый Иоанне...

Стих вторы

Иже зачатием своим отца удивил во чреве материне...

Стих трети

Сам ты, преблаженъ Иоанне, от ангела имя принял...

Слава

Ангельское житие явил еси всем нам, пресвятый крестителю господень...

І ныне

Лукавый Ирод не хотая оставити прелюбодейци, жены брата своего... [19, с. 79–80].

Калі паглядзець на першыя літары гэтых фраз зверху ўніз (яны вылучаны тлустым шрыфтам), можна прачытаць слова «писал». Наступныя пачатковыя літары кожнага з 12 кандакоў і ікасаў (царкоўных песнапенняў), якія чаргуюцца папераменна, дазваляюць прачытаць прозвішча аўтара гэтага акафіста: *Писал доктор Скоринич Францискус*. У Акафісце Ісусу таксама прачытваецца своеасаблівы «аўтограф» аўтара, але ўжо крыху відазменены: *Делал доктор Скоринич Францискоус*. Апрача гэтых двух арыгінальных акрасціхоў, ёсць у Скарыны і трэці, перакладны, – Акафіст святым Пятру і Паўлу. Ён ужо не імянны, а алфавітны: у ім паслядоўна фіксуецца ўсе 24 літары грэчаскага алфавіта (з улікам асаблівасцей кірылічнай азбукі), прычым ён засноўваецца толькі на кандаках і ікасах, не закранае 5 сціхоў да першага кандака (гл. [13, с. 235]). Перад намі – своеасаблівы сціх-азбукоўнік, а фактычна – першы азбукоўнік у нашай паэзіі.

Такім чынам, ёсць усе падставы называць Францыска Скарыну не толькі першадрукаром, перакладчыкам, публіцыстам, тэолагам, асветнікам, мастаком-графікам, але і таленавітым **паэтам**, яскравым стваральнікам малітваслоўнага верша, прадстаўніком **сціхавога вершавання** – сістэмы, што ў гісторыі ўсходнеславянскай паэзіі папярэднічала сілабічнаму вершаванню. У аснове **сціхавога рытму** скарынаўскага малітваслоўнага верша, разлічанага, як правіла, на вуснае выкананне, ляжалі два чыннікі: рытма-меладычны (традыцыйна замацаваныя распевы, інтаніраванне, антыкадэнцыя і кадэнцыя) і моўны (тэматычны і сінтаксічны паралелізм, анафары, паўторы асобных лексем і інш.). У актыў Скарыны-паэта можна залічыць не толькі шырокае выкарыстанне малітваслоўнага верша, усталяванне рытмастваральных чыннікаў літургічнага сціха, але і распрацоўку некаторых яго жанраў, відаў і форм (*акафіст, тэрыэт, дыптых, акрасціх* і інш.).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. 450 год беларускага кнігадрукавання / рэдкал.: К. К. Атраховіч (Кандрат Крапіва) [і інш.]. Мінск, 1968.
2. Грынчык М. М. Шляхі беларускага вершаскладання. Мінск, 1973.
3. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. 2-е выд. Мінск, 2006. Т. 1 : Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя / навук. рэд. В. А. Чамярыцкі.
4. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. М., 1989. Т. 3, ч. 1 : Р–С.
5. Свящ. Алексей Агапов. В поисках существенных дефиниций молитвословного стиха [Электронный ресурс]. URL: pstgu.ru/download/12780888890.agapov.pdf (дата обращения: 20.03.2017).
6. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
7. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
8. Седакова О. Каково место религии в современной культуре? : интервью [Электронный ресурс]. URL: www.religare.ru/2_13807.html (дата обращения: 19.03.2017).
9. «Богослужебный текст на русском возможен»: Ольга Седакова о переводах Анри Волохонского [Электронный ресурс]. URL: www.colta.ru/articles/literature/9901 (дата обращения: 19.03.2017).
10. Слоўнік мовы Скарыны : у 3 т. / склад. У. Анічэнка. Мінск, 1984. Т. 2.
11. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 32. Смыкаваты – Струмень / склад.: А. М. Булыка [і інш.]. Мінск, 2012.
12. Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск, 2001.
13. Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1988.

14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 2. Мінск, 1980.
15. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 3. Варыво – Вкупе / склад.: А. П. Груцо, В. У. Мяснікова, У. М. Свяжынскі ; рэд. А. М. Булыка. Мінск, 1983.
16. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. Мінск, 2003.
17. Біблія: факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Ф. Скарынаю ў 1517–1519 гг. : у 3 т. Т. 2. Мінск, 1991.
18. Спадчына Скарыны : зб. матэрыялаў першых Скарынаўскіх чытанняў (1986) / уклад. А. І. Мальдзіс ; уступ. слова І. Я. Навуменкі. Мінск, 1989.
19. *Скарына Ф.* Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўн. А. Ф. Коршунава ; паказ. А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. Мінск, 1990.
20. Біблія: факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гг. : у 3 т. Т. 3. Мінск, 1991.

References

1. [450 years of Belarusian book publishing]. Minsk, 1968 (in Belarus.).
2. Hrynchuk M. M. [On the pathways of Belarusian versification]. Minsk, 1973 (in Belarus.).
3. [History of Belarusian literature of XI–XIX centuries] : in 2 vol. 2nd ed. Minsk, 2006. Vol. 1 : Ancient literature: XI – early XVIII century.
4. Sreznevsky I. I. [Dictionary of the ancient Russian] : in 3 vol. Moscow, 1889. Vol. 3, part 1 : R–S (in Russ.).
5. [Rev. Alexei Agapov. I search for essential definitions of the euchologion verse]. URL: pstgu.ru/download/12780888890.agapov.pdf (date of access: 20.03.2017) (in Russ.).
6. Gasparov M. L. [An essay on the history of the Russian verse. Metrics, rhythmic, rhymes, strophics]. Moscow, 1984 (in Russ.).
7. Gasparov M. L. [An essay on the history of the European verse]. Moscow, 1989 (in Russ.).
8. Sedakova O. [What is religion for the contemporary culture?] : an interview. URL: www.religare.ru/2_13807.html (date of access: 19.03.2017) (in Russ.).
9. [«Liturgical text is possible in Russian»: Olga Sedakova comments on Henry Volokhonsky translations]. URL: www.colta.ru/articles/literature/9901 (date of access: 19.03.2017) (in Russ.).
10. Anichenka U. (compil.). [The Skaryna Dictionary] : in 3 vol. Minsk, 1984. Vol. 2 (in Belarus.).
11. [Historical dictionary of the Belarusian language]. Issue 32. Smykovati – Strumen. Minsk, 2012 (in Belarus.).
12. Pashkou H. P., Babosau J. M., Bazhenau J. V., et al. (eds.). [Religion and the Church in Belarus] : encycl. ref. book. Minsk, 2001 (in Belarus.).
13. [Francysk Skaryna and his Epoche] : encycl. ref. book. Minsk, 1988 (in Belarus.).
14. [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Vol. 2. Minsk, 1980 (in Belarus.).
15. Hruco A. P., Miasnikova V. U., Sviarzhynski U. M. (compil.). [Historical dictionary of the Belarusian language]. Issue 3. Varivo – Vkupe. Minsk, 1983 (in Belarus.).
16. Chamiarycki V. A. (ed.). [Antology of the ancient Belarusian literature: XI – early XVIII century]. Minsk, 2003 (in Belarus.).
17. [The Bible: facsimile reprint of the edition by Francysk Skaryna of 1517–1519] : in 3 vol. Vol. 2. Minsk, 1991 (in Belarus.).
18. Maldzis A. I. (compil.). [Skaryna's Heritage] : compil. of the first Skaryna acad. read. (1986). Minsk, 1989 (in Belarus.).
19. Skaryna F. [Works: forewords, legends, afterwords, akathists, Easter texts]. Minsk, 1990 (in Belarus.).
20. [The Bible: facsimile reprint of the edition by Francysk Skaryna of 1517–1519] : in 3 vol. Vol. 3. Minsk, 1991 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 10.04.2017.

Received by editorial board 10.04.2017.

ТЫПАЛОГІЯ БІБЛЕЙСКІХ КАМПАНЕНТАЎ У ТЭКСТАХ ВЫДААННЯЎ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ

А. А. АКУШЭВІЧ^{1*}

^{1*} *Акадэмія паслядыпломнай адукацыі, вул. Някрасава, 20, 220040, г. Мінск, Беларусь*

Выяўляецца прысутнасць біблейскага тэксту ў творах Францыска Скарыны. На аснове аналізу прадмоўна-пасляслоўнага комплексу, малітваў і гімнаграфіі беларускага першадрукара з улікам папярэдніх даследаванняў уводзіцца тэрмін «біблейскі кампанент». Адзначаецца, што дадзенае паняцце адлюстроўвае новы падыход да праблемы біблейскай цытацыі і дазваляе пазбегнуць размывання значэння тэрміна «біблейская цытата». Праводзіцца тыпалагізацыя біблейскіх кампанентаў, пры гэтым улічваецца рознабаковы ўплыў кнігі Святога Пісання на розныя ўзроўні тэкстаў Францыска Скарыны. Вылучаюцца наступныя тыпы біблейскіх кампанентаў: цытата ў вузкім значэнні слова, правобразная канструкцыя, малітоўны элемент, біблейскі вобраз, біблейскі сюжэт, біблейская парэнеза, метатэкставы элемент, маргіналія і назва кнігі. Сцвярджаецца, што як асобныя біблейскія кампаненты варта разглядаць іншамоўныя фрагменты і цытаты з тэкстаў іншых аўтараў. Заўважана, што дадзеныя часткі твораў могуць уяўляць сабой варыянт аднаго з названых вышэй кампанентаў, аднак дамінантнай характарыстыкай у іх з'яўляецца менавіта іншамоўнасць або запазычанне з тэкстаў іншага аўтара. Вызначаецца элемент паэтыкі біблейскага тэксту ў творах Францыска Скарыны.

Ключавыя словы: Францыск Скарына; біблейская цытата; біблейскі кампанент; цытацыя; тыпалогія біблейскіх кампанентаў.

ТИПОЛОГИЯ БИБЛЕЙСКИХ КОМПОНЕНТОВ В ТЕКСТАХ ИЗДАНИЙ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

А. А. АКУШЕВИЧ¹⁾

¹⁾ *Академия последипломного образования, ул. Некрасова, 20, 220040, г. Минск, Беларусь*

Выявляется присутствие библийского текста в произведениях Франциска Скорины. На основе анализа предисловно-последсловаго комплекса, молитв и гимнографии белорусского первопечатника с учетом предшествующих исследований вводится термин «библейский компонент». Отмечено, что данное понятие отражает новый подход к проблеме библийской цитации и позволяет уйти от размывания значения термина «библейская цитата». Проводится типологизация библийских компонентов, при этом учитывается разностороннее влияние книг Святого Писания на разные уровни текстов Франциска Скорины. Выделяются следующие типы библийских компонентов: цитата в узком значении слова, прообразная конструкция, молитвенный элемент, библийский образ, библийский сюжет, библийская паренеза, метатекстовый элемент, маргиналия и название книги. Утверждается, что как отдельные библийские компоненты следует рассматривать иноязычные фрагменты и цитаты из текстов других авторов. Указано, что данные части произведений могут представлять собой вариант одного из указанных выше компонентов, однако доминирующей характеристикой в них является именно иноязычность или заимствование у другого автора. Определяется элемент поэтики библийского текста в произведениях Франциска Скорины.

Ключевые слова: Франциск Скорина; библийская цитата; библийский компонент; цитация; типология библийских компонентов.

Образец цитирования:

Акушэвіч А. А. Тыпалогія біблейскіх кампанентаў у тэкстах выданняў Францыска Скарыны // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 16–21.

For citation:

Akushevich A. A. The typology of the biblical components in the texts of Francysk Skaryna's editions. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 16–21 (in Belarus.).

Автор:

Андрей Александрович Акушевич – методист управления учебно-методической работы.

Author:

Andrei Akushevich, methodist at the department of educational and methodical work.
akuszewicz@tut.by

THE TYPOLOGY OF THE BIBLICAL COMPONENTS IN THE TEXTS OF FRANCYSK SKARYNA'S EDITIONS

A. A. AKUSHEVICH^a

^a*Academy of Postgraduate Education, Niakrasava Street, 20, 220040, Minsk, Belarus*

We investigate the presence of the biblical text in the texts of Skaryna's editions. Based on the analysis of foreword-afterwords complex, prayers and hymnography of the Belarusian firstprinter and accounting of previous studies of biblical citation we introduce the term «biblical component» which reflects a new approach to the problem of biblical citation and prevents from misusing the term «biblical quote». The typology of biblical components were made taking into consideration the influence of the books of Scripture on different levels of Francysk Skaryna's texts. We have singled out the following components: the citation in its narrow meaning, a prayer element, preimage structure, biblical image, biblical plot, biblical paraenesis, metatext element, marginalia and title of the book. The fragments of foreign language texts and the quotations from other authors are considered to be the individual biblical components. Although each of these parts can be a version of one of the components above, their main feature is borrowing from a different language or author. Also, in the of Francysk Skaryna's works an element of the poetics of the biblical text is determined.

Key words: Francysk Skaryna; biblical quote; biblical component; citation; typology of the biblical components.

Важным кірункам сучасных літаратуразнаўчых даследаванняў з'яўляецца вывучэнне цытацыі і інтэртэкстуальных сувязей у творах розных часоў. Тэорыя інтэртэкстуальнасці выйшла за межы постмадэрнісцкага дыскурсу і эфектыўна выкарыстоўваецца ў дачыненні да літаратурных твораў і культурных наратываў іншых эпох. Гэта стала магчымым у тым ліку дзякуючы працам М. Бахціна, Р. Барта і Ю. Крысцевай. Канцэпцыя цытаты, чужога слова выходзіць у М. Бахціна з тэорыі дыялогу, дыялагічнасці [1]. Вучоны сцвярджаў, што «роля чужога слова, цытаты, відавочнай і падкрэсленай з глыбокай пашанай, нападсхаванай, схаванай, нападсхвадомай, несхвадомай, правільнай, наўмысна скажонай, ненаўмысна скажонай, знарочыста пераасэнсаванай і г. д., у сярэдневяковай літаратуры была грандыёзнай. Межы паміж чужым і сваім маўленнем былі хісткія, двухсэнсоўныя, часта наўмысна звільстыя і забытаныя. Некаторыя віды твораў будаваліся як мазаіка, з чужых тэкстаў»¹ [2, с. 433]. Як адзначала Ю. Крысцева, «кожны тэкст убірае ў сябе іншы тэкст і з'яўляецца рэплікай у яго бок» [3, с. 432]. Паводле Р. Барта, тэкст – гэта «цытата без двукоссяў» [4, с. 485]. Варта згадаць і палажэнні Ж. Жэнета, які звяртаўся да паняцця «архітэкст» і разглядаў інтэртэкстуальнасць як адзін з тыпаў узаемадзеяння тэкстаў [5; 6]. Вызначаючы функцыянальна-аксіялагічныя дыспазіцыі ў трыкутніку *пісьменнік – тэкст – чытач*, Г. Р. Яўс надаваў важную (не пасіўную) ролю чытачу. Гэта дазволіла вучонаму прыйсці да высновы аб тым, што адны і тыя ж тэксты ў розныя гістарычныя эпохі ўспрымаюцца чытачом па-рознаму [7; 8]. Падрабязна раскрывала нападсхаванне паняцця «цытата» ў сучаснай філалагічнай навуцы М. Кузьміна, якая правяла ў сваім дысертацыйным даследаванні аналіз работ М. Ямпольскага, І. Смірнова, І. Фаменкі і іншых навукоўцаў, а таксама раскрыла функцыі біблейскіх цытат у старажытнарускіх жыццях XV–XVII стст. [9]. Аднак створаная М. Кузьміной на матэрыяле гэтых жыццёвых класіфікацыя біблейскіх цытат не можа быць выкарыстана ў дачыненні да твораў прадмоўна-пасляслоўнага комплексу і гімнаграфіі Францыска Скарыны, што тлумачыцца жанравымі адметнасцямі тэкстаў усходнеславянскага першадрукара.

У сучаснай медыявістыцы даследаванне біблейскай цытацыі мае пэўныя асаблівасці. Адным з першых да грунтоўнага вывучэння тэмы звярнуўся Р. Пікія, які вылучыў паняцце «тэматычны ключ». Біблейскія тэматычныя ключы папярэднічалі непасрэднаму выкладанню матэрыялу і «прадстаўлялі чытачу агульныя адсылкі, якія датычацца ўзаемадзеяння «сэнсаў»» [10, с. 437]. У адносінах да біблейскіх цытат у старажытнай літаратуры А. Аляксееў адзначаў, што яны «з'яўляюцца важным стылявым фактарам, адным з галоўных элементаў «этыкетнага стылю» (тэрмін Д. С. Ліхачова), у тэксце адыгрываюць ролю стылістычнага ключа (тэрмін R. Picchio)» [11, с. 69]. Вялікі ўплыў на распрацоўку тэмы біблейскай цытацыі аказалі работы італьянскага славіста М. Гардзаніці. Даследчык паставіў задачу рэканструкцыі калектыўнай памяці, прааналізаваў стан вывучэння біблейскай цытацыі, абазначыў напрамкі развіцця дадзенай навуковай праблемы [12; 13], а таксама прапанаваў сваю класіфікацыю цытат, якая заняла значнае месца ў медыявістычных даследаваннях, прывядзём яе цалкам.

І. Спасылка на паняцці ці рэаліі (падзеі ці асоб):

- 1) узгадванні без якога-небудзь каментарыя;
- 2) тлумачэнні паняццяў ці апісанняў рэалій (выклад падзей, пералік іх удзельнікаў і інш.);

¹ Тут і далей пераклад наш. – А. А.

II. Цытата:

- 1) алюзія;
- 2) парафраз ці пераказ;
- 3) прамая цытата;

III. Інсцэніроўка (пераказ падзеі ці паняцця ў дыялогу):

- 1) парафраз;
- 2) цытата;
- 3) кампазіцыйнае аб'яднанне цытат [12, с. 30].

Дадзеную класіфікацыю нельга лічыць бездакорнай. Сярод яе недахопаў М. Кузьміна адзначае «перш за ўсё недастаткова ясна артыкуляваную розніцу паміж цытатамі рознага ўзроўню дакладнасці» [9, с. 27].

Свой уклад у распрацоўку праблемы прысутнасці біблейскага тэксту ў іншым тэксце зрабілі таксама І. Данілеўскі, Ф. Двiняцін, А. Навумаў, А. Рагачэўская, А. Ранчын і іншыя навукоўцы¹.

Такім чынам, у сучасным навукова-гуманітарным дыскурсе прадстаўлены розныя падыходы да паняцця «біблейская цытата» – ад шырокага, калі пад ім разумеюць любое згадванне біблейскага тэксту, да вузкага, калі цытатай называюць дакладную перадачу чужога выказвання. Такое становішча спрыяе сэнсавому размыванню паняцця. Да таго ж тэрмін «біблейская цытата», як і «біблейская сімволіка», не ахоплівае ўсёй разнастайнасці форм прысутнасці Святога Пісання ў літаратурнай спадчыне першадрукара, бо наяўнасць у творы элементаў кнігі Бібліі можа быць прадстаўлена па-рознаму на ўсіх узроўнях тэксту. У сувязі з недастатковай распрацаванасцю тэрміналагічнага дыскурсу з улікам вынікаў аналізу творчай спадчыны Францыска Скарыны прапануем выкарыстоўваць тэрмін «біблейскі кампанент», пад якім разумеем тую ці іншую форму прысутнасці Бібліі ў іншым тэксце.

Нягледзячы на вялікую колькасць даследаванняў, прысвечаных жыццю і дзейнасці Францыска Скарыны, ступень вывучанасці біблейскіх кампанентаў і, у прыватнасці, біблейскай цытацыі ў творчай спадчыне першадрукара нельга лічыць дастатковай. Пра крыніцы цытат у яго тэкстах пісаў яшчэ расійскі скарыназнаўца XIX ст. П. Уладзіміраў [14]. Да тэмы біблейскіх цытат у творах Францыска Скарыны звярталіся вядомыя беларускія даследчыкі А. Коршунаў, В. Дышыневіч, В. Чамярыцкі [15–17], рэдактары польскамоўнага выдання твораў беларускага першадрукара А. Навумаў і М. Вальчак-Мікалайчакова [18]. Навукоўцы вызначылі пэўную колькасць дакладных біблейскіх цытат, выявілі, якія месцы Святога Пісання выкарыстоўваў Францыск Скарына ў сваіх творах без цытацыі ў строгім значэнні слова, а таксама прывялі магчымыя крыніцы запазычанняў у яго тэкстах. Заўважым, што менавіта біблейскі кампанент – адзін з галоўных тэкста-, стыле- і сэнсаўтваральных складнікаў у творах прадмоўна-пасляслоўнага комплексу і гімнаграфіі Францыска Скарыны. Аналіз гэтых тэкстаў дазволіў правесці тыпалагізацыю біблейскіх кампанентаў, якая грунтуецца на вылучэнні дамінантных характарыстык і ўлічвае аўтарскія інтэнцыі.

Наяўнасць адносна дакладнай перадачы біблейскага тэксту ў творах першадрукара дае падставу казаць пра прысутнасць у іх **цытат у вузкім значэнні слова**. Пры вылучэнні апошніх ажыццяўлялася параўнанне такіх фрагментаў тэксту як з сучаснымі, так і з блізкімі па часе да выданняў Францыска Скарыны перакладамі Бібліі, улічвалася, як цытаты ўводзіліся ў творы аўтарам. Біблейская цытата можа ўяўляць сабой пераклад іншамоўнай крыніцы, а гэта стварае дадатковыя цяжкасці. У адносінах да механізма ўзнiкнення варыянтаў перакладаў біблейскай цытаты нельга абмінуць наступную заўвагу А. Аляксеева: «Што датычыцца славянскіх розначытанняў, то часткова яны ўзыходзяць да тых або іншых грэчаскіх крыніц, часткова ўзніклі ў працэсе перапіскі на славянскай глебе. Раздзяліць гэтыя дзве групы варыянтаў насамрэч нялёгка. Па-першае, не ўсе грэчаскія крыніцы, якія маглі быць выкарыстаны славянскім перакладчыкам, захаваліся, па-другое, наша веданне крыніц, якія захаваліся, далёкае ад паўнаты» [11, с. 84]. Вызначэнне непасрэдных крыніц біблейскіх цытат звязана з пэўнымі складанасцямі, што прымушае адносіць да іх фрагменты тэкстаў, якія не адпавядаюць строгім крытэрыям дакладнага цытавання з пункта гледжання сучаснай навукі.

Часцей за ўсё ў творах Францыска Скарыны цытаты ў вузкім значэнні слова даволі добра суадносяцца з адпаведным біблейскім тэкстам. Выключэннем у дадзеным выпадку можна лічыць асобныя фрагменты, якія апелююць да коратка пазначанага сюжэта пэўнага месца Бібліі. Так, напрыклад,

¹Гл.: Данилевский И. Н. Библизмы в Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 3. С. 75–103; Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет. К проблеме интерпретации летописных текстов // Отч. история. 1993. № 1. С. 78–94; Двiняцін Ф. Н. Традиционный текст в Торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библийская цитата // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 81–101; Naumow A. Biblia w strukturze artystycznej utworów cerkiewnosłowiańskich. Kraków, 1983; Рогачевская Е. Б. Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1 : XI–XVI вв. С. 95–105; Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топов и цитат // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2012. № 3. С. 21–32.

у наступным урыўку з прадмовы да кнігі Ліст да Эфесцаў¹ А. Коршунаў выявіў цытату (гл. Дзеі 20:16–17, у польскім выданні – Дзеі 20:16–36 [18, с. 147]): *И для великое любви, юже имаше к ним, вегда шол мимо Ефес во Ерусалим, от Милита послал к ним, и призвав старейшины церковныя, велми ласкаве навчаше их, яко и о том светчить Лука-евангелист во Деаниех апостолских* [15, с. 115]. Дадзены ўрывац адначасова адпавядае крытэрыям вылучэння цытаты ў вузкім значэнні слова (прысутнічае маркіраванасць і супадзенне з біблейскім тэкстам) і называе сюжэт з кнігі Дзеі святых апосталаў (фрагмент уключаны ў выклад перадагісторыі яе напісання са спасылкамі і згадваннем біблейскага апаведу, што дазваляе бачыць і ўстаноўку аўтара на пераказ). Падобная сітуацыя назіраецца і з наступным фрагментам гэтай жа прадмовы: *Прото и святой Павел великую працу имел, нежелел навернул их на веру Христову, яко сам о том во первом послании ко Коринфам пишет, глаголя, иже во Ефесе со зверми боряшеся* (1 Кар. 15:32) [15, с. 115]. Па прычыне немагчымасці адназначна прачытаць аўтарскую інтэнцыю варта суправаджаць названыя ўрыўкі дадатковымі каментарыямі.

Цытаты ў вузкім значэнні слова выкарыстоўваліся першадрукаром у прадмовах і гімнаграфічных творах, дзе яны выконвалі функцыю экзэгеzy, аўтарытарную функцыю і інш. (гл. [19, с. 27]). У сваю чаргу, названыя цытаты могуць мець уласную класіфікацыю. Напрыклад, вылучаюцца новазапаветныя і старазапаветныя цытаты ў вузкім значэнні слова; цытаты, якія складаюцца з часткі, аднаго ці некалькіх біблейскіх вершаў і інш.: *О сей книзе пишет евангелиста, наперстник Христов, во Узъявлении своем, глаголя: «И видех во деснице седящего на престоле книги, написаны внутри и вовнурь»* (Адкр. 5:1) [15, с. 45]; *И Давид во псалмех поетъ: «Не мертвыи восхвалят тя, Господи, ни вси низходящие во ад, но мы, живые, благославим Господа отнынѣ и до века»* (Пс. 113:25–26) [15, с. 41].

Тлумачэнне асобных правобразаў (прадвызначэнне Новага Запавету ў Старым) прысутнічае ў Новым Запавеце і ўжываецца ў тэкстах Францыска Скарыны ў межах пэўнай біблейскай цытаты ў вузкім значэнні слова. Разам з тым першадрукар выкарыстоўвае **правобразныя канструкцыі** (лічым мэтазгодным увесці дадзены тэрмін, каб сэнсава не перагружаць слова «правобраз»). Пад правобразнымі мы разумеем такія канструкцыі, якія коратка акрэсліваюць і канцэптуалізуюць згаданыя правобразы паводле наступнай схемы: «вобраз (сюжэт) Старога Запавету + слова, якое ўказвае на тлумачэнне правобраза + вобраз (сюжэт) Новага Запавету». Дадзеная схема можа дапаўняцца тлумачэннямі аўтара і цытатамі са Святога Пісання. Выкарыстанне такога біблейскага кампанента, як правобразная канструкцыя, у Францыска Скарыны абумоўлена ў першую чаргу мэтамі экзэгеzy: *Сия земля знаменуеъ царство небесное и горний Ерусалим...* [15, с. 40]; *Храм Сведения со всеми сосуды его церковь Христову нерукотворѣнную преобразовал, [по] апостолу, глаголющу: «Христос же пришед, – Архиерей будущим благом, больший и совершенейший храм нерукотворенный, то ест не сею тварию, ни кровию козлею или юнчею, но своею кровию внииде единою во светая, вечное избавление обрет»* (Гёб. 9:11–12) [15, с. 55].

Творы першадрукара змяшчаюць і **малітоўны элемент** – кананічную малітву (ці яе фрагмент) або свабодна выкладзеную малітву (гл. [20, с. 11]). Пры гэтым трэба памятаць, што малітвы з «Малой падарожнай кніжкі» з’яўляюцца самастойнымі творамі. Выкарыстанне малітоўных элементаў абапіраецца на хрысціянскую традыцыю, а самі гэтыя элементы ўтрымліваюць у сабе біблейскі тэкст: *Ему же то буди хвала, честь и поклонение с Отцем и Святым Духом нынѣ и всегда и в вѣк вѣком. Аминь* [15, с. 23]; *Доконаны суть четвертыи книги Моисеевы <...> з Божию помощию и его Пречистое Матери Девице Марии, всех небеских сил святых и святыцъ Божиих працею и пилнотию ученаго мужа* [15, с. 62].

Разнавіднасцямі цытаты з’яўляюцца алюзія («...адна са стылістычных фігур; намёк на рэальны палітычны, гістарычны ці літаратурны факт, які мяркуецца агульнавядомым» [21, с. 20]) і рэмінісцэнцыя («...у мастацкім тэксце (пераважна паэтычным) рысы, якія наводзяць на ўспамін аб іншым творы» [21, с. 322]). У поўнай меры карыстацца паняццямі рэмінісцэнцыі і алюзіі ў дачыненні да твораў Францыска Скарыны, на наш погляд, некарэктна, бо адсылкі да біблейскага тэксту ў першадрукара даволі дакладныя (гэта супярэчыць паняццю рэмінісцэнцыі), да таго ж яны не маюць характару намёку, а мэтанакіравана адсылаюць да пэўнай біблейскай крыніцы (што, у сваю чаргу, супярэчыць паняццю алюзіі). Дадзеныя акалічнасці варта патлумачыць асаблівасцю крыніцы (Біблія – сакральны тэкст), становішчам твораў першадрукара адносна Святога Пісання і светаўспрыманням чалавека ў эпоху Адраджэння. У сувязі з гэтым асобнымі кампанентамі твораў Францыска Скарыны мэтазгодна лічыць **біблейскі вобраз, біблейскі сюжэт і біблейскую парэнезу**, выкарыстанне якіх дазваляла аўтару акцэнтаваць увагу на пэўных месцах Святога Пісання, пераказваць змест асобных кніг Бібліі, прыцягваць матэрыял з іх. Пры гэтым няма строгіх тэксталагічных супадзенняў з біблейскім тэкстам і не назіраецца відавочнай устаноўкі аўтара на цытаванне ў вузкім значэнні слова: *Далей остерегаеъ, дабы не послушал льстивых учений бесовских, возбраняющих ясти брашна и женитися* [15, с. 120];

¹ Назвы кніг Бібліі прыводзяцца паводле выдання: Біблія. Кнігі Святога Пісання Старога і Новага Запаветаў. Мінск, 2012.

Потом яко судил ест сыном Израилевым Самуил-пророк; теже о кивоте или скрини завѣта Господня, како филистимляне взяли были и в бой и паки вернули сыном Израилевым... [15, с. 35]. Пад парэнезай мы разумеём «кароткае, добразычлівае павучанне, якое нагадвае [аўдыторыі] аб маральных практыках, якіх яна павінна прытрымлівацца ці пазбягаць, і выяўляе ці мае на ўвазе агульнасць светапогляду ды не дапускае пярэчанняў» [22, с. 23].

Метатэкставы элемент дапамагае першадрукару прадставіць «паспалітаму чытачу» апісанне біблейскага тэксту і прынцыпы яго выдання з боку формы, даць тлумачэнне адпаведнай арганізацыі тэксту, а гэта таксама з'яўляецца неад'емнай часткай Бібліі: *Делится же сия книга на главы, а главы ся делять на стихи и по тому ж, яко и Псалтыр ся делить* [15, с. 20]; *Сия книга, рекомая Притчи или Присловия премудраго Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, иматъ в собѣ глав тридесять и одну* [15, с. 22–23].

Прадмовы Францыска Скарыны часта суправаджаюцца **маргіналіямі**, якія ўяўляюць сабой спасылкі на главы біблейскіх кніг. Такі кампанент з дапамогай некалькіх знакаў замяняе сабой адпаведную главу біблейскай кнігі, чым уведзіць яе ў тэкст першадрукара: *Быти 3; Исаи 7* [23, с. 197].

Францыск Скарына паслядоўна прыводзіў у сваіх творах **назвы біблейскіх кніг**, якія таксама варта ацэньваць як біблейскі кампанент, бо назва з'яўляецца часткай твора, абазначае яго і адсылае да зместу кнігі: *А пишется сия книга тым же обычаем, яко и Псалтыр, и Иов, и Исус Сирахов...* [15, с. 23]; *Кончается книга, рекомая Премудрость...* [15, с. 32].

Дамінантнай характарыстыкай **іншамоўных фрагментаў тэкстаў і цытат з твораў іншых аўтараў** з'яўляецца менавіта іх запазычанасць, нягледзячы на тое, што яны могуць выступаць як варыянт аднаго з прыведзеных вышэй біблейскіх кампанентаў або змяшчаць у сабе біблейскі кампанент. Гэта дае падставу разглядаць іншамоўныя фрагменты тэкстаў і цытаты з тэкстаў іншых аўтараў як асобныя біблейскія кампаненты другога парадку, якія з'яўляюцца своеасаблівай надбудовай над пералічанымі вышэй кампанентамі: *То суть третии книги Моисеевы, зовемыи Ваикра, – тако убо починаются от еврей: «Ваикра едонай ель Моше», то ест по-русски: «Возва Господь Моисея»; по-гречески же зовутся Леувитикос, понѣже наиболее о справовании племени Леувиева пишет в них* [15, с. 55]; *О них же пишет святой Герасим <...> сице глаголя: «Е да просты суть третие книги Моисеевы, в них же зособна вси жертвы, и кажъдое слово, и ризы Аароновы и весь чин леувитский небесных тайн воню выдавають»* [15, с. 56].

Прысутнасць Святога Пісання ў кнігах Францыска Скарыны выяўляецца і на ўзроўні паэтыкі, што дазваляе гаварыць пра наяўнасць **элемента паэтыкі біблейскага тэксту**. У подпісах да гравюр, анатацыях, «надпісаннях» глаў, асобных фрагментах прадмоў, малітвах і гімнаграфіі заўважаецца выкарыстанне паэтыкі біблейскага верша, у прыватнасці біблейскі паралелізм: *Навчаетъ, / яко имають розознати / зверъ чистый от нечистаго [./ Те] же о рибѣх, которые имели ести, / а которых не ести, / по тому же и о птицах нечистых¹* [23, с. 385].

Такім чынам, вылучэнне паняцця «біблейскі кампанент» дазваляе пазбегнуць размывання значэння тэрміна «біблейская цытата» і больш поўна разгледзець уплыў Святога Пісання на творы Францыска Скарыны. На аснове аналізу выдзяляюцца наступныя біблейскія кампаненты: цытата ў вузкім значэнні слова, правобразная канструкцыя, малітоўны элемент, біблейскі вобраз, біблейскі сюжэт, біблейская парэнеза, метатэкставы элемент, маргіналія і назва біблейскай кнігі. Іншамоўныя фрагменты тэкстаў і цытаты з твораў іншых аўтараў з'яўляюцца біблейскімі кампанентамі другога парадку, уяўляюць сабой надбудову над названымі вышэй кампанентамі і патрабуюць асобнага вывучэння. Акрамя таго, у спадчыне першадрукара выразна праяўляецца элемент паэтыкі біблейскага тэксту.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457.
4. Барт Р. Б. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
5. Женетт Ж. Введение в архитекст // Фигуры: работы по поэтике : в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 282–340.
6. Genette G. Palimpsestes: la littérature en second degré. Madrid, 1989.
7. Юсс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое лит. обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
8. Юсс Г. Р. Досвід естетичного сприйняття і літературна герменевтика. Київ, 2011.
9. Кузьмина М. К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2015.

¹ Падрабязней пра гэта гл.: Акушэвіч А. А. «Надпісання» глаў як творчая спадчына Францыска Скарыны // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2015. № 4. С. 111–119.

10. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003.
11. Алексеев А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
12. Гардзаниці М. Библийскія цытаты ў літаратуры Slavia Orthodoxa // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 28–41.
13. Гардзаниці М. «Хождение» игумена Даниила в Святую землю. Литература и богословие на Руси XII в. // Славяноведение. 1995. № 2. С. 22–37.
14. Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина (его переводы, печатные издания и язык). СПб., 1888.
15. Скарына Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўн. А. Ф. Коршунава; паказ. А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. Мінск, 1990.
16. Дышыневiч В. Н. Першакрыніцы ў выданнях Ф. Скарыны // Францыск Скарына і яго час: энцыкл. давед. Мінск, 1988. С. 447–448.
17. Чамярыцкі В. А. Літаратурныя крыніцы Скарынаўскіх прадмоў // Спадчына Скарыны: зб. матэрыялаў і Скарын. чытанняў (1986). Мінск, 1989. С. 113–123.
18. Franciszek Skoryna z Polocka. Życie i pisma / pod red. A. Naumowa, M. Walczak-Mikołajczakowej. Gniezno, 2007.
19. Трапезнікова О. А. Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 3 (105). С. 27–32.
20. Кароткі У. Г. Беларускія прадмовы і пасляслоўі другой палавіны XVI – першай палавіны XVII ст. // Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Скарыны. Мінск, 1991. С. 6–22.
21. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
22. Алиева О. В. Паренеза: философская и риторическая традиция // Вестн. Православ. Св.-Тихон. гуманит. ун-та. Сер. 3, Филология. 2011. Вып. 3 (25). С. 23–36.
23. Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенае Францыскам Скарынаў у 1517–1519 гадах: у 3 т. Т. 1. Мінск, 1990.

References

1. Bakhtin M. M. [Problems of Dostoyevsky's poetics]. Moscow, 1963 (in Russ.).
2. Bakhtin M. M. [Questions of literature and Aesthetics]. Moscow, 1975 (in Russ.).
3. Kristeva J. [Bakhtin, a word, a dialogue and a novel]. In: *Frantsuzskaya semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Moscow, 2000. P. 427–457 (in Russ.).
4. Barthes R. B. [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989 (in Russ.).
5. Genette G. [The Architext: an introduction]. In: *Figury: raboty po pojetike*: in 2 vol. Moscow, 1998. Vol. 2. P. 282–340 (in Russ.).
6. Genette G. [Palimpsests: Literature in the second degree]. Madrid, 1989 (in Span.).
7. Jauss H. R. [Literary history as a challenge to literarytheory]. *Novoe lit. obozr.* 1995. No. 12. P. 34–84 (in Russ.).
8. Jauss H. R. [Aesthetic experience and Literary Hermeneutics]. Kyiv, 2011 (in Ukrainian).
9. Kuzmina M. K. [The functions of biblical citations in old Russian reverend lives of the XV–XVII Centuries]: thesis of diss. ... PhD (philol.): 10.01.01. Moscow, 2015 (in Russ.).
10. Picchio R. [Slavia Orthodoxa. Literature and language]. Moscow, 2003 (in Russ.).
11. Alekseev A. [The Textology of the Slavonic Bible]. Saint Petersburg, 1999 (in Russ.).
12. Gardzaniti M. [Biblical quotes in the literature of Slavia orthodoxa]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2007. Vol. 58. P. 28–41 (in Russ.).
13. Gardzaniti M. [«Hozhdenie» of the abbot Daniel to the Holy Land. Literature and theology in Rus in the XII century]. *Slavianovedenie*. 1995. No. 2. P. 22–37 (in Russ.).
14. Vladimirov P. V. Doctor Frantsisk Skorina [His translations, printed editions and language]. Saint Petersburg, 1888 (in Russ.).
15. Skaryna F. [Works: forewords, legends, afterwords, akathists, paschalia]. Minsk, 1990 (in Belarus.).
16. Dyshynevich V. N. [The first sources in F. Skaryna's Editions]. In: *Francysk Skaryna i jago chas*: encycl. ref. book. Minsk, 1988. P. 447–448 (in Belarus.).
17. Chamiarycki V. A. [The literary sources of Skaryna's forewords]. *Spadchyna Skaryny*: source. first Skaryna read. (1986). Minsk, 1989. P. 113–123 (in Belarus.).
18. [Frantsishek Skoryna from Polotsk. Life and writing]. Gniezno, 2007 (in Pol.).
19. Trapeznikova O. A. Citation as actualisator of the author's intention in Old Russian text (data of Kirill Turov's speech). *Vestnik Tomsk. gos. pedagog. univ.* 2011. Issue 3 (105). P. 27–32 (in Russ.).
20. Karotki U. G. [Belarusian forewords and afterwords of the second half of the XVI – first half of the XVII century]. In: *Prad-movy i pasljaslou'i pasljadownikaw Skaryny*. Minsk, 1991. P. 6–22 (in Belarus.).
21. [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987 (in Russ.).
22. Alieva O. V. Paraenesis: Philosophical and Rhetorical Tradition. *Vestnik Pravosl. Svyato-Tikhonovskogo humanit. univ. Ser. 3, Filologiya*. 2011. Issue 3 (25). P. 23–36 (in Russ.).
23. [Bible. The facsimile reproduction of the Bible, published by F. Skaryna in 1517–1519]: in 3 vol. Vol. 1. Minsk, 1990 (in Belarus.).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.162.3

МАСТАЦКАЯ АДМЕТНАСЦЬ РАМАНАЎ М. В. КРАТАХВІЛА «МАГІСТР ЯН» І «ПАХОДНЯ»

А. У. ВОСТРЫКАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца мастацкая своеасаблівасць раманаў чэшскага пісьменніка другой паловы XX ст. М. В. Кратахвіла «Магістр Ян» і «Паходня». Заўважана, што М. В. Кратахвіл з'яўляецца яскравым прадстаўніком жанру гістарычнага рамана. Сцвярджаецца, што ў названых творах ён звяртаецца да цэнтральнай фігуры чэшскай гісторыі – постаці Яна Гуса. Прасочваюцца адрозненні ў трактоўцы гэтага вобраза ў дылогіі. Характарызуюцца структура і кампазіцыя твораў. Адзначаюцца глыбіня і псіхалагічная прапрацоўка ўсіх вобразаў у творы «Паходня» і чорна-белая палітра пры іх адлюстраванні ў рамане «Магістр Ян». Разглядаецца роля вобраза народа ў творах. Паказана, што ў рамане «Паходня» дзеючымі асобамі выступаюць прадстаўнікі вышэйшых сацыяльных слаёў, а ў творы «Магістр Ян» вымалёўваюцца вобразы людзей з народа, што ўспрымаецца як наследаванне традыцыям чэшскага гістарычнага рамана XIX ст., у прыватнасці як зварот да спадчыны стваральніка гістарычнага жанру ў чэшскай літаратуры А. Ірсека. Робіцца выснова пра тое, што твор «Магістр Ян» у большай ступені адпавядае мадэлі чэшскага рамана 1950-х гг., а раман «Паходня» выходзіць за межы эстэтыкі і паэтыкі таго часу.

Ключавыя словы: чэшская літаратура другой паловы XX ст.; гістарычны раман; М. В. Кратахвіл; вобраз Яна Гуса; вобраз народа; другасныя вобразы; кампазіцыя і структура; псіхалагізм; чорна-белая палітра.

Образец цитирования:

Вострыкава А. У. Мастацкая адметнасць раманаў М. В. Кратахвіла «Магістр Ян» і «Паходня» // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 22–28.

For citation:

Vostrykava A. U. Artistic originality of M. V. Kratochvíl's novels «Master Jan» and «Torch». *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 22–28 (in Belarus.).

Автор:

Елена Владимировна Вострикова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры славянских литератур филологического факультета.

Author:

Alena Vostrykava, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Slavic literatures, faculty of philology. vostrikova72@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНОВ М. В. КРАТОХВИЛА «МАГИСТР ЯН» И «ФАКЕЛ»

Е. В. ВОСТРИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется художественное своеобразие романов чешского писателя второй половины XX в. М. В. Крадохвила «Магистр Ян» и «Факел». Указано, что М. В. Крадохвил является ярким представителем жанра исторического романа. Утверждается, что в названных произведениях он обращается к центральной фигуре чешской истории – личности Яна Гуса. Прослеживаются различия в трактовке этого образа в диалогии. Характеризуются структура и композиция романов. Отмечаются глубина и психологическая проработка всех образов в произведении «Факел» и черно-белая палитра при изображении персонажей в романе «Магистр Ян». Рассматривается роль образа народа в произведениях. Показано, что в романе «Факел» действующими лицами становятся представители высших социальных слоев, а в романе «Магистр Ян» появляются образы людей из народа, что воспринимается как следование традициям чешского исторического романа XIX в., в частности как обращение к творчеству создателя исторического жанра в чешской литературе А. Ирасека. Делаются выводы о том, что роман «Магистр Ян» в большей степени соответствует модели чешского романа 1950-х гг., а роман «Факел» выходит за рамки поэтики и эстетики того времени.

Ключевые слова: чешская литература второй половины XX в.; исторический роман; М. В. Крадохвил; образ Яна Гуса; образ народа; второстепенные образы; композиция и структура; психологизм; черно-белая палитра.

ARTISTIC ORIGINALITY OF M. V. KRATOHVÍL'S NOVELS «MASTER JAN» AND «TORCH»

A. U. VOSTRYKAVA^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article analyzes the artistic originality of the Czech writer's novels of the second half of the XX century, M. V. Kratohvil «Master Jan» and «Torch». M. V. Kratohvil is a prominent representative of the genre of the historical novel. In these works, he refers to the central image of Czech history, the image of Jan Hus. Characterized by the structure and composition of parts novels. It is evidence of a difference in interpretation of the image in these novels. Characterized by the structure and composition of parts novels. Provided depth and psychological study of all the images in the «Torch» and the black-and-white palette with the picture images in the novel «Master Jan». We consider the different role of the people in the novels. So, in the «Torch» actors are representatives of the higher social strata. In «Master Jan» appear images of people from the people, that is to follow the traditions of the Czech historical novel of the nineteenth century, in particular, appeal to the traditions of the creator historical genre in Czech literature Alois Jirásek. It concludes that the novel «Master Jan» more in line with the model of the Czech novel of the 1950s, and the «Torch» novel goes beyond the poetics and aesthetics of the time.

Key words: Czech literature of the second half of the XX century; historical novel; M. V. Kratohvil; image Jan Hus; image of the people; secondary images; composition and structure; psychology; black-and-white palette.

Чэшскі творца М. В. Крадохвіл (1904–1988) мае вельмі багатую пражайную спадчыну. Вядомы ён галоўным чынам сваёй гістарычнай прозай, якую пачаў пісаць яшчэ ў гады акупацыі падчас Другой сусветнай вайны. Пісьменнік адышоў ад традыцыі гістарычнага рамана А. Ірасека, да якой быў блізкі, напрыклад, яго сучаснік Я. Дурых. Не звяртаўся М. В. Крадохвіл, у адрозненне ад Я. Дурыха, і да барочнай традыцыі. У большай ступені ён быў схільны да паказу супрацьстаяння свайму лёсу асобы-адзіночкі. Менавіта таму аўтар часта рабіў значны акцэнт на эпічным, падзейным складніку. Праявілася таксама імкненне М. В. Крадохвіла ўводзіць у сюжэт элементы прыгодніцтва, вялікага напружання і паказаць хваляючыя гістарычныя сцэны.

У пасляваеннай творчасці М. В. Крадохвіла, асабліва ў раманах 1950-х гг. «Магістр Ян» і «Паходня», чэшскі пісьменнік выкарыстоўваў свае глыбокія веды ў галіне гісторыі: ён вучыўся на гістарычным

аддзяленні ва ўніверсітэце, а потым 15 гадоў займаў пасаду архіварыуса ў сталічным архіве, працаваў у міністэрстве інфармацыі, выкладаў на кінематаграфічным факультэце Пражскай акадэміі музычных мастацтваў. У 1970-я гг. цікавасць пісьменніка прыцягнула тэма Першай сусветнай вайны, ён стварыў раманы «Еўропа танцавала вальс» (1974) і «Еўропа ў акопах» (1977). У гэтых творах М. В. Кратахвіл спалучаў элементы белетрыстыкі і дакументаў часу. Пісьменнік з'яўляецца таксама аўтарам раманаў-біяграфій, прысвечаных бадай, самым знакамітым асобам чэшскай гісторыі – Яну Гусу і Яну Амасу Каменскаму. Цікава, што чэшскі даследчык О. Халаўпка вызначае жанр гэтых твораў як «літаратура факта» [1, s. 458]. Акрамя таго, М. В. Кратахвіл ствараў літаратуру для дзяцей і моладзі (асабліва плённа – у 1960-я гг.), прыносячы ў яе шмат прыгодніцкіх элементаў.

Ян Гус (1369–1415) – цэнтральная асоба ў чэшскай гісторыі. Пісьменнік, навуковец, філосаф, тэолаг, рэфарматар чэшскага правапісу, глава чэшскага рэфармацыйнага руху, скіраванага супраць каталіцкай царквы, прафесар, магістр, рэктар Пражскага ўніверсітэта, прапаведнік, які асудзіў сквапнасць і няправеднасць духавенства, выступіў супраць продажу індальгенцый. Чалавек, трагічная смерць якога распачала шматгадовыя гусіцкія войны на чэшскіх землях. Яго імя стала для тагачасных чэхаў сімвалам нацыянальных і рэлігійных змен, сацыяльнай справядлівасці. Нездарма ў сацыялістычны перыяд у Чэхаславакіі Гуса абвясцілі рэвалюцыянерам, хаця рэвалюцыю ён здзяйсняў толькі ў сферы духоўнай, але не грамадскай.

Георгій Шубін, літаратуразнаўца і перакладчык на рускую мову раманаў М. В. Кратахвіла пра Яна Гуса, у сваёй прадмове да кнігі адзначаў, што яшчэ вядомы чэшскі гісторык эпохі нацыянальнага адраджэння Ф. Палацкі прасіў свайго сябра пісьменніка К. Г. Бароўскага напісаць раман пра Гуса, аднак той не здзейсніў задумы. На аснове гістарычнай канцэпцыі Ф. Палацкага напісалі п'есы пра магістра Ё. К. Тыл і А. Ірасек. У 1840-я гг. пісьменнік-дэмакрат К. Сабіна стварыў раман «Гусіты». Шэсць разоў ён перапрацоўваў твор, але цэнзура яго вяртала, і аўтар змог надрукаваць толькі асобныя главы. Наступнай стала спроба М. В. Кратахвіла, якая дазволіла рэалізаваць задуму [2, с. 8]. Гусіцкая эпоха і яе дзеячы неаднойчы выклікалі ўвагу пісьменніка. Яго пярэ таксама належаць апавяданні пра гусіцкага прапаведніка Яна Жэліўскага («Капелан з Жэліва» і «Крывавае свята», 1946), біяграфіі Яна Жыжкі і Яна Жэліўскага. Разам з рэжысёрам О. Ваўрай былі створаны сцэнарыі па матывах твораў А. Ірасека на гусіцкія тэмы да фільмаў «Ян Гус», «Ян Жыжка», «Супраць усіх» і інш. Для дзяцей М. В. Кратахвіл напісаў твор «Гусіцкая хроніка».

Цікавы той факт, што спачатку аўтарам быў створаны раман «Паходня» (1950), дзе апісваецца суд над Гусам у Канстанцы, а потым – раман «Магістр Ян» (1951), у якім гаворка ідзе аб пражскім перыядзе жыцця рэфарматара, а таксама яго дзейнасці ў паўднёвай Чэхіі пасля выгнання каралём Вацлавам з Прагі. У сувязі з гэтым мы будзем аналізаваць творы ў адваротнай паслядоўнасці, зыходзячы з храналогіі іх стварэння.

Названыя раманы былі напісаны неўзабаве пасля Другой сусветнай вайны, калі чэхі ўспаміналі свае гераічныя традыцыі, звярталіся да часоў гусіцтва і адраджэння. Таксама ў літаратурную творчасць пранікала праблематыка тагачаснага жыцця. Чэшскі гістарычны раман засяроджваўся на ключавых перыядах айчыннай гісторыі. Пра гусіцкі рух пісаў В. Капліцкі. Зацікавіўся гусіцтвам і М. В. Кратахвіл, які запланаваў стварыць трылогію адпаведнай тэматыкі. Першым павінен быў стаць раман «Кароль апрагнаецца ў лахманы», але потым задума пісьменніка змянілася. Выйшаў раман «Паходня», які планаваўся як другая частка трылогіі. Чэшскі літаратуразнаўца Ё. Грабак лічыць, што «ў творчым развіцці аўтара раман уяўляе сабой пэўную мяжу, бо адрозніваецца ад папярэдніх сачыненняў»¹ [3, s. 94]. Раманы «Самотны задзіра» і «Кароль апрагнаецца ў лахманы» паказваюць цэнтральнага героя-індывідуаліста, які не можа знайсці ні веры ў сябе, ні веры ў жыццё, нясе адзнакі духоўнага крызісу. Праз раман «Паходня» М. В. Кратахвіл звярнуўся да шырокай публікі. Змяніліся і героі: гэта ўжо не дэкадэнтны духам, а носьбіты веры ў сваю справу. Гісторыя ў новым рамане – люстэрка сучаснасці. Аўтар актыўна шукаў у мінулым моманты, сугучныя свайму часу.

Галоўныя героі рамана «Паходня» – не звычайныя людзі, а прадстаўнікі вышэйшых сацыяльных колаў (папа Іаан XXIII, кардыналы д'Айі, Жарсон і Забарэла, імператар Сігізмунд, паэт Волькенштайн, купец Маціяс Руцінгер і інш.). Прадстаўнікі народа не знайшлі ў творы яскравага ўвасаблення, яны ананімная маса. Даследчык Ё. Грабак выказаў меркаванне пра тое, што чэшскаму пісьменніку лепей удаюцца адмоўныя вобразы, чым станоўчыя [3, s. 94]. Трэба заўважыць, што для дамінуючай літаратурнай эстэтычнай праграмы 1950-х гг. было характэрна ствараць і шукаць менавіта станоўчыя вобразы. У гэтым М. В. Кратахвіл не зусім упісваецца ў часавую парадыгму.

Раман «Паходня» складаецца з трох частак: «Яны едуць у Канстанц», «Канстанц, альбо *Constantia*, што азначае пастаяннасць, надзейнасць», «Суд». На думку Ё. Грабака, тут у М. В. Кратахвіла назіраецца ўлюбёная «трыхатамія»: часткі падзяляюцца на раздзелы з пэўнымі назвамі [3, s. 95].

¹ Тут і далей пераклад наш. – А. В.

Аповед пачынаецца апісаннем шляху папы Іаана XXIII у Канстанц. Ён вязе з сабой торс антычнай Венеры, які адшукаў падчас раскопак сакратар папы Поджа Брачаліні. Рэтраспектыўна мы знаёмімся з жыццём папы і гісторыяй склікання сабору. Падзеі ў наступнай главе разгортваюцца ў Аахене, дзе з'яўляецца куртызанка дона Алімпія, якая едзе адыграць у Канстанцы вялікую ролю ў палітычнай гульні. На сцэну аповеду таксама выводзіцца брат караля Вацлава IV Сігізмунд, пра якога ўсе таямніцы выдае куртызанцы шпіён караля і прыдворны паэт Освальд фон Волькенштайн, які характарызуе Сігізмунда наступным чынам: *Он делает все только для себя, только для себя. <...> Ему нужно одно – характер. Имей его, Сигизмунд может стать настоящим мессией. Этот человек недалеко ушел от дьявола* [4, с. 177–180]. Далей праз свой уласны ліст характарызуецца кардынал рымскай курыі Франчэска Забарэла. Значнае месца займаюць у гэтым тэксце апісанні эстэтычных уражанняў кардынала ад торса Венеры і драўлянай скульптуры Дзева Марыі з мёртвым Хрыстом на каленях, выразанай пірольскім народным умельцам: *Я, пожалуй, за всю свою жизнь не видел ничего более отвратительного, чем эта статуя!.. Мною овладели отвращение, сожаление и недоумение. Казалось, что я выбрался из грязного болота. До сих пор – уже минуло несколько часов – я не в силах забыть эту варварскую статую. Похоже на то, что я перестал быть хозяином своих мыслей: они упорно возвращают меня к тому, от чего я хочу поскорее избавиться. Мне до сих пор невдомек, как могло меня потрясти это жалкое искусство. Искусство прежде всего связано с понятием о Красоте. Она передается стройностью форм. Мы наслаждаемся этой формой благодаря ее совершенству. Только прекрасное способно возвышать, облагораживать и вызывать у нас радость и восхищение. А тут один взгляд на топорную работу какого-то деревенского недотепы взволновал меня сильнее, чем прекрасное творение древнеримского автора* [4, с. 186–187]. Забарэла паказаны прыхільнікам антычнай культуры, літаратуры, аматарам Авідзія, Вергілія. Далей мы знаёмімся з постаццю купца Рутынгера, які перад ад'ездам у Канстанц размаўляе з сынам пра магчымыя спекуляцыі. Гус як дзеючая асоба ўводзіцца ў раман толькі ў шостаі главе. Па дарозе перад ім едзе вершнік у чырвоным плашчы і па-лохае людзей тым, што хутка сюды прыбудзе антыхрыст. Але людзі не даюць сябе падмануць і ветліва сустракаюць Гуса. Першая частка твора вельмі стракатая. Зразумела, што яна ўяўляе сабой экспазіцыю, своеасаблівы пралог, які знаёміць чытача з галоўнымі дзеючымі асобамі. Таксама ў першай частцы вельмі выразным становіцца супрацьстаянне рэнесансных уяўленняў Забарэлы і гусіцтва як народнай эрасі, якую сімвалізуе драўляная скульптура ў вясковай старой капліцы. Увогуле погляд на народ, сялянства, працоўных гараджан падаецца ў рамане праз успрыманне эстэты кардынала Забарэлы. Такім чынам, М. В. Кратахвіл глядзіць на народ звонку, яго прадстаўнікоў у творы няма.

Другая частка рамана дае ўяўленне пра Канстанц, які аўтар параўноўвае падчас склікання сабору з Вавілонам: *Здесь все обменивалось и поднималось как на дрожжах, оказывая влияние на богатство, силу, власть и политику. Это были не простые менялы. Когда они обменивали одни золотые монеты на другие, часть золота не только проходила через руки, но и прилипала к их пальцам* [4, с. 216]; *Пестрая многоликая толпа людей, говоривших на разных языках и наречиях, напоминала Рутингеру библейское смешенье языков, Вавилон* [4, с. 220]. Гус аказваецца часова забытым, пакінутым на самаго сябе: *Казалось, в Констанце знали о Гусе одни только чехи. <...> Сам Гус почувствовал пустоту одиночества. Желая скрасить свою жизнь, магистр начал приглядываться к людям. Он чаще спустился вниз, в пекарню, и беседовал с подмастерьями, подробно расспрашивал их о ремесле пекаря. Пекари научили его ловко, одним движением лопаты, сажать в печь булки. Как-то Гус до смерти напугал старую служанку, которая несла по лестнице воду, – он взял у нее из рук ведра и отнес их наверх* [4, с. 223]. Рэфарматар пачынае чытаць свае пропаведзі ў тым доме, дзе жыў. Аўтар прыводзіць поўны тэкст адной такой пропаведзі. У рамане «Паходня» паказаны палітычныя і царкоўныя інтрыгі, у цэнтры ўвагі пісьменніка – сфера высокай палітыкі. У гэтых гульнях дзякуючы намаганням кардынала Забарэлы, які не разумее поглядаў магістра, разменнай манетай становіцца Ян Гус. Кардынал раскрываецца ў рамане як багата адораны чалавек, вылучаецца і нават супрацьстаіць свайму атачэнню як прыхільнік Рэнесансу і Антычнасці.

У апошняй частцы рамана кульмінацыйнай становіцца сустрэча Забарэлы з Гусам у вязніцы. Кардынал бачыць, што Гус мяккі і цвёрды адначасова. Ён пачынае паважаць магістра, спазнаўшы яго багатую, адукаваную натуру і пачуўшы, як той цытуе любімага кардыналам Вергілія: *Этот простачок подтверждает свою мысль словами Вергилия! Кажущаяся простота Гуса – это вовсе не наивность. Она, скорее, проявление высшей утонченности* [4, с. 364]. Забарэла звяртаецца да Гуса: *Ты сейчас сказал, что Христос избрал своими учениками рыбаков. Это всего лишь образ! Да, рыбаки – ловцы душ – должны править миром. Но кто может глубже понять душу человека, как не самые образованные и самые опытные люди? Кто способен править миром? Это лучшие из лучших – отцы святой церкви, ученые богословы. Разве ты не причисляешь себя к этим избранным? Или ты не магистр университета?! Почему ты пренебрегаешь своими коллегами ради безымянной черни? Во имя чего ты порываешь*

с нашим кругом? Разве ты не веришь в наше высокое предназначение? [4, с. 365]. У супрацьстаянні Гуса і Забарэлы М. В. Кратахвілам увасоблена антытэза Рэнесансу і Рэфармацыі. Раманіст глядзіць на даўнія падзеі вачамі сучаснага чалавека. Героі ў творы шматмерныя, яны не падаюцца ў чорна-белых фарбах, як у наступным рамане «Магістр Ян». Аднак М. В. Кратахвіл дае адчуць чытачу, што ў спрэчцы маральная перавага на баку Гуса. Гэта мы канчаткова разумеем, калі Забарэла вяртаецца дадому і даведваецца з пакінутага ліста, што ад яго пайшоў Ладавіка – выхаванец, лютэрка кардынала, амаль сын, якога ён расціў па сваім разуменні і вельмі любіў, якому давяраў уласныя думкі, дазваляў заставацца пры размовах з іншымі людзьмі. У лісце Ладавіка згадвае сустрэчу Забарэлы з Гусам, пры якой ён аднойчы прысутнічаў, піша пра новы шлях, што яму адкрыўся. На сэрцы кардынала становіцца холадна і пуста.

Сам М. В. Кратахвіл у пасляслоўі да кнігі пісаў: «Сярэднявечны чалавек не меў іншага слоўніка, апроч тэрміналогіі рэлігійных выразаў. Гэтым біблейскім слоўнікам ён выражаў свае погляды, сваю філасофію. Таму сучаснаму чалавеку магло б падацца, што некаторыя ідэі Гуса, як іх адлюстроўвае гэты раман, недзе перапрацаваны ў сучасным разуменні (напрыклад, думка пра свабоду чалавека, яго разуменне звязанасці сучаснай царкоўнай палітыкі з матэрыяльнымі рэчамі і г. д.). Проста трэба падкрэсліць, што любы погляд Гуса, думка, тэзіс альбо заклік, выражаныя яго словамі, заўсёды абапіраюцца на канкрэтныя, дакладныя крыніцы, якімі былі яго сачыненні, пропаведзі, прамовы ва ўніверсітэце, выступленні на дыспутах і, канечне, у Канстанцы» (цыт. па [3, с. 99]). Такім чынам, мы можам меркаваць пра дакументальнасць вобраза Яна Гуса ў двух творах. Таксама М. В. Кратахвіл тлумачыў, што для рамана «Паходня» быў узяты менавіта канстанцкі перыяд жыцця магістра таму, што ў ім сышліся два светапогляды, сустрэліся наймацнейшыя прадстаўнікі процілеглых пазіцый. Менавіта на канстанцкай тэрыторыі разыгралася чэшская і сусветная трагедыя. Сабор у Канстанцы цягнуўся чатыры гады, суд над Гусам – чатыры дні, але менавіта яны вызначылі наступныя трагічныя падзеі еўрапейскага маштабу.

Раман «Паходня» вылучаецца глыбінёй, псіхалагічнай прапрацоўкай вобразаў. Ян Гус паказаны чалавекам, які вагаецца, хоча жыць, які бачыць розныя галоўчынацы ў зняволенні і сэрца якога то замірае, то моцна б'ецца. Ён змагаецца з самім сабой: *Жизнь... Нет, ему лучше не думать о ней. Жизнь – великий дар, – он не может поддаваться ее чарам. Ныне, когда святые отцы надели на него кандалы, посадили в темницу и заперли на замок, она кажется особенно прекрасной. Да, думать о жизни нельзя, – нельзя именно теперь, когда его дух страждет в горести и одиночестве, когда телесные силы гаснут в борьбе с мыслью о надвигающейся смерти. Жизнь не может примириться с нею. Он хочет жить, жить! Холодный пот выступил на лице магистра. Леденящий озноб сменился жаром* [4, с. 371]. Але Гус перамагае сябе і вырашае не адракацца, бо гэта было б здрадай тым людзям, якія яму верылі.

Пра раман «Паходня» пісаў чэшскі літаратуразнаўца Ф. Бурыянэк [5]. Ён параўноўваў гэты твор М. В. Кратахвіла з раманамі пачынальніка чэшскага гістарычнага рамана А. Ірасека, у якога заўсёды галоўным дзеючым героем з'яўляецца народ. У М. В. Кратахвіла ж гэта адзіночка, індывід. Даследчык канстатаваў, што пасля А. Ірасека, і М. В. Кратахвіл таму прыклад, чэшскі гістарычны раман суб'ектывізуецца, засяроджваецца на лёсе асобных людзей. У ім з'яўляюцца лірызм і настраёвасць, паэтызацыя мінуўшчыны. Таксама Ф. Бурыянэк, параўноўваючы раманы А. Ірасека «Паміж плынямі» і М. В. Кратахвіла «Кароль апрагнаецца ў лахманы», указвае на галоўнае адрозненне паміж творамі і іх аўтарамі: у першага персанажы заўсёды паказаны пераважна за ўсё як прадстаўнікі пэўных сацыяльных слаёў і класаў, а М. В. Кратахвіл, апісваючы караля Вацлава IV, засяроджаны на настроях і падае яго як бяссільнага чалавека. У рамане «Паходня», на думку Ф. Бурыянэка, пісьменнік робіць пэўны крок да ірасекаўскай традыцыі, таму што Ян Гус паказаны ў супрацьстаянні з царквой, феадальнымі парадкамі. Яго дзейнасць разглядаецца як частка міжнародных працэсаў, у якія ўваходзяць інтарэсы нават гандляроў і купцоў. Даследчык лічыць, што Гусу аўтар надае ў сваім творы меней месца, чым яго праціўнікам. Але сучаснаму чытачу раман прыйдзецца даспадобы менавіта сваёй развітай прыгодніцкай лініяй, лірызмам, сцэнамі са шматлікімі прадстаўнікамі тагачаснага грамадства (гісторыя рыцара-трубадура і шпіёна Освальда фон Волькенштайна, інтрыгі куртызанкі Алімпіі, лёс сакратара Забарэлы Ладавіка, маналогі і разважанні папы і яго размовы з іншымі людзьмі). Якраз гэтыя пасажы надаюць раману М. В. Кратахвіла вялікую жыццёвасць, белетрыстычнасць, чытабельнасць.

Пасля выхаду рамана «Паходня» чэшскі пісьменнік зразумеў, што кніга пра Вацлава не можа быць першай часткай трылогіі.

Другі раман пра Гуса «Магістр Ян» уключаў у сябе новыя элементы. У прыватнасці, М. В. Кратахвіл вывёў на сцэну народ, чаго не было ў папярэдніх творах. На думку Ё. Грабака, «ідэйны бок рамана не ўраўнаважваецца ў гэтым творы эстэтычным, мастацкім увасабленнем. Атмасфера часу перадаецца праз пэўныя дыдактычныя элементы, якія выходзяць на першы план. Мастацкі вобраз часта перакрываецца акцэнтацыяй ідэалогіі» [3, с. 102]. Вобразы народа паказаны даволі аднамернымі: «Галоўным

акцёрам з'яўляецца Гус, постаці з народа, гаворачы тэатральнай тэрміналогіяй, – толькі статысты» [3, с. 102].

Дзеянне рамана ахоплівае кароткі перыяд ад 1412 г., калі ў Празе пачалі прадаваць індальгенцыі, да ад'езду Гуса ў Канстанц. Раман пачынаецца сцэнай перад храмам. Пісьменнік адлюстроўвае, як просты народ рэагуе на продаж індальгенцыі. На першым плане тры таварышы – падмасцер'і Марцін, Ян, Сташак. Далей апісваецца аўдыторыя Каралінума, дзе таксама вырашаецца пытанне адносінаў універсітэта да індальгенцыі. Потым падзеі падаюцца аўтарам у гістарычным парадку.

Раман «Магістр Ян» цалкам сканцэнтраваны на асобе Гуса. Гэта цэнтральны вобраз твора, вакол якога групуецца астатнія персанажы. Гус паказаны вельмі моцнай натурай, цэласнай, дзейснай. Гэта вялікі вучоны, палымяны прамоўца. Упершыню мы бачым яго ў аўдыторыі ва ўніверсітэце, калі ён дыктуе студэнтам свой трактат. Пісьменнік на працягу ўсяго твора вельмі часта ўводзіць у тэкст урывкі з сачыненняў Яна Гуса: яго пропаведзю, трактатаў. Гэта надае раману праўдзівасць і дакументальнасць, а таксама дапамагае зразумець погляды галоўнага героя, адчуць страснасць яго натуры, моц уздзеяння на чытачоў і слухачоў таго часу, выявіць дэмакратызм і эмацыянальнасць стылю, строгасць лагічных канструкцый прапаведніка. На савеце прафесараў Гус прамаўляе адрасаваныя сваім калегам словы супраць індальгенцыі: *Друзья слушали Гуса, потупив глаза. Они могли не любоваться лицом магистра, – один его прозрачно-чистый и кроткий голос глубоко очаровывал их. Им казалось, что устами этого человека говорит сама истина – вечная, свободная от всего бренного. В его словах ощущалась сила, величественная по своей мудрости, могучая по чистоте и необыкновенная по простоте* [4, с. 52].

На наш погляд, вобраз Яна Гуса ў пэўнай ступені прыўзняты аўтарам над рэчаіснасцю, але гэта бачыцца апраўданым, паколькі М. В. Кратахвіл паказвае незвычайнасць, выключнасць гэтай асобы. Георгій Шубін называе магістра «тытанам па сіле думкі, страсці і вучонасці» [2, с. 10].

Гус паказаны ў рамане ў стасунках з самымі рознымі людзьмі ўсіх сацыяльных статусаў: гэта студэнты і магістры Пажскага ўніверсітэта, яго паплечнікі, сябры і ворагі, кароль і каралева, духоўныя чыны, просты пажскі люд, сяляне паўднёвачэшскіх вёсак, шляхта. Такім чынам, перад намі паўстае панарама жыцця тагачаснага чэшскага грамадства, Прага і правінцыя. У гэтай шматпланавай галерэі вобразаў вельмі моцна адчуваецца сацыяльны аспект у адлюстраванні соцыуму. Кратахвіл, як і Гус, спачувае бедным сляям насельніцтва: *Бедняки зарабатывали только на кусок хлеба, – слишком маленький, чтобы жить, и слишком большой, чтобы умереть... Прага – город бедняков, но ни один камешек ее стен, ни один глоток из винных бочек трактиров и богатых домов не принадлежит им. Церковь не покупила на праздники, – они у нее каждую неделю. Но для чего бедняку Троица и другие праздники? Они придуманы только для того, чтобы меньше трудиться и еще меньше зарабатывать... Человеку хотелось охватить весь мир и тряхнуть его так, чтобы из него выпала хотя бы маленькая частичка счастья на долю бедняка* [4, с. 19].

Пісьменнік індывідуалізуе вобразы падмасцер'яў Марціна, Яна, Іры, дзяўчыны Марціна Яганкі. Хаця гэта эпізядычныя персанажы, але іх лёсы і гісторыі прапісаны праз увесь раман, пачуцці герояў падаюцца падрабязна, напрыклад гора Яганкі пасля нечаканага пакарання смерцю Марціна і яго сяброў. З вялікай сімпатыяй М. В. Кратахвіл малюе вобразы прыхільнікаў і абаронцаў магістра са шляхты – Яна з Хлума, Вацлава з Дубэ, Індрыжа Лефля з Лажан, зямана Ондрыжа з Козьга Градэка.

Вялікая галерэя ствараецца праз апісанне сапраўдных гістарычных вобразаў: гэта і кароль Вацлаў IV, і каралева Соф'я, і аднадумцы ды калегі Гуса з універсітэта – Іеранім Пажскі, Якоўбэк са Стржыбра, Ян Кардынал, стары настаўнік Гуса Станіслаў са Знойма, Штэпан Палеч, які перайшоў на бок каталіцкай царквы і здрадзіў сваім былым ідэалам. Іх вобразы атрымаліся таксама вельмі праўдзівымі і каларытнымі. Антыподам Гуса, героя, які стаіць за праўду, выступае Палеч, які ідзе на кампраміс са сваім сумленнем і перакананнямі. Яшчэ адной процілегласцю магістра Яна становіцца кароль Вацлаў, бязвольны і хворы. Вельмі ўдалася М. В. Кратахвілу сцэна сустрэчы караля з папскім легатам, якая адбылася, калі ў Вацлава здарыўся прыпадок. Праўда, на фоне постаці караля вобраз Яна Гуса падаецца крыху схематычным, паколькі ў гэтым рамане ён не паказаны ў абставінах прыватнага жыцця. Вацлаў жа прапісаны аўтарам вельмі жыва і натуральна.

Безумоўна, раман «Магістр Ян» ствараўся як антыклерыкальны, вобразы духоўных асоб паказаны ў ім негатыўна, сатырычна.

Гістарычна праўдзівым і бачыцца ў рамане антынямецкі пафас, які прасочваецца ў чэшскай літаратуры яшчэ з часоў «Александрэіды»: *Патриции и бюргеры – хозяева Праги. Их отцы пришли сюда из далеких немецких земель и построили для чешского короля пражские города. От деда к отцу, от отца к сыну переходило богатство по наследству, росло вишрь и вглубь. Ради этого богатства пришельцы прилагали большие усилия, хитрили и изворачивались. Богатство росло капля по капле благодаря торговле, займам, кредиту, и в городе не оставалось такого дома, который не залез бы в долги этим богачам. И все это – честно, по закону. <...> Они решали и правила. Кто же был могущественнее и богаче*

строителей пражских городов, старых немецких колонистов? [4, с. 85]. Тут варта згадаць і гісторыю Кутнагорскага дэкрэта, ініцыяванага Янам Гусам, згодна з якім права голасу ва ўніверсітэце аддавалася пераважна чэшскім, а не нямецкім магістрам.

У тэкст рамана ўстаўляюцца прамовы Гуса ў Віфлеемскай капліцы, на поўдні Чэхіі, у аўдыторыі, а таксама маленькія песенькі таго часу: *Все священники постятся, / Даже воду пить боятся. / Во спасенье не грешно / Пить лишь чистое вино. / Воду хлещет всякий скот, / Пей вино, друг, – твой черед!* [4, с. 65]; *От папы и короля / Стонет вся наша земля. / Грабят пан и церковь, – / Людям разоренье. / Злой священник / Нам без денег / Не дает отпущенье* [4, с. 84].

Аповед месцамі даволі экспрэсіўны, паколькі ў рамане шмат сцэн, поўных трагізму (напрыклад, калі святар адмаўляецца пахрысціць дзіця перад смерцю, таму што ў маці няма грошай, а сам ён у гэты час бавіцца з прадажнымі дзеўкамі; эпізод, дзе забіваюць Марціна, Сташака і Яна, што выклікае выбух народнага гневу і абурэння і інш.). У творы істотнае месца адводзіцца дыялогам паміж персанажамі. Героі больш размаўляюць, чым дзейнічаюць. Можна сцвярджаць, што амаль усе вобразы атрымаліся чорна-белымі. Даследчык Ё. Грабак заўважыў, што «ў гэтым рамане Кратахвіл захаваў гістарычную праўду, але даў вельмі мала прасторы фантазіі» [3, с. 105].

Трэцяя частка задуманай трылогіі не была напісана.

Такім чынам, шырокай чытацкай аўдыторыі М. В. Кратахвіл вядомы як аўтар гістарычных раманаў. У яго творчасці мы знайдзем і апавяданні, і драмы, і кнігі для дзяцей. Вялікая праца зроблена пісьменнікам у справе папулярызацыі і вывучэння гісторыі. Многія гістарычныя тэмы М. В. Кратахвіл распрацоўваў даволі доўга, неаднойчы звяртаўся да многіх матываў. Яго творчасць, безумоўна, не была ізалявана ад развіцця чэшскай літаратуры. Увесь жыццёвы шлях гісторыка, архіварыуса, выкладчыка, сына прыдворнага архіварыуса таксама дае ключ да разумення яго творчасці. Розніца паміж прааналізаванымі раманами заключаецца ў тым, што ў творы «Паходня» Ян Гус паўстае перад чытачом у еўрапейскіх варунках, а ў рамане «Магістр Ян» – у «дамашняй», выключна чэшскай перспектыве. Таксама розную ролю ў творах адыгрывае вобраз народа. Дылогію М. В. Кратахвіла з сучасных пазіцый мы можам ацаніць выключна станоўча. Раман «Магістр Ян» у большай ступені адпавядае мадэлі чэшскага рамана 1950-х гг., твор «Паходня» выходзіць за межы тагачаснай эстэтыкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Chaloupka O. Příruční slovník české literatury od počátků do současnosti. Brno, 2007.
2. Шубин Г. Роман «Магистр Ян» : [предисловие] // Магистр Ян. Факел / М. В. Кратохвил. Л., 1963. С. 5–13.
3. Hrabák J. Miloš V. Kratochvíl. Praha, 1979.
4. Кратохвил М. В. Магистр Ян. Факел. Л., 1963.
5. Burianek F. Pochodeň M. V. Kratochvíla // Nový život. 1951. S. 447–455.

References

1. Chaloupka O. [Desktop Dictionary of Czech literature from the beginning to the present]. Brno, 2007 (in Czech).
2. Shubin G. [Novel Master Yan]. In: Kratochvil M. *Magistr Yan. Fakel*. Leningrad, 1963 (in Russ.).
3. Hrabák J. [Milos V. Kratochvil]. Praha, 1979 (in Czech).
4. Kratochvil M. V. [Master Yan. Torch]. Leningrad, 1963 (in Russ.).
5. Burianek F. [Torch M. V. Kratochvila]. *Nový život*. 1951. S. 447–455 (in Czech).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 19.04.2017.
Received by editorial board 19.04.2017.

УДК 821.131.1.09(092)

ХРОНОТОП ПУТИ В РОМАНЕ АНТОНИО ТАБУККИ «СТАНОВИТСЯ ВСЕ ПОЗДНЕЕ»

В. И. ТУР¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется такой важный элемент художественного мира, как хронотоп. Подчеркивается его значимость для произведений современной литературы и осмысления постмодернистской действительности. Анализируются основные характеристики хронотопа пути в романе итальянского писателя Антонио Табуки «Становится все позднее». Показана роль хронотопа в раскрытии внутреннего мира персонажей, их взаимоотношений с Другим и объективной реальностью. Отмечено, что перемещения персонажей во времени являются попыткой переосмыслить прошлое и обрести несбывшееся будущее. Указано, что А. Табуки акцентирует внимание на субъективном восприятии времени, неразделимости прошлого, настоящего и будущего, а также на пространстве субъективных переживаний, в силу чего описываемые места приобретают символический характер и связаны не столько с внешним миром, сколько с воображением и памятью персонажа. Сделан вывод о том, что ментальное путешествие, предпринимаемое героями романа, обнаруживает иллюзорность движения и невозможность обрести утраченное.

Ключевые слова: современная итальянская литература; субъективное время; хронотоп; хронотоп пути; художественное пространство; память.

THE CHRONOTOPE OF THE ROAD IN THE NOVEL OF ANTONIO TABUCCHI «IT'S GETTING LATER ALL THE TIME»

V. I. TUR^a

^aBelarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article focuses on such important element of the narrating world as the chronotope. In particular, its significance in the texts of contemporary fiction is emphasized. It is also fundamental for understanding of the postmodern reality that assumes a spatial focus. The specifications of the chronotope of the road in the novel «It's getting later all the time» of the Italian writer Antonio Tabucchi are analyzed. The chronotope of the road in this literary work helps to reveal the particulars of the characters' internal world, of their relationship with the other and with the objective reality. The characters move in the time of their memory and this movement represents the attempt to rethink the past and to find the unrealized future. The writer concentrates on the subjective time perception, on the indivisibility of the past, the present and the future as well as on the space of the subjective experience. As the result, the described places become symbolic. They are related not so much to the external world as to the character's imagination and memory. During such mental travelling the characters of the novel realize that their movement is only an illusion and they can never get the lost.

Key words: contemporary Italian literature; subjective time; chronotope; chronotope of the road; narrating space; memory.

Образец цитирования:

Тур В. И. Хронотоп пути в романе Антонио Табуки «Становится все позднее» // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 29–33.

For citation:

Tur V. I. The chronotope of the road in the novel of Antonio Tabucchi «It's getting later all the time». *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 29–33 (in Russ.).

Автор:

Валентина Ивановна Тур – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Valiantsina Tur, senior lecturer at the department of foreign literature, faculty of philology.
vk_jazz@mail.ru

Иногда, особенно в некоторых состояниях острого одиночества, в живущих людях просыпается отчаянное влечение, толкающее их на поиски своих мертвых не только во времени, но и в пространстве... Есть те, кто следует за ними назад в прошлое, и те, кто поддается миражу догнать их в конечном будущем, и есть те, кто, не зная уже, куда идти без них, мечется по разным местам – по любому возможному их следу.

Эльза Моранте

Хронотоп, определенный М. М. Бахтиным как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе», «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [1, с. 341] и необходимый инструмент для понимания абстрактных элементов романа [1, с. 496], является важным и для постижения смыслов окружающей действительности в современную переломную эпоху. Во второй половине XX – начале XXI в., в период, отличающийся антиэссенциализмом, антиреализмом и антифундаментализмом (см. [2, с. 46–76]), единственными «воротами» для этого стали такие категории бытия, как время и пространство. Неслучайно один из теоретиков постмодернизма П. Сметарст (*Paul Smethurst*) определил постмодернистский хронотоп как «способ видения хаотичного постмодернистского мира»¹ [3, р. 1], представляя его как линзу для исследования и прочтения современности. Также П. Сметарст подчеркивал, что эпоха постмодернизма во многом обусловлена географическим и пространственным воображением [3, р. 3]. Такой переход от освоения времени, что в большей степени было свойственно модернизму, к освоению пространства связан в первую очередь с утратой чувства историчности, ощущения принадлежности к какому-либо временному периоду ввиду размытости границ между прошлым, настоящим и будущим. Философ М. Фуко в лекции «Другие пространства» (*Des Espace Autres*; прочитана в марте 1967 г.) называл современность «эпохой пространства» и отметил, что «пространство, которое предстает сегодня на горизонте наших забот, нашей теории, наших систем, не является новоизобретенным; само пространство – в западном опыте – обладает историей, и невозможно не разглядеть этого судьбоносного пересечения времени с пространством» [4, с. 192].

В творчестве А. Табукки (*Antonio Tabucchi*, 1943–2012), одного из самых космополитичных современных итальянских авторов, поиски утраченного и попытки обрести прошлое (или неслучившееся будущее) связаны, как правило, с «пространственным» фокусом, т. е. персонажи перемещаются не столько во времени, сколько в пространстве – реальном либо одном из ирреальных его измерений. Собираясь персонажей А. Табукки, пользуясь терминологией самого писателя, можно охарактеризовать как *homo melancholicus mobilis* – в противовес сидящей Меланхолии, изображенной на гравюре А. Дюрера. В своих путевых заметках, собранных в сборнике «Путешествия и другие путешествия» (*Viaggi e altri viaggi*, 2010), А. Табукки соотносит один из способов освоения географического пространства – путешествие – с процессом создания художественного текста: «Писательское творчество – это путешествие за пределы времени и пространства. Путешествие с географической точки зрения – это движение по горизонтали, но всегда прочно связанное с корой мира» [5, р. 15]. Однако, каким бы ни был осознанный мотив путешествия (например, тревога, поиски, ощущение замкнутости привычного пространства), по мнению А. Табукки, оно всегда представляет собой выход «куда-нибудь», за пределы повседневности, предпринятый в целях поисков самих себя [5, р. 15]. Это путешествия, направленные не на освоение внешнего мира, а на погружение в многомерный мир памяти, иллюзий, воображения, желаний. Как утверждал Л. Малерба, мы живем во времена, когда меняется сама концепция путешествия: оно уже не является путем, т. е. множеством точек, которые нужно пересечь, в нем остаются только две точки – отправление и прибытие, а между ними – пустота, «линия, нарисованная карандашом на географической карте, без остановок, встреч, без пейзажа и приключений»; благодаря современным средствам максимально быстрого преодоления пространства нынешний путешественник – «путешественник сидячий» [6, р. 10–11]. Персонажи произведения А. Табукки «Становится все позднее» (*Si sta facendo sempre più tardi*, 2001), романа в письмах, опровергают концепцию Л. Малербы и в то же время дополняют ее: в их маршрутах – множество неожиданных поворотов, они часто теряют путь или оказываются совсем не там, куда намеревались попасть.

Несмотря на то что название романа акцентирует внимание читателя на ускользающем характере времени человеческой жизни, повествование авторов писем, восемнадцати нарраторов-голосов, – это история путей, сложных маршрутов, которые предпринимаются для восполнения белых пятен или исправлений на географической карте человеческой памяти.

Традиционно хронотоп пути – это пересечение пространственных и временных маршрутов множества различных людей, а также точка завязывания и свершения событий разной степени важности.

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Т.

Помимо этого, путь – в символическом, аллегорическом смысле – представляет собой необходимое условие познания и постижения истины (вспомним священные тексты, хождения святых, произведения перипатетиков). Очевидно, чтобы к чему-то прийти, в том числе к истине, нужно откуда-нибудь выйти – в прямом или переносном значении слова. Сюжетно разрозненные письма в романе А. Табукки связаны общим для всех нарраторов ощущением утраты границ (*...non ci sono sponde, c'è solo il fiume <...> ci preoccupavamo tanto delle sponde e invece c'era solo il fiume* ‘...нет берегов, есть только река <...> мы так беспокоились о берегах, а на самом деле есть только река...’ [7, р. 37]) и потери способности ориентироваться в действительности из-за того, что неясным стало расположение частей света. Это ощущение совмещается с осознанием подхода к критической точке, порогу, за которым начинается вечность – или ничто. Подлинным толчком к началу путешествия в нереальном измерении являются угрызения совести нарраторов (*rimorsi*) и стремление вернуться к переломному моменту в прошлом, к пункту, с которого пути нарраторов и их возлюбленных разошлись, что аннулировало возможность встречи (*Mia cara Amica, vorrei poter Vi dare appuntamento in un altro caffè che non fosse quello sbagliato, dove ci siamo aspettati invano. Ma non so dove si trovi* ‘Моя дорогая Подруга, я хотел бы назначить Вам встречу в другом кафе, не в неправильном, как это, где мы напрасно ждали друг друга. Но я не знаю, где оно находится’ [7, р. 49]).

Все персонажи А. Табукки, включая героев его первого романа «Площадь Италии» (*Piazza d'Italia*, 1975), живут в особом времени, которое субъективно воспринимается как река, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, определяя своим пересечением каждый момент бытия, а также пространство, в котором находятся или куда попадают нарраторы – авторы писем. Описываемые в посланиях места в большей степени соотносятся не столько с внешним миром, сколько с пространством субъективных переживаний (порой связь с реальностью вовсе утрачивается, невозможно атрибутировать ту или иную географическую точку в объективном мире). Они приобретают символический характер и являются пространственной формой переживаний нарратора. Чаще всего авторы писем далеки от жизни мегаполиса и перемещаются (как правило, мысленно) в места, существующие по своим правилам. При этом, несмотря на приписываемые им характеристики реальных географических пространств, эти места отличаются уникальностью и полуреалистичностью, поскольку их существование (упоминание, описание) опосредовано воображением рассказывающих о них субъектов. Например, остров из первого рассказа-письма «Билет посреди моря» имеет все характеристики, типичные для реального греческого острова, однако вместе с тем подчеркивается его надреальность и вневременность: *Non è un luogo, è un buco: intendo della rete. C'è una rete nella quale sia ormai impossibile non essere catturati, ed è una rete a strascico. In questa rete io insisto a cercare buchi* ‘Это не место – это дыра, дыра в сети, я имею в виду. Есть сеть, в которую уже невозможно не попасть, и это невод. В этой сети я настойчиво ищу дыры’ [7, р. 13]. Подобными качествами нереальности и тесной взаимосвязи с движениями души персонажа обладают и другие места, дополненные к тому же семантикой заброшенности и запустения: церквушка в письме с названием «Река»; пустыня и пляж, дома, казавшиеся знакомыми вчера и ставшие чужими сегодня, из писем «Я зашел навестить тебя, но тебя не было» и «Для чего нужна арфа с одной струной?»; кафе и музеи, превращающиеся в «порталы» для возвращения в реально произошедшее или придуманное будущее-в-прошлом, в письмах «Запрещенные игры» и «Уставшая маска».

Художественная интерпретация как внешней, объективной действительности, так и внутреннего мира персонажей А. Табукки отличается несколькими важными для понимания хронотопа пути особенностями, которые реализуются и в анализируемом романе: 1) внимание к обратной стороне вещей, позволяющее приблизиться к квинтэссенции жизни («...обратная сторона – это на самом деле ключ <...> сомневающегося и многостороннего подхода к миру <...> объекты рассматриваются и истолковываются через их изнанку» [8]); 2) идея, согласно которой мир населен двойниками: что бы в нем ни происходило, все это является дублированием – или отражением – того, что уже есть; 3) представления о взаимосвязи субъекта и окружающих его объектов: с них начинается повествование и погружение во внутренний мир персонажа, приближение к его Я; 4) выход за пределы настоящего, взгляд «за кадром» как вероятный способ раскрыть сущность явлений окружающего мира. Это обуславливает необходимое преодоление повседневности, актуальной действительности и предопределяет нереальный характер совершаемых нарраторами путешествий, в которых главными становятся измерения, связанные с воображением и памятью и находящиеся на пересечении этих двух психических процессов.

Намеренно сказочный характер отдельных посланий (особенно писем «Я зашел навестить тебя, но тебя не было» и «Я тебя хочу, я тебя ищу, я тебя зову, я тебя вижу, я тебя слышу, я грежу тобой») обуславливает также особенности времени и пространства пути нарратора: вместо одного дня проходит несколько десятков лет, персонажи выходят в реальный мир словно из волшебного леса; жизнь отправляющихся в путь персонажей уподобляется сну (только вместо традиционной спящей красавицы перед

читателем предстает *un brutto addormentato* ‘спящее чудовище’); знакомые места, как по желанию злого волшебника, преобразаются до неузнаваемости, а города меняют названия – словом, искажается привычная география действительности, и это справедливо для всех писем.

Блуждания персонажей предпринимаются в целях приближения к Другому (точнее, Другой, поскольку адресаты всех посланий – женщины), чувства к которому, открытость ему навстречу являются подлинным компасом жизни (в связи с чем говорится о «географии женщины»). Этим объясняется и потерянности авторов писем: слишком поздно к ним приходит осознание того, что нить, которую они держали в руках благодаря любимым, была нитью Ариадны, а ее утрата, чаще сознательная, но порой обусловленная объективными обстоятельствами, возвращает современных тесеев в лабиринт. Отсюда – неопределенность, хаотичность описываемых маршрутов, порожденных чувством *saudade* – ностальгией по неслучившемуся будущему – и проделываемых с надеждой это чувство преодолеть. Весь путь – попытки обрести не прошлое (зыбкое, постоянно меняющееся, гетерогенное, как и все существующее в мире), а не случившееся в мире будущее, нагнать его, но «становится все позднее»: земная жизнь авторов писем подходит к концу, а количество пробелов, «экзистенциальных черных дыр», не уменьшается. Датский исследователь П. Ш. Лаустен (*Pia Schwarz Lausten*) в работе, посвященной творчеству А. Табуки, охарактеризовала *saudade* как способ «описания расстояния между субъектом и реальностью, между реальным и воображаемым, вызывающий иногда возможное раздвоение субъекта» [9, p. 67].

Движение, в котором оказываются меланхоличные персонажи А. Табуки, необходимо для свершения настоящего – в том его понимании, о котором писали А. Бергсон и У. Джеймс: «...у конкретного настоящего динамичный характер, оно совершается, а не есть и в этом смысле протекает <...> все три модуса времени сливаются <...> и в этом смысле также имеют текучий характер. <...> Внутреннее время – это исток времени внешнего, объективного, которое относится к нему как движущаяся лава – к застывшей...» [10, с. 169]. Поэтому одномоментное протекание слитых воедино трех модусов времени обозначается метафорой *река времени* (*Ho pensato al tempo e al mio trascorrere attraverso di esso* ‘Я подумал о времени и своем прохождении через него’ [7, p. 41]). Персонажи А. Табуки предпринимают плавание вспять по реке времени. Для того чтобы события сложились в иное будущее, необходимо совершить путь в обратную сторону (*Il libro non sapeva che non sarebbe stato un viaggio di andata, sarebbe stato un viaggio di ritorno* ‘[Книге] было неизвестно, что это будет путешествие не туда, это будет путешествие обратно’ [9, p. 169]; *Avrai fatto come me il tuo viaggio di ritorno e tutto starà per incominciare di nuovo, ripartendo dal principio?* ‘Ты тоже, как и я, совершишь свое путешествие обратно, и все опять начнется с самого начала?’ [9, p. 171]). В то же время бытие вещей проявляет себя именно через горизонт движения, и выяснение этого горизонта выступает как необходимое условие всякого мышления о действительности (см. [10, с. 237]). Авторы писем перемещаются по реке времени своей жизни, включая дополнительные его измерения, представляя своего рода «разверстку» земного пути с учетом возможных вариантов развития поворотных событий, которые восстанавливаются в новом контексте, вследствие чего приобретают иной смысл. Момент рефлексии, в котором оказываются авторы писем, позволяет им выйти из круга, чтобы понять, откуда же они выбрались (круг, наложение и перекрещивание различных кругов – символ непрерывного поиска смысла).

В художественном мире А. Табуки объективная реальность тесно переплетается с жизненными маршрутами, вследствие чего привычные объекты становятся медиумами, посредниками, позволяющими выйти за рамки реальности: *...la vita è lì nei diversi segmenti che stupidi rettangoli di carta rinchiudono senza lasciarla uscire dai loro stretti confini. E intanto la vita è gonfia, impaziente, vuole andare al di là da quel rettangolo... <...> La vita è prigioniera della sua rappresentazione...* ‘...жизнь, она там, в различных сегментах, скованных глупыми бумажными треугольниками, которые ей не дают выйти за свои узкие границы. А между тем жизнь нетерпеливо раздувается, хочет выйти за пределы этого прямоугольника... <...> Жизнь – пленница своих изображений’ [7, p. 24]. В качестве таких медиумов выступают фотографии, окна, книги, пороги и т. д.: «...рамка/граница нужна, чтобы оказаться по ту сторону, чтобы сомневаться, пытаться познавать неоднозначно. Портреты выталкивают взгляд за пределы непосредственного теперь, в пространство, колеблющееся между фантазией и памятью» [8]. Подобным многомерным образом открывается реальность, например, и персонажам Х. Кортасара.

Поэтика обратной стороны связана и с воспоминаниями о несовершенных путешествиях, ненаписанных книгах, о том, кем персонажи не были. Хаотичное движение, в котором они находятся, иллюзорно: оно ни к чему не приближает героев, хоть они и стремятся с помощью посланий преодолеть границу, отделяющую живых от мертвых, и условно огромные пространства, лежащие между любящими когда-то друг друга людьми, не способствует «собираанию себя». Таким образом, послания анонимных адресантов не выполняют традиционную для писем функцию – приближать друг к другу людей, находящихся по той или иной причине вдалеке друг от друга в пространстве. Все происходит наоборот: это

путь осознания повсеместной трагичности и неустойчивости, непостижимости реальности и ее масштабности, «вчувствование» в пустыню бытия. Хождения туда-сюда, из которых состоит жизнь, необходимы лишь для осознания упущенных возможностей: *E quanti viaggi non si sono fatti in compagnia di qualcuno rendendoci conto alla fine di essere soli? Non parliamo poi di labirinti mentali nei quali credemmo di rivivere come nostro un tempo che fu nostro ma che non è già nostro* 'И сколько путешествий не совершено в компании с кем-то, чтобы в конце осознать, что мы одни? Мы уже не говорим про мыслительные лабиринты, где, нам казалось, мы заново проживали как свое время, которое было нашим, но уже не наше' [7, р. 215]. Эти *трудные пути из сегментов, которые всем нам нужно пройти* [7, р. 219], ведут наверняка только к одной точке – к концу земного пути.

Роман «Становится все позднее» можно назвать особым витком в творчестве А. Табукки: из этих писем анонимных авторов открывается выход к двум другим произведениям писателя: написанному ранее, но опубликованному только в 2013 г. роману «Для Исабель. Мандала» (*Per Isabel. Una mandala*) и более позднему роману «Тристан умирает» (*Tristano muore*, 2004), что является своеобразным свидетельством неразделимости прошлого, настоящего и будущего, которую постигают герои названных произведений.

Путь – это испытание, но, подвергая ему своих персонажей, А. Табукки в то же время над ними иронизирует: сколько бы ни было поворотов, сколько бы времени ни прошло, цель не становится ближе, и движение представляется иллюзией, той самой, которая призвана оберегать человечество от угрожающего «вечного ничто». Выход из круга позволяет осознать, что никакого выхода не происходит, есть только застывание в одной точке, и все, что остается, – это наблюдать, как жизнь – прошлое, настоящее и будущее – просыпается сквозь пальцы. Точка в блужданиях ставится в последнем письме, название которого совпадает с названием романа – «Становится все позднее» – и автором которого выступает Атропос – мойра, перерезающая нить жизни: в этом письме жизнь уподобляется контракту, включающему такие обязательные к исполнению пункты, как рождение, жизнь и смерть, а судьба приравнивается к агентству, где этот контракт подписывается (ср.: агентство путешествий). Беспорядочное движение заканчивается со сроком действия контракта – и с завершением книги.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 3. М., 2012. С. 340–511.
2. Харт К. Постмодернизм. М., 2006.
3. Smethurst P. The Postmodern Chronotope: Reading Space and Time in Contemporary Fiction. Amsterdam, 2000.
4. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления, интервью : в 3 ч. М., 2006. Ч. 3. С. 191–204.
5. Tabucchi A. Viaggi e altri viaggi. Milano, 2010.
6. Malerba L. Il viaggiatore sedentario. Milano, 1993.
7. Tabucchi A. Si sta facendo sempre più tardi. Milano, 2003.
8. Sanzo F. Antonio Tabucchi, Vittorio Sereni e la poetica del rovescio [Risorsa elettronica]. URL: http://www.bibliomanie.it/tabucchi_sereni_sanzo.htm#_edn31 (data di accesso: 23.11.2013).
9. Lausten P. S. L'uomo inquieto: identità e alterità nell'opera di Antonio Tabucchi. Copenhagen, 2005.
10. Михальский К. Логика и время. М., 2010.

References

1. Bakhtin M. M. [Forms of time and of the chronotope in the novel]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* : in 7 vol. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 340–511 (in Russ.).
2. Hart K. [Postmodernism]. Moscow, 2006 (in Russ.).
3. Smethurst P. The Postmodern Chronotope: Reading Space and Time in Contemporary Fiction. Amsterdam, 2000.
4. Foucault M. [Other spaces]. In: Foucault M. *Intellektualy i vlast'. Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya, interv'yu* : in 3 parts. Moscow, 2006. Part 3. P. 191–204 (in Russ.).
5. Tabucchi A. Viaggi e altri viaggi. Milano, 2010 (in Italian).
6. Malerba L. Il viaggiatore sedentario. Milano, 1993 (in Italian).
7. Tabucchi A. Si sta facendo sempre più tardi. Milano, 2003 (in Italian).
8. Sanzo F. Antonio Tabucchi, Vittorio Sereni e la poetica del rovescio. URL: http://www.bibliomanie.it/tabucchi_sereni_sanzo.htm#_edn31 (date of access: 23.11.2013) (in Italian).
9. Lausten P. S. L'uomo inquieto: identità e alterità nell'opera di Antonio Tabucchi. Copenhagen, 2005 (in Italian).
10. Michalskii K. [Logic and time]. Moscow, 2010 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.05.2017.
Received by editorial board 19.05.2017.

УДК 821.113.6.09«20»+398.221(=113.6)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЮХАНА ТЕОРИНА «НОЧНОЙ ШТОРМ»

Н. Г. ШПАКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется репрезентация скандинавских мифологем в произведении современного шведского писателя Юхана Теорина. Указано, что исследование базируется на проведенной ранее работе с текстами сборников «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», которые являются основными источниками древнескандинавских мифов. Рассматриваются мифологемы жертвы, тайнописи, возвращения и двойника, которые превращаются из суггестивного приема в определяющий компонент сюжета. Обосновывается утверждение о том, что мифологическая составляющая соединяется в произведении с христианскими представлениями, а также суевериями.

Ключевые слова: скандинавская мифология; шведская литература; мифологема; «Старшая Эдда»; «Младшая Эдда».

MYTHOLOGICAL MOTIVES IN JOHAN THEORIN'S NOVEL «NIGHT STORM»

N. G. SHPAKOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The representation of Scandinavian mythologems in the novel «Night storm» by the contemporary Swedish writer Johan Theorin is analysed in this article. The analysis is based on the previous work with the core sources of Scandinavian myths «The Poetic Edda» and «The Prose Edda». A mythologem of sacrifice, a mythologem of secret signs, a mythologem of coming back and a mythologem of a double are examined in the article. As a result of the analysis the author comes to a conclusion that on the one hand, Johan Theorin uses the mythologems in order to create a specific dismal atmosphere that turns from the background to a dominating component of the storyline, and on the other hand, that the mythological dimension in the novel is highly connected to the Christian tradition and superstitious beliefs.

Key words: Scandinavian mythology; Swedish literature; mythologem; «The Poetic Edda»; «The Prose Edda».

Введение

Вопрос репрезентации мотивов и образов скандинавской мифологии в современной шведской литературе остается недостаточно изученным как в Беларуси, так и в других странах постсоветского пространства. В рамках данной статьи предпринята попытка анализа произведения современного шведского писателя Юхана Теорина «Ночной шторм» с точки зрения интерпретации в ней мифологем, характерных для древнескандинавских текстов – сборников «Младшая Эдда» и «Старшая Эдда».

Образец цитирования:

Шпаковская Н. Г. Мифологические мотивы в романе Юхана Теорина «Ночной шторм» // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 34–38.

For citation:

Shpakouskaya N. G. Mythological motives in Johan Theorin's novel «Night storm». *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 34–38 (in Russ.).

Автор:

Нина Геннадьевна Шпаковская – старший преподаватель кафедры германских языков факультета международных отношений.

Author:

Nina Shpakouskaya, senior lecturer at the department of Germanic languages, faculty of international relations.
sagatiden@gmail.com

Проведенное исследование помогает лучше понять авторский замысел и проследить трансформацию мифологических образов в современной литературе Швеции. Цель статьи – определить, как скандинавские мифологемы интерпретируются в контексте современного художественного произведения.

Основная часть

Действие романа Ю. Теорина «Ночной шторм» разворачивается на шведском острове Эланд, который по окончании летнего сезона превращается в довольно унылый, пустынный, отдаленный от цивилизации уголок, пронизываемый морскими ветрами и терзаемый скитающимися ворами.

В основе сюжета лежит смерть молодой женщины, однако детективная составляющая не выходит в произведении на первый план. Как таковое расследование не описывается, в центре внимания повествователя оказывается образ старой усадьбы с двумя зловещими маяками, в которой произошло убийство. Эта усадьба видела последние минуты многих своих жильцов и стала местом, где собираются те, кто давно канул в Лету. Писатель показал себя мастером суггестивных приемов: приехавшие с большой земли грабители советуются о своих делах с душой Алистера Кроули (разговор с чернокнижником налаживается посредством специальной доски для спиритических сеансов), любимой игрушкой дочери погибшей женщины становится минотавроподобный гибрид – человек с головой овцы с острова Готланд. Для создания особой, угрожающей атмосферы Ю. Теорин использует не только описания меланхолических ландшафтов острова, но и включения в текст старинных поверий, а в отсылках к потусторонней реальности можно найти отголоски древнего мифологического мироощущения.

Старая усадьба, очень давно построенная из древесины, оказавшейся у берега острова вместе с затонувшим кораблем, ее перевозившим, находится в северной части Эланда, у самого моря, и на несколько километров удалена от центра. За хозяевами усадьбы закреплены два маяка, северный и южный. Последний рассеивает темноту неярким розовым светом. Северный маяк неисправен. Он стоит мертвый и темный, а загорается лишь тогда, когда знаменует приближение чьей-то смерти.

Север в представлении древних скандинавов был страной Нифльхейма – царством мертвых. Правительница подземного мира Хель имела ужасающий дом «с дверями на север» [1, с. 150]. Дом карликов также находился на севере. Страна великанов, представляющих собой изначальный хаос и постоянную угрозу для упорядоченного мира богов-асов, была расположена севернее Асгарда. Концепт севера раскрывается в мифе об образовании мира: фактически начальный этап мироздания представляет собой соединение льда и пламени, где лед, холод, север прочно связаны с Мировой Бездной, вакуумом. В проекции север – юг первый всегда воспринимался как смертельная опасность.

Когда речь в романе Ю. Теорина заходит о находящемся на территории острова болоте, которое раньше было местом жертвоприношения, атмосфера становится еще более зловещей. В незапамятные времена там приносились жертвы древним богам: вещи, лошади и люди. Мрачная история болота тяготеет над местностью и дает о себе знать в самое темное время года – зимой. Особенно опасна эта местность для путников, которых застигла в дороге метель: сбившись с пути, они становятся легкой добычей теней прошлого.

Так описывает свой опыт встречи с потусторонним миром одна из героинь: *Мертвые вышли из болота <...> много, они цапали меня, рвали и тянули <...> они были холодные, такие холодные. Они хотели получить мое тепло*¹ [2, с. 239].

Мотив жертвы выходит за географические рамки болота и принимает форму разветвленной метафоры. Изначально необъяснимая смерть главной героини Катрин, сорвавшейся в море, приобретает символическое значение жертвоприношения ради восстановления правды. Женщина погибает, потому что догадалась о причине смерти другого человека – сестры своего мужа Этель, наркоманки, жившей в одном из дорогих пригородов Стокгольма и докучавшей своим родственникам и их соседям. Все вздохнули с облегчением, когда она наконец исчезла. Однако где-то в глубине души Катрин и ее мужу Юакиму не давал покоя вопрос о том, погибла Этель сама или ее кто-то убил. Когда Катрин поняла, что второй вариант ближе к истине, она сама стала жертвой того же убийцы.

В отличие от христианской традиции, где жертва рассматривается как искупление, в мифологии древних скандинавов приношение предполагало обретение чего-то взамен. Богам приносили жертву, чтобы получить хороший урожай или атаковать соперника. Главный бог Один принес в жертву самого себя, чтобы обрести тайное знание в виде рун.

Жертва Катрин неоднозначна. В определенные моменты она воспринимается как расплата за бездействие и желание, чтобы Этель исчезла. Однако это не искупление вины, не преднамеренное приношение ради истины и правосудия, а жертва ради успокоения Этель и завершения ее истории.

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Ш.

Согласно М. Элиаде акт жертвоприношения в восприятии архаичных людей прерывал ход мирского времени, возвращая их в мифологическое время творения мира, которому предшествовал изначальный хаос. Жертвоприношение было неотъемлемой частью основных торжеств, связанных с солярно-лунным календарем, в том числе частью празднования середины зимы – Йоля. Это торжество описал исландский политик и скальд XII в. С. Стурлусон в сборнике саг «Круг земной» [3, s. 130]. В «Саге об Инглингах» [3, s. 36] говорится о конунге Домальди, которого решили принести в жертву, чтобы получить хороший урожай. Основываясь на трудах О. М. Фрейденберг [4, с. 26], можно предположить, что речь здесь идет не об историческом конунге, а об уже интерпретированной С. Стурлусоном мифологеме отца-гения-жреца, выполняющего загробные функции. Ритуал жертвоприношения у древних скандинавов описал в своей хронике XI в. и А. Бременский [5, с. 34]. Исследователь М. Элиаде видел прямую связь между празднованием середины зимы и культом мертвых: «Бесконечное повторение космогонического акта превращает каждое празднование Нового года в открытие новой эры, позволяет мертвым возвращаться к жизни» [6, с. 56]. Бытующее в Швеции поверье о возвращении умерших предков в рождественскую ночь становится лейтмотивом романа Ю. Теорина, однако здесь языческая основа соединяется с христианской традицией.

Главный герой романа «Ночной шторм» Юаким находит в одной из пристроек в своей усадьбе потайную комнату, имитирующую небольшую часовню. На церковных скамьях он видит вещи, оставленные для тех, кто, согласно легенде, возвращается на Рождество. Там он кладет подарок для своей покойной жены Катрин и надеется встретить ее саму. В ночь Йоля Юаким приходит сюда, в это тайное место, отгороженное от всего мира стеной, в комнату, в которую нет двери, и ему кажется, что он может видеть Катрин и говорить с ней. В рядах скамей он чувствует присутствие тех, кто больше не живет.

В романе Ю. Теорина мифологема возвращения приобретает форму суеверия. Мертвые возвращаются, но остаются мертвыми. Речь не идет о втором рождении, характерном для мировосприятия, отраженного в текстах «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды», где герои, хотя и с другими именами, появлялись на свет заново. Речь, скорее, о памяти, индивидуальной и коллективной. Главного героя волнует вопрос о том, будут ли его маленькие дети помнить свою мать, для него важно сохранить ее образ. В то же время о многих умерших уже некому вспоминать, они полностью ушли в небытие, и их след хранит лишь земля.

Один из старожилов острова говорит: *Умершие стали нашими соседями всюду здесь на острове, с этим можно только смириться. Вся земля полна старыми могилами <...> коридорные гробницы каменного века, могилы с валунами бронзового века, каменные ящики железного века и захоронения викингов* [2, s. 227].

Прошлое то и дело возвращается к Юакиму в лице его погибших сестры и жены. Темный дух прежних времен окружает жертвенное болото, в котором оставляли то, что было дорого, чтобы умили-вить богов. Шепот умерших слышен в усадьбе, где для них сделана тайная часовня. Прошлое, принявшее форму суеверий, передается из уст в уста и в виде преступлений желает получить развязку. Прошлое и настоящее переплетены в романе, что отсылает нас к мифологическому восприятию времени. Несмотря на значительную роль прошлого, оно остается в романе прошлым. Временная прямая не делает витков, характерных для песен «Старшей Эдды». Более того, своего рода моралью произведения становится мысль о том, что прошлое должно остаться на своем месте. В настоящем хранится лишь светлая память.

Образ Катрин связан также с мифологемой двойника, представленной в древнескандинавском мировосприятии в двух плоскостях. Во-первых, речь идет о способности некоторых людей и богов принимать облик животных и птиц: в то время как они парили в небесах в виде орла или рыскали по лесу в виде волка, их тела пребывали без движения. Представители фауны воспринимались как люди. Во-вторых, в древние времена народ верил в так называемых фюльгий, женских духов-хранительниц, которые могли предупредить своего хозяина об опасности, но встреча с ними означала приближение смерти.

В «Песне о Хельги, сыне Хьёрварда» в «Старшей Эдде» рассказывается о том, как *ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. Она ехала на волке, и змеи были у нее удилами* [7, с. 257]. По вине этой женщины Хедин дал обет жениться на возлюбленной своего брата Хельги, который, узнав о случившемся, подумал, что *его духи-двойники посетили Хедина, когда тот встретил женщину верхом на волке* [7, с. 258]. Это было предзнаменованием скорой гибели Хельги.

Выше уже указывалось значение вечера накануне Йоля в древнескандинавской традиции. Это была опасная ночь, когда границы между реальным и потусторонним, живыми и мертвыми стирались. На волке обычно путешествовали великанши и чародейки, но Хельги интерпретирует увиденное его братом как дурной для себя знак и оказывается прав.

Сюжет романа «Ночной шторм» закручивается вокруг смерти женщины, приехавшей из Стокгольма в провинциальную глушь в поисках спокойствия, но покой не приходит к ней даже после смерти. В день, когда тело новой жительницы Эланда Катрин было найдено в воде у берега, ее муж Юаким Вестин собирал последние вещи в их старом доме в Стокгольме, в 400 километрах от острова. В десять минут пятого, когда женщина уже была мертва, он стоял в подвале и внезапно услышал, как на верхнем этаже открылась входная дверь и раздался обеспокоенный голос Катрин, которая звала мужа.

Юаким очень тяжело переживал потерю жены. Он не хотел с ней прощаться и верить в то, что Катрин ушла навсегда. Он раскладывает ее вещи в спальне, чтобы чувствовать ее присутствие, и ничего не говорит детям. Атмосфера становится еще более напряженной, когда старшая дочка Ливия начала видеть свою маму во сне. Ливия становится своеобразным проводником информации из одного мира в другой. Она воспринимает сны как реальность и однажды уверенно заявляет, что мама придет на Рождество.

Желание ребенка снова увидеть маму, тем более на самый значимый праздник в году, вполне объяснимо. И Катрин приходит – чтобы защитить детей от пробравшихся в усадьбу грабителей. Тем не менее в тексте остается неясным, происходило это в реальности или во сне.

В контексте произведения Катрин становится своего рода ангелом-хранителем, оберегающим детей от опасности. Невозможно сказать однозначно, какую основу имеет этот образ – языческую или христианскую, возможно, в нем переплетены обе традиции.

Ливия – приемная дочь в семье. Ее родная мать, сестра Юакима, страдающая наркотической зависимостью, не смогла заботиться о ней, и эту обязанность взяла на себя Катрин, не отказавшаяся от дочери и после своей смерти.

В книге Ю. Теорина также можно отметить мифологему тайнописи. Если в древнескандинавских текстах ее содержание раскрывали преимущественно рунические символы, то в романе как тайнопись можно истолковать перечень имен, нацарапанных на стене чердака в сарае, за которой находится тайная комната-часовня. Эти имена вырезаны здесь как знак памяти об умерших. Как за руническими знаками кроется неведомое непосвященным содержание, так и за каждым из имен стоит чья-то жизнь. Усадьба не сохранила их историй, но вырезанные имена не дали им полностью исчезнуть. Строчки «Старшей Эдды», в которых перечисляются непонятные имена, также не могут пролить свет на тех, кто ими когда-то обладал, но благодаря этим именам мы знаем о существовании их носителей.

Мотив памяти становится преобладающим в контексте данной мифологемы. Юаким аккуратно выводит гвоздем имя своей жены на нижней доске стены и чувствует облегчение, когда осознает, что таким образом сохраняет память о ней.

Стена с написанными на ней именами становится своеобразным алтарем, к которому приходят, чтобы посидеть в раздумьях, попросить о помощи и оставить жертву: *Юаким посмотрел на стену и имена, что были на ней вырезаны. Перед тем как начать читать их, он снова услышал пронзительный писк и остановился. Он посмотрел вниз на пол. Сначала слышался писк, потом мяукающий Распутин. Кот сидел и тщательно облизывал лапки. Затем он посмотрел вверх на посетителя, и Юаким встретил его взгляд, подумав, что кот фактически выглядел довольным. <...> Перед ним лежали с десятков узких тушек с коричневым мехом... Распутин разложил истекающих кровью крыс в ряд под стеной. Это было похоже на жертвоприношение* [2, с. 269].

Основное повествование в романе чередуется с главами из книги Мирьи – матери Катрин, – в которых речь шла про Эланд, усадьбу и людей, чьи имена она видела на стене чердака. Каждая небольшая глава – это история смерти. Однако правду и вымысел в этих рассказах не может отличить никто, но это не столь важно, ведь прошлое обрело новую жизнь в ее книге.

Заключение

Таким образом, на основе анализа романа Ю. Теорина «Ночной шторм» можно сделать следующие выводы. В произведении мифологема возвращения соединяется с мифологемой двойника. Первый концепт прочно связан с поверьем о возвращении умерших в рождественскую ночь, которое, в свою очередь, берет начало в мифологическом восприятии праздника Йоля. Умершая жена главного героя возвращается словно фюльгья – хранительница – и защищает детей от опасности.

Однако мифологема возвращения не нарушает ход времени в романе. Прошрое, несмотря на то, что его шепот слышен по всему острову, должно остаться в прошлом. В настоящем ему есть место только в памяти живущих. Воспоминания не позволяют ушедшим исчезнуть без следа, сохраняя их истории или хотя бы имена, которые приобретают в романе смысл тайных знаков, вместилища судеб, спрятанных за вырезанными в стене символами. Это знание священно, без него история может оказаться незавершенной, будь то история Этель, окончание которой повлекло принесение в жертву Катрин, или

истории других персонажей книги. Боль, вызываемая памятью, является нашей жертвой на алтарь прошлого. И возможно, за нее мы получим воздаяние.

Роман Ю. Теорина можно воспринимать как шведский вариант традиции магического реализма. Основываясь на содержании древнейших мифологем и их христианской интерпретации, писатель смог создать литературное произведение, в котором переплетение повседневного и фантастического настолько гармонично, что читатель сам выбирает, какая реальность ему более близка.

Библиографические ссылки

1. Младшая Эдда. М., 1994.
2. *Theorin J. Nattfåk*. Stockholm, 2009.
3. *Sturluson S. Nordiska kungasagor*. Stockholm, 1996.
4. *Фрейдсберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1998.
5. *Allan T. Vikingar. Myter, kultur och långfärder*. Stockholm, 2002.
6. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.
7. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

References

1. [The Prose Edda]. Moscow, 1994 (in Russ.).
2. Theorin J. [Night Storm]. Stockholm, 2009 (in Swed.).
3. Sturluson S. [Norse kings' sagas]. Stockholm, 1996 (in Swed.).
4. Freidenberg O. M. [Myth and ancient literature]. Moscow, 1998 (in Russ.).
5. Allan T. [The vikings. Myths, culture and long distance voyages]. Stockholm, 2002 (in Swed.).
6. Eliade M. [Myth about the eternal return]. Saint Petersburg, 1998 (in Russ.).
7. [Beowulf. Poetic Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow, 1975 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 11.04.2017.
Received by editorial board 11.04.2017.*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.3'373.45'0+81(476)(091)

ВЫВУЧЭННЕ ПАЛАНІЗМАЎ У БЕЛАРУСКІМ МОВАЗНАЎСТВЕ І СТАЎЛЕННЕ ДА ІХ (XIX ст. – 1930-я гг.)

М. І. СВИСТУНОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца паланізмы як аб'ект вывучэння ў беларускім мовазнаўстве XIX ст. – 1930-х гг. Адзначана, што ў якасці мовазнаўчых крыніц XIX ст. выступілі працы К. Калайдовіча, Я. Чачота, Ф. Галатузава, І. Насовіча, Я. Карскага. Прыведзены ацэнкі выкарыстання паланізмаў у гэты перыяд, дадзеныя М. Г. Булахавым і Л. М. Шакуном. За аснову назіранняў за стаўленнем да паланізмаў у 1920–30-х гг. былі ўзяты артыкулы М. Байкова, І. Ваўка-Левановіча, В. Ластоўскага, Я. Лёсіка, С. Некрашэвіча, Л. Цвяткова. Выяўлена, што адзіны спецыяльны артыкул гэтага часу – «Польскі элемент у беларускай мове» Л. Цвяткова – застаўся ў рукапісе і ў сучаснасці невядомы. Разгледжаны ацэнкі стаўлення да паланізмаў у гэты перыяд пераважна на прыкладзе даследаванняў А. Я. Баханькова, М. Г. Булахава, І. К. Германовіча, Л. М. Шакуна.

Ключавыя словы: запазычаная лексіка; паланізмы; напрамкі вывучэння паланізмаў; стаўленне да паланізмаў; польскамоўны ўплыў; паланізацыя; беларуская літаратурная мова; беларускае мовазнаўства XIX ст., 1920–30-х гг.; моўны пuryзм.

Падзяка. Артыкул напісаны ў межах выканання задання 4.1.01.1 «Інавацыйныя і традыцыйныя працэсы ў станаўленні і развіцці лексічнага складу беларускай мовы» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства».

Образец цитирования:

Свистунова М. И. Вывучэнне паланізмаў у беларускім мовазнаўстве і стаўленне да іх (XIX ст. – 1930-я гг.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 39–49.

For citation:

Svistunova M. I. Study of polonisms in Belarusian linguistics and attitude toward them (XIX century – 1930s). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 39–49 (in Belarus.).

Автор:

Марина Иосифовна Свистунова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета.

Author:

Maryna Svistunova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of Belarusian language, faculty of philology.
miskaf@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛОНИЗМОВ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ (XIX в. – 1930-е гг.)

М. И. СВИСТУНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются полонизмы как объект изучения в белорусском языкознании XIX в. – 1930-х гг. Указано, что в качестве научных источников XIX в. выступили труды К. Колайдовича, Я. Чечота, Ф. Голотузова, И. Носовича, Е. Карского. Приведены оценки использования полонизмов в этот период, данные М. Г. Булаховым и Л. М. Шакуном. За основу наблюдений за отношением к полонизмам в 1920–30-х гг. были взяты статьи Н. Бойкова, И. Волка-Левановича, В. Ластовского, Я. Лёсика, С. Некрашевича, Л. Цветкова. Установлено, что единственная специальная статья этого времени – «Польский элемент в белорусском языке» Л. Цветкова – осталась в рукописи и сегодня неизвестна. Рассмотрены оценки отношения к полонизмам в этот период преимущественно на примере исследований А. Е. Баханькова, М. Г. Булахова, И. К. Германовича, Л. М. Шакуна.

Ключевые слова: заимствованная лексика; полонизмы; направления изучения полонизмов; отношение к полонизмам; влияние польского языка; полонизация; белорусский литературный язык; белорусское языкознание XIX в., 1920–30-х гг.; языковой пуризм.

Благодарность. Статья написана в рамках выполнения задания 4.1.01.1 «Инновационные и традиционные процессы в становлении и развитии лексического состава белорусского языка» подпрограммы «Белорусский язык и литература» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества».

STUDY OF POLONISMS IN BELARUSIAN LINGUISTICS AND ATTITUDE TOWARD THEM (XIX CENTURY – 1930s)

M. I. SVISTUNOVA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The polonisms are considered in the article as an object of study in Belarusian linguistics from the XIX century to the first 30 years of the XX century. Main academic sources for the XIX century are the works of K. Kalajdovich, J. Chachot, F. Golotuzov, I. Nosovich, J. Karski. Evaluation of the using of polonisms during this period by M. H. Bulahau and L. M. Shakun are given in this article. The articles of M. Bajkou, I. Vouk-Levanovich, V. Lastouski, J. Liosik, S. Nekrashevich, L. Cviatkou are the background for studying the attitude towards polonisms in 1920–30s. It's determined that unknown today article «Polish Element in Belarusian Language» by L. Cviatkou was the only special article for this time and stayed in the state of manuscript. The works of A. J. Bahankou, M. H. Bulahau, I. K. Hermanovich, L. M. Shakun are taken as an example of the attitude toward polonisms and considered.

Key words: borrowed lexis; polonisms; trends of polonisms study; attitude toward polonisms; influence of Polish; Polonization; Belarusian literary language; Belarusian linguistics of the XIX century, 1920–1930s; linguistic purism.

Acknowledgements. The article is written within a task 4.1.01.1 «Innovative and development of Belarusian vocabulary» of subprogram «Belarusian language and literature» of State program for scientific researches «Economics and humanitarian development of Belarusian society».

Генетычна і структурна блізкія беларуская і польская мовы з рознай ступенню актыўнасці ўзаемадзейнічалі ва ўсе перыяды свайго існавання. Рознаўзроўневыя адзінкі польскага паходжання ў беларускай мове, асаблівасці іх пранікнення і выкарыстання, нарматыўны статус і роля неаднаразова прыцягвалі ўвагу беларускіх мовазнаўцаў. Паланізмам у беларускай мове прысвечаны шэраг спецыяльных навуковых даследаванняў; яшчэ больш прац, у якіх вывучэнне запазычанняў з польскай мовы суправаджае вырашэнне іншых мовазнаўчых задач. Асэнсоўваючы адпаведную навуковую літаратуру, можна заўважыць пэўныя заканамернасці: 1) даследаванне паланізмаў вядзецца ў гістарычным і сінхронным аспектах; 2) як у гістарычным, так і ў сінхронным аспекце найбольш вывучана ўздзеянне польскай мовы

на беларускую на лексічным узроўні; 3) даследуюцца паланізмы літаратурнай мовы і народных гаворак; 4) асобным аспектам вывучэння паланізмаў з'яўляюцца працы па гісторыі беларускага мовазнаўства; 5) у апошніх пры асэнсаванні ролі паланізмаў стаўленне да іх вар'іруецца ў залежнасці ад паводнаў у грамадстве і навуцы поглядаў; 6) існуе праблема ідэнтыфікацыі і класіфікацыі паланізмаў, асабліва адчувальна ў працах па гісторыі беларускай мовы.

У нашым артыкуле ўвага будзе звернута на асноўныя мовазнаўчыя даследаванні акрэсленага часу, прысвечаныя паланізмам, і выяўленне стаўлення да апошніх, пра якое ў той ці іншы канкрэтны перыяд сведчаць маўленчая практыка, навуковая рэфлексія, прадстаўленая ў тагачасных мовазнаўчых працах, грамадскае абмеркаванне, якое выяўляецца галоўным чынам праз СМІ. Гэта так званае ўнутранае стаўленне, дзейснае ў межах таго самага часовага перыяду, калі паланізмы ўжываюцца. Акрамя гэтага, можна весці гаворку і пра, так бы мовіць, знешняе стаўленне – ацэньванне адносінаў да ўжываных у пэўны перыяд паланізмаў, зробленае ў пазнейшыя часы і прадстаўленае пераважна ў даследаваннях па гісторыі беларускай мовы і айчыннага мовазнаўства. Вывучэнне паланізмаў ляжыць у больш шырокім рэчышчы праблемы польска-беларускага моўнага ўзаемадзеяння, прадстаўленага ў сучаснасці вельмі значнай колькасцю навуковых прац.

Элементы польскай мовы і вынікі польскамоўнага ўплыву вылучалі яшчэ аўтары першых даследаванняў па беларускай мове, сінхранічнае апісанне і гістарычнае вывучэнне якой, пачатыя ў XIX ст., патрабавалі разабрацца ў тым, што ў беларускай мове ёсць уласнае, што – супольнае з суседнімі славянскімі мовамі, а што – запазычанае? Так, ужо ў першым навуковым апісанні беларускай мовы, зробленым у 1822 г. рускім філолагам К. Калайдовічам, згадваецца пра ўплыў «польской словесности» і польскага «стопосложения», а таксама пра паланізмы ў мове Ф. Скарыны [1, с. 7–8].

У прадмове Я. Чачота да зборніка «Сялянскія песні з-над Нёмана і Дзвіны» (1846) змешчана апісанне *крывіцкага дыялекту* (у XIX ст. так іншым разам называлі беларускую мову; пра тагачасныя назвы беларускай мовы гл. [2]), што стала адной з першых спроб не толькі сінхранічнага апісання беларускай мовы, але і супастаўляльнага вывучэння беларускай і польскай моў, прынамсі на фанетычным і граматычным узроўнях. Свае назіранні Я. Чачот выводзіць з выказанага напачатку палажэння: «Крывіцкі дыялект – прамежкавы паміж польскім, рускім і ўкраінскім» [3, с. 216]. Яго фанетычныя асаблівасці разглядаюцца аўтарам як згодныя з адпаведнымі асаблівасцямі польскай мовы (дзеянне, цеканне, пераход *л* у *ў*, адсутнасць насаваў галосных, падаўжэнне зычных у інтэрвакальным становішчы і некаторыя іншыя) або адрозныя ад іх. «Часткі мовы тыя ж самыя, што і ў польскай мове» [3, с. 219], – канстатуе Я. Чачот. У гэтай прадмове гаворкі пра запазычанні з польскай мовы, уласна кажучы, не ідзе, аднак публікацыю трэба згадаць як першую значную працу ў рэчышчы вывучэння беларуска-польскага моўнага ўзаемадзеяння.

Пра «элемент польскаго языка в белорусском наречии» неаднаразова ідзе гаворка ў надрукаванай у 1852 г. нататцы рускага філолага Ф. Галатузава. Аўтар прывёў 65 спецыфічных лексем і выказаўся адносна іх так: «...едва ли я ошибаюсь, если вышеприведенные слова признаю **зашедшими** в белорус[ское] наречие из языка польского, но не сходными издревле с словами польскими» [4, с. 43]. Акрамя гэтага, Ф. Галатузаў прыводзіць асобныя выразы, запазычаныя з польскай мовы, і падкрэслівае пасярэдніцкую ролю польскай мовы ў пранікненні слоў з лацінскай, французскай і нямецкай моў у беларускую, а таксама падае спіс такіх апасродкаваных германізмаў (21 лексема) [4, с. 44–46].

Гаворачы пра вывучэнне беларускай мовы на пачатковым этапе, нельга абмінуць увагай і «лепшы беларускі слоўнік XIX ст.» [5, с. 295] – «Слоўнік беларускай мовы» Івана Насовіча (1870). Хаця гэты лексікаграфічны даведнік з'яўляецца дыялектным паводле прадстаўленага ў ім матэрыялу, яго даныя тым не менш даюць і больш агульнае ўяўленне пра склад беларускай мовы другой паловы XIX ст. Вельмі паказальна, што да ліку паланізмаў, паводле назіранняў І. Гапоненка, сам І. Насовіч аднёс усяго толькі 6 лексем [6, с. 61]. У той жа час, як заўважае сучасная даследчыца, большасць запазычанняў, што не ўтрымліваюць спецыяльных памет у слоўніку І. Насовіча, але «маюць выразныя адзнакі іншамовнасці», – гэта «*паланізмы* розных тыпаў (207 лексем, г. зн. каля 54 %): словы, якія захоўваюць фармальныя прыметы свайго паходжання <...> і лексічныя паланізмы» [6, с. 62]. Падобная сітуацыя адлюстроўвалася і ў рукапісным слоўніку І. Насовіча, зробленым на аснове выдання «Акты, относящиеся к истории Западной России» (1846–1852) [7, с. 90].

У іншых навукоўцаў XIX ст. таксама можна знайсці шэраг заўваг і разважанняў адносна сувязі польскай і беларускай моў. Па сутнасці, яны зводзяцца да наступнага: 1) беларускае «наречие» сярэдняе паміж рускай, украінскай і польскай мовамі (розныя навукоўцы прызнавалі розную ступень самастойнасці беларускай мовы); 2) у ім адчувальны «польскі элемент» на розных узроўнях (назваюцца адпаведныя фанетычныя з'явы, прыводзяцца лексічныя і граматычныя сродкі).

Пачаткам навуковага асвятлення ў беларускім мовазнаўстве запазычанага лексікі і непасрэдна паланізмаў трэба лічыць працы акадэміка Я. Карскага. У 1-м томе манаграфіі «Беларусы» (1903)

змешчана 5-я глава «Белорусы вместе с литовцами под властью Польши. Наплыв разных иностранных слов в белорусское наречие», у якой апісваюцца час, умовы, прычыны і шляхі пранікнення польскамоўных асаблівасцей у беларускую мову [8, с. 131–162].

Пра ўплыў польскай мовы на старабеларускую – «литературную речь старого западнорусского языка» – Я. Карскі выказаўся так: «Тут полонизмов во всех областях мас[с]а, особенно много их в словаре. Дело иногда доходит до того, что польская речь только переписывается русскими буквами; и такая русская речь легко может быть переложена на польскую. <...> В старой западнорусской литературной речи обычны полонизмы также и в фонетике, морфологии и особенно синтаксисе...» [8, с. 153].

Паланізацыю старабеларускай мовы Я. Карскі ацэньвае адмоўна: «Приняв в себя много элементов польского языка и сделавшись вследствие этого очень искусственным и уродливым, литературный западнорусский язык стал на пути постепенного его вытеснения польским языком» [8, с. 134].

Аднак народнай гаворцы канца XIX – пачатку XX ст., на думку знакамітага вучонага, паланізмы не былі ўласцівы: «Следует удивляться, что в народной белорусской речи, дошедшей до нас, полонизмов еще не так много, как можно бы ожидать, наблюдая хотя бы литературную западнорусскую речь XVII–XVIII столетий; наиболее полонизмов в словаре и менее всего в звуковом составе языка» [8, с. 134]. Свае назіранні аўтар падмацоўвае матэрыялам са слоўніка І. Насовіча, з якога ён прывёў 65 «чисто польских слов» [8, с. 139]. Акрамя гэтага, абапіраючыся на некаторыя іншыя крыніцы, Я. Карскі падаў 84 словы-паланізмы, запазычаныя шляхтай [8, с. 137–139], 182 агульнавядомыя іншамовныя запазычанні, для якіх польская мова магла быць пасярэдніцай [8, с. 139–146], 108 паланізмаў, вядомых «католической Белоруссии и главным образом среди белорусской шляхты» [8, с. 146–150]. Вядома, гэта далёка не поўны пералік паланізмаў, якія бытавалі ў беларускай мове пачатку XX ст.

У той жа 5-й главе Я. Карскі апісвае фанетычны ўплыў польскай мовы на беларускую [8, с. 150–153]. Пра польскамоўнае ўздзеянне неаднаразова згадваецца і ў 2-м томе з назвай «Язык белорусского народа» (1908), асабліва ў 3-й главе «Исторический очерк звуков белорусского языка» [9, с. 92–394].

Такім чынам, Я. Карскі зафіксаваў наяўнасць паланізмаў, акрэсліў іх прыблізны колькасны і якасны склад, вызначыў прычыны і ўмовы ўзнікнення, а таксама сферы іх функцыянавання, што стала падмуркам для правядзення далейшых даследаванняў. Ад манаграфіі пачынальніка айчынай філалагічнай навукі ў далейшым вывучэнні паланізмаў выразна акрэсліліся два падыходы: гістарычны і сінхронны. Самі ж паланізмы Я. Карскі ацэньваў як «элементы польского языка», якія робяць (стара)беларускую мову ненатуральнай, забруджваюць яе.

Амаль праз 70 гадоў, даючы ацэнку стаўленню навукоўцаў канца XIX – пачатку XX ст. да паланізмаў у беларускай мове, А. І. Жураўскі пісаў, што «сярод прадстаўнікоў рускай навукі ў мінулым прыкметна была тэндэнцыя яўна прынізіць ролю польскай мовы ў развіцці слоўнікавага саставу беларускай мовы. Типовым узором такога падыходу з’яўляецца рукапісны слоўнік І. І. Насовіча, складзены ім па матэрыялах пяцітомнага выдання беларускіх гістарычных дакументаў пад назвай “Акты, относящиеся к истории Западной России” (СПб., 1846–1852). У сваім слоўніку Насовіч прыводзіць шматлікія звесткі аб паходжанні паасобных слоў і часта змяшчае пры іх адпаведныя іншамовныя этымоны. Аўтар слоўніка ўказвае запазычанні з лацінскай, нямецкай, грэчаскай, французскай, царкоўнаславянскай і ўкраінскай моў. Аднак колькасць паланізмаў, якія забяспечаны ўказаннем на сваё паходжанне, тут зусім нязначная, напрыклад словы *врядъ, гаранъ, коверецъ, маетокъ, памятка, плотъ, рожай, спратъ* і некаторыя іншыя. У той жа час не маюць указанняў аб польскім паходжанні такія відавочныя паланізмы, як *валечный, велбити, влада, власне, вонтпиту, гродъ, дугъ, завше, звлаца, кроль, лацно, нендзный, обцовати, слонце* і інш.» [7, с. 90]. І далей: «Я. Ф. Карскі ў свой час схільны быў нават лічыць, што беларуская народная мова запазычыла ад польскай усяго толькі 65 слоў. Аднак гэта лічба Я. Ф. Карскага яўна прыменшана: у меркаванні даследчыка можна бачыць агульнае імкненне тагачаснай навукі паказаць нязначны ўплыў польскай мовы на беларускую» [7, с. 104].

Прычынай прымянення польскага ўплыву на мову і культуру беларусаў трэба бачыць, натуральна, у тых поглядах і падыходах, што дамінавалі ў навуковым асяродку і былі прадыхаваны ўладамі Расійскай імперыі, якая імкнулася сцвердзіць і замацаваць сваю прысутнасць на «вновь приобретенных» пасля апошняга падзелу Рэчы Паспалітай (1795) беларускіх землях. Сучасны беларускі гісторык А. Унучак, пішучы пра польскае пытанне і беларускую ідэю 1863–1914 гг., адзначаў: «Як відаць з гістарычных крыніц, менавіта “польскае пытанне”, “паланізм” быў асноўнай пагрозай для панавання Расійскай імперыі на землях былога Вялікага Княства Літоўскага...» [10, с. 298]. Даследчык прыводзіць шэраг фактаў, сярод якіх наступны: «Пішучы ў канцы 1903 г. свой “Всепоподаннейший отчет”, віленскі генерал-губернатар князь П. Святаполк-Мірскі ў раздзеле пад назвай “Белорусское племя” пісаў, што беларусы, не маючы ні палітычнага, ні культурнага мінулага, непазбежна павінны зліцца з расійцамі ці палякамі і што ўраду лепш рабіць акцэнт на “агульнарускае” паходжанне беларусаў,

не размяжоўваючы іх паводле канфесійнай прыкметы» [10, с. 305]. Нагадаем, што ў 1903 г. выйшаў з друку і 1-ы том манаграфіі Я. Карскага «Беларусы». Па звестках, прыведзеных аўтарам артыкула, князь П. Святаполк-Мірскі фінансаваў працу Я. Карскага над манаграфіяй [10, с. 305], што па волі лёсу стала вытокам філалагічнай навукі беларусаў, зліццё якіх з рускімі ці палякамі прадказваў князь. Узвядзенне «агульнарускага» адзінства і падабенства пры адначасовым ігнараванні і прымяненні ўсяго польскага, у тым ліку ў галіне мовы, цалкам адпавядала ўрадавай канцэпцыі і пазіцыі, пашыранай на сферу навукі [11, с. 20, 22, 24].

Польскамоўны ўплыў на мову беларускага пісьменства XIX ст. аналізавалі многія савецкія мовазнаўцы, што пісалі пра адпаведны перыяд. Так, напрыклад, цікавыя назіранні былі зроблены М. Г. Булахавым у апублікаваным асобнай брашурай дакладзе «Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі мовамі», які быў агучаны на Міжнародным кангрэсе славістаў 1958 г. У раздзеле «Сувязі беларускай літаратурнай мовы з польскай мовай» адзначана, што «ў беларускіх літаратурных творах першай палавіны XIX ст. элементы польскай мовы ўжываліся пераважна без стылістычнай нагрукі, гэта значыць у якасці звычайных намінацыйных сродкаў, прычым паходзілі яны, відаць, не з польскай літаратуры, а галоўным чынам з размоўных стыляў мовы палякаў, якія жылі ў гарадах, мястэчках і засценках Беларусі» [12, с. 27].

Інакш бачыў сітуацыю другі вядомы беларускі мовазнавец Л. М. Шакун, які ў манаграфіі «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» пісаў, што ў XIX ст. польская мова ўплывала на беларускую не толькі кніжнымі шляхамі: яе элементы пранікалі ў беларускія народныя гаворкі, з якіх траплялі ўжо ў мову пісьменнікаў. Польскамоўны ўплыў на беларускую мову, на думку мовазнаўца, адбываўся таксама праз шляхецкі жаргон. Адзначаючы станоўчы бок выкарыстання паланізмаў, які Л. М. Шакун бачыў у пашырэнні выяўленчых магчымасцей беларускай мовы, навуковец заўважаў, што польскія словы і формы часта выкарыстоўваліся «без якой-небудзь пільнай патрэбы, проста як вынік механічнага запазычання, даніна асабістаму густу» [13, с. 212–213]. У раздзеле, прысвечаным мове В. Дуніна-Марцінкевіча, аўтар назваў апраўданым выкарыстанне пісьменнікам паланізмаў для індывідуалізацыі мовы персанажаў і адлюстравання шляхецкага жаргону, для перадачы мясцовага каларыту. Але ўжыванне паланізмаў у аўтарскай мове ацэньваецца мовазнаўцам як не апраўданае мастацкімі патрабаваннямі [13, с. 204]. Даследчык не дапускаў, «што аўтару не хапала адпаведных сродкаў беларускай мовы» ці што «пісьменніку пры адсутнасці выразна вызначаных агульнанацыянальных норм цяжка было адрозніваць спецыфічныя з’явы такіх блізкіх моў, як польская і беларуская» [13, с. 204]. Мовазнавец выказаў асцярожнае меркаванне, згодна з якім празмернае выкарыстанне паланізмаў у аўтарскай мове можа быць патлумачана тым, што «пісьменнік свае паэтычныя творы звяртаў не столькі да селяніна, колькі да пана, да аўдыторыі “адукаванай”, і таму імкнуўся ў пэўнай меры патрапіць густу адукаванага чытача...» [13, с. 204–205].

Гістарычнае вывучэнне паланізмаў, запачаткаванае Я. Карскім, працягнуў у сваіх навуковых пошуках яго вучань – І. Воўк-Левановіч. У артыкулах, прысвечаных мове асобных помнікаў старажытнага беларускага пісьменства, а таксама ў выданні «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» (1927) даследчык звярнуў увагу на асобныя паланізмы і вынікі польскамоўнага ўплыву. Так, напрыклад, у артыкуле «Мова выданняў Францішка Скарыны», апублікаваным у вялікім зборніку навуковых прац «Чатырохсотлеце беларускага друку» (1926), І. Воўк-Левановіч, характарызуючы мову ўсходнеславянскага першадрукара, робіць наступную выснову: «...як паказвае аналіз, гэта ў большасці царкоўнаславянская мова з моцным элементам жывой беларускай мовы і з слядамі літаратурнага ўплыву чэскай і польскай моў»¹ [14, с. 263]. Аўтар адзначае асобныя паланізмы ў слоўніку Ф. Скарыны [14, с. 274], неаднаразова згадвае пра ўплыў польскай мовы (гл., напрыклад, [14, с. 274, 277, 282] і інш.). У працы не ідзе гаворка пра крытэрыі вызначэння паланізмаў, і ў справе іх вылучэння І. Воўк-Левановіч, як і іншыя даследчыкі таго часу, арыентаваўся, відаць, толькі на ўласныя суб’ектыўныя ўяўленні, таму словы, сугучныя з прывычнымі і пашыранымі ў беларускай мове яго часу, нахшталт *коханіе, место, возможность, пильное, посполу, праца, помста, родина, слушний* і інш., аўтар уключыў у групу «найбольш характэрных беларускіх слоў, якія сустрэліся нам пераважна ў памянёных прадмовах» [14, с. 282] (параўн. даныя «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы», у якім гэтыя словы прадстаўлены як запазычаныя ці верагодна запазычаныя з польскай мовы [15, т. 5, с. 314–315; т. 7, с. 22, 63, 78; т. 9, с. 130–131, 190; т. 10, с. 19–20; т. 11, с. 28; т. 12, с. 198]).

У асобным артыкуле І. Ваўка-Левановіча «Еще к вопросу о “ляшских” чертах в белорусской фонетике», апублікаваным у 1930 г. у 9-м томе пражскага часопіса «Slavia», таксама як і ў дадатку да гэтага артыкула, выдадзеным нашмат пазней, у 1973 г., у 3-м выпуску часопіса «Беларуская лінгвістыка», даследаваўся лёс праславянскіх **dj, *tj* [16]. У названых працах разглядаюцца вынікі праславянскіх

¹ Тут і далей у цытатах з прац 1920–30-х гг. захаваны арыгінальныя правапіс і пунктуацыя. – М. С.

фанетычных змен, аднак па сваёй сутнасці яны не з'яўляюцца праявамі польскамоўнага ўплыву на беларускую фанетыку.

Нягледзячы на тое, што асобных спецыяльных даследаванняў на тэму польскамоўнага ўплыву на беларускую мову ў айчынным мовазнаўстве 1920–30-х гг. не было (за выключэннем рукапісу артыкула Л. Цвяткова, пра які будзе згадана ніжэй), шматлікія сведчання пра стаўленне да паланізмаў можна знайсці ў тагачасных навуковых працах, паколькі асэнсаванне ролі і месца запазычанняў у працэсе фарміравання беларускай нацыянальнай мовы і ўнармавання яе літаратурнай формы, а таксама вызначэнне спосабаў арфаграфічнай перадачы запазычанняў з'яўлялася на той час надзвычай актуальным і важным.

Так, у прадмове да выдання «Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік» (1924) В. Ластоўскі адзначыў транслюючую ролю польскай мовы, праз якую ў беларускую траплялі словы з чэшскай, лацінскай і французскай моў [17, с. III], а таксама выказаўся адносна іншамовных запазычанняў: «...кожнае чужое слова, занесенае ў мову, асымілюе, злівае мову з суседзкай, забівае яе асобны характар, а таму трэба, асабліва пішучы, высьцерагацца ўжываць сходныя з суседзкімі словамі, хоць бы яны і былі ў мове, а браць такія, якіх няма ў чужынцаў, але існуюць ў здаровай нашай народнай стыхii» [17, с. IV–V].

Мовазнаўчыя артыкулы А. Багдановіча, М. Байкова, А. Лёсіка, Я. Лёсіка, С. Некрашэвіча, Л. Цвяткова і некаторых іншых даследчыкаў, апублікаваныя на старонках часопіса «Полымя» ў перыяд 1923 г. – 1930-я гг., так ці інакш закраналі праблему іншамовнага, у тагачаснай тэрміналогіі – *чужаземнага*, уплыву. І вырашалі гэту праблему аўтары, трэба прызнаць, вельмі катэгарычна.

Так, Я. Лёсік у артыкуле «Некаторыя ўвагі да беларускае літаратурнае мовы» (1924) пісаў, што ў літаратурную мову можна браць «чужыя» словы, калі іх няма ў сваёй мове, і зазначаў: «Пераймаючы чужыя сынтаксычныя звароты, мы надаём нашай літаратурнай мове неўласцівага беларускай мове характару і тым абарачаем яе ў нейкі ня існуючы дыялект, або ў карыкатуру. <...> Пераймаючы чужыя сынтаксычныя формы, чужыя фразеалёгічныя звароты, наша літаратурная мова адрываецца ад народнага (дыялектычнага¹) грунту ды становіцца штучнай, няжывой, мёртвай, няздольнай змяніць ды разьвіваць *свае факты*. Фактамі мовы называецца ўсё тое, што йснуе ў мове, – гукі, словы, змены слоў, сынтаксычныя формы і т. д.» [18, с. 192–193]. Як бачна, гаворка ідзе пра іншамовнае запазычванне на лексічным і сінтаксічным узроўнях і не датычыць уласна польскай мовы, але характэрна, што такія запазычання, асабліва пры наяўнасці адпаведных сродкаў у самой беларускай мове, ацэньваюцца Я. Лёсікам вельмі адмоўна і вядуць, на яго думку, да амярцвення мовы, адрыву яе ад народнай гаворкі.

Разважаючы на старонках вялікага артыкула аб праблемах укладання слоўніка беларускай літаратурнай мовы, С. Некрашэвіч пісаў у 1925 г., што «да кожнага слова, якое мы чуем на Беларусі і нават ад беларуса, трэба адносіцца крытычна, трэба глядзець, ці няма тут рускага або польскага ўплыву, ці ня русізм або полёнізм мы чуем» [19, с. 169], а запазычання ў літаратурнай мове – «выпадковыя госьці, якія сягоньня ёсць, а заўтра могуць знікнуць» [19, с. 176]. З гэтай прычыны яны не павінны ўключацца ў слоўнік беларускай літаратурнай мовы: «...усё неўласцівае для нашай мовы, што прадстаўляе рэзультат зрушэння² або спалышчэння, – усё роўна, ці будзе яно ўведзена ў мову літаратурным шляхам, ці знаходзіцца ў якім-небудзь дыялекце нашай мовы, – павінна быць у слоўніку адхілена» [19, с. 170].

Калі Я. Лёсік адмаўляў запазычанням у праве займаць месца ў граматычнай сістэме беларускай мовы на падставе таго, што яны псуюць яе, робяць штучнай, карыкатурнай і адрываюць ад «народнага дыялектычнага грунту» [18, с. 192–193], то С. Некрашэвіч яшчэ больш выразна падкрэсліваў сацыяльны аспект: запазычання не ўласцівыя «чыстай» мове вёскі і з'яўляюцца набыткам больш «засмечанай» мовы іншых сацыяльных колаў, а таму падлягаюць выключэнню [19, с. 168].

Навуковец М. Байкоў асэнсоўваў удзел іншамовных запазычанняў у працэсе фарміравання беларускай навуковай тэрміналогіі ў артыкуле «Да пытання аб чужаземных словах у нашай мове» (1927). Аўтар больш гнутка, чым згаданыя вышэй даследчыкі, ставіўся да наватвораў і запазычанняў у гэтай сферы: «Такім парадкам, патрэбы масавай асветы вымагаюць ад нас *спрашчэння* навуковай тэрміналогіі, прыстасавання яе да роднай мовы, і няма чаго *баяцца* новых слоў – новатвораў. <...> У выпадку патрэбы няма чаго баяцца нават запазычваць такія словы з суседніх славянскіх моў, хаця-бы з мовы расійскай або польскай» [20, с. 160]. Для М. Байкова «*спрашчэнне* навуковай тэрміналогіі, прыстасаванне яе да роднай мовы» [20, с. 160] азначаюць адмову ад выкарыстання іншамовных тэрмінаў, незразумелых шырокім масам, якія не маюць адпаведнай адукацыі.

¹Тут у значэнні 'дыялектнага'. – М. С.

²Тут у значэнні 'русіфікацыя'. – М. С.

Аднак, нягледзячы на розныя меркаванні аб перадачы запазычаных слоў на пісьме¹, у цэлым мовазнаўцы былі згодныя: запазычанням не месца ў беларускай мове, за выключэннем асобных выпадкаў.

Такі пурыстычны падыход выявіўся ў прынцыпе, ахарактарызаваным С. Некрашэвічам як «агульная тэндэнцыя да высялення з нашай мовы чужаземнай стыхіі, замена чужаземных слоў сваімі, беларускімі» [19, с. 176]. Замена гэта магла адбывацца двума шляхамі: 1) праз падбор адпаведніка з беларускай мовы (агульнавядомага ці мясцовага); 2) праз утварэнне новага слова сродкамі беларускай мовы.

Не толькі ўласна мовазнаўцы, але і пісьменнікі, якія прымалі самы актыўны ўдзел у фарміраванні беларускай літаратурнай мовы праз свае мастацкія творы, трымаліся падобных поглядаў. Так, напрыклад, у артыкуле «Пра нашу літаратурную мову» (1927) У. Дубоўка пісаў пра тое, што запазычваць у беларускую мову варта «з суседніх моваў толькі міжнародныя, інтэрнацыянальныя словы (*рэвалюцыя, пролетарыят, рэспубліка, саветы* і г. д.)» [21, с. 179].

Мовазнаўцы ўсведамлялі складанасць рэалізацыі названага прынцыпу ў галіне тэрміналогіі. Не-выпадкова яшчэ ў 1922 г. у прадмове да першага выпуску серыі «Беларуская навуковая тэрміналогія» («Элементарная матэматыка»; складальнікі Л. Більдзюкевіч, Ф. Бурак, А. Круталевіч) выразна акрэсліваўся падыход, якога мела намер трымацца Навукова-тэрміналагічная камісія ў сваёй працы: за аснову галіновай тэрміналогіі браліся «словы, існуючыя ў жывой народнай мове», але паколькі такіх тэрмінаў у народнай мове мала, то «прыходзілася або ўтвараць нэалёгізмы, або браць чужаземныя тэрміны. <...> У тэх выпадках, калі ў народнай мове ня было адпаведных слоў, або калі ўтвораныя нэалёгізмы былі вельмі штучныя, або, урэшце, калі даныя тэрміны прынялі ўжо інтэрнацыянальную ахварбоўку, – прымаліся чужаземныя тэрміны...» [22, с. 11–12].

Пра надзённасць вырашэння праблемы перадачы запазычанняў на пісьме сведчыць выданне «Працы Акадэмічнае Конфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі» (1927). Канфэрэнцыя прайшла 14–21 лістапада 1926 г., і на адным з пасяджэнняў з дакладам «Сучасны стан вывучэння беларускай мовы» выступіў С. Некрашэвіч [23, с. 48–74]. Ён расказаў сярод іншага і пра цяжкасці, з якімі сутыкнулася Навукова-тэрміналагічная камісія пры ўкладанні галіновых слоўнікаў: «Сваіх слоў не хапала. Прыходзілася або рабіць запазычанні з іншых моваў, або твараць нэалёгізмы. Камісія ў сваёй працы застанавілася на прынцыпе менш уводзіць чужаземных слоў, замяняючы іх сваімі словамі, хоць, можа, і ня зусім дапасаванымі да таго ці іншага абстрактнага значэння» [23, с. 54]. Пры гэтым міжнародныя навуковыя тэрміны захоўваліся.

Шэраг мовазнаўчых артыкулаў выключна гістарычнага напрамку на працягу 1921–1929 гг. змясціў часопіс «Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту»: даследаванні І. Ваўка-Левановіча «Гістарычнае вывучэнне беларускай мовы ў славянскай філагіі. Гісторыка-мэтадалагічны нарыс» (1925. № 6–7. С. 98–127), «Форма прошлага ў будучым (*буду-ль*) у мове дакументаў “Літоўскай Метрыкі”» (1928. № 16. С. 68–78), Л. Цвяткова «Увагі аб мове філаматаў» (1928. № 16. С. 79–103), П. Бузука «Некалькі слоў аб грамаце рыжан каля 1300 года» (1928. № 16. С. 65–67). Акрамя гэтага, у 29-м нумары выдання былі змешчаны некалькі артыкулаў пра яўрэйскую мову. Сярод пералічаных няма прац, прысвечаных вывучэнню ўласна польскага ўплыву на беларускую мову, хаця пра яго вынікі згадваецца ў артыкулах Л. Цвяткова і І. Ваўка-Левановіча.

У Беларускай акадэміі навук асобнымі кнігамі выйшлі «Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы клясы філёлёгіі» (1928, 1929), дзе сярод мовазнаўчых пераважаюць артыкулы па дыялекталогіі і гісторыі беларускай мовы. Асаблівай увагі ў межах нашай тэмы заслугоўвае артыкул Л. Цвяткова «Некаторыя рысы іншаславянскай фанетыкі ў беларускім лексічным матэрыяле» (1928) [24], у якім словы, што аўтар адносіць да запазычаных з розных славянскіх моў (найперш гаворка ідзе пра паланізмы і русізмы), размеркаваны па групам у залежнасці ад таго, якая іншамовная фанетычная асаблівасць захавана ў беларускім адпаведніку. Трэба прызнаць, што і адбор фактычнага матэрыялу, і метадыка правядзення такога адбору, і яго вынікі не могуць лічыцца бездакорнымі. Сам артыкул мае апісальны характар і мала што дае ў справе асвятлення праблемы паланізмаў у беларускай мове і стаўлення да іх, хіба што ілюструе досыць адвольнае разуменне мовазнаўцамі канца 1920-х гг. сутнасці паланізмаў. Аўтар разважае: «Возьмем, напрыклад, слова *мужатка* <...> замужняя кабета. У польскай мове з гэтым самым значэннем ёсць слова *mężatka*. Але ўсёткі слова *мужатка* мы ня можам лічыць запазычаным. Яно нісколькі не супярэчыць законам усходня-славянскай фонетыкі» [24, с. 67]. У межах артыкула, як паказвае падабраны аўтарам фактычны матэрыял, паланізм – гэта слова беларускай мовы, якое мае

¹ Гл., напрыклад, у часопісе «Полымя» палемічныя артыкулы М. Байкова «Неўстаноўленыя выпадкі нашага правапісу» (1925. № 2. С. 129–148), А. Багдановіча «Неўстаноўленыя выпадкі нашага правапісу (адказ на артыкул Я. Лёсіка. Час. “Полымя”, № 2, 1925)» (1925. № 7. С. 153–163), С. Некрашэвіча «Аб пашырэнні акання на чужаземныя словы» (1926. № 5. С. 123–130), М. Байкова «Да пытання аб чужаземных словах у нашай мове» (1927. № 4. С. 150–168), Л. Цвяткова «Увагі аб правапісе і скланенні чужаземных уласных імёнаў у беларускай мове» (1928. № 9. С. 199–216).

польскамоўныя фанетычныя прыметы (*длонь, смрод, сродак, бариш, вэгарда, мартвіць, тарка* і інш.), або іншамоўнае слова з прыметамі фанетычнай адаптацыі ў польскай мове (накшталт *офяра*).

Яшчэ да 1926 г. Л. Цвяткоў падрыхтаваў два рукапісы артыкулаў: «Беларускія элементы ў польскай мове» і «Польскі элемент у беларускай мове», пра што паведамлялася ў дакладзе С. Некрашэвіча, агучаным падчас працы акадэмічнай канферэнцыі [23, с. 51]. На аснове першага рукапісу быў напісаны і ўключаны ў праграму Акадэмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі даклад, які мусіў прагучаць 18 лістапада 1926 г. (гл. праграму канферэнцыі). Аднак праз недахоп часу і інфарматыўны характар даклада аргкамітэт прапанаваў надрукаваць яго без зачытвання [23, с. 388]. Артыкул Л. Цвяткова «Некалькі слоў аб беларускім элемэнце ў польскай лексыцы» быў змешчаны ў дадатку да зборніка прац акадэмічнай канферэнцыі. Праўда, гаворка ў ім ішла не пра лексічныя, а пра фанетычныя асаблівасці: разглядаліся (у тэрміналогіі аўтара) «юсы», «плаўна-чыстыя комплексы», «плаўна-глухія комплексы», «асноўна-славянскія *ъ* і *ь*», «лѣс асноўна-славянскага *е*», «аканьне», «пярэднянебныя зычныя», «элевае зьмякчэньне», «упрошчаньне злучэньняў *дл* і *тл*», «зацьвярдзеньне мяккага *г*», «фрыкатыўнае *з*», «акцэнтацыя» [23, с. 403–417].

Лѣс другога, найбольш цікавага ў межах абранай тэмы, рукапісу «Польскі элемент у беларускай мове» невядомы. Можна выказаць здагадку, што ў ім па аналогіі з першым артыкулам прыводзіліся прыклады фанетычнага ўплыву польскай мовы на беларускую. Хутчэй за ўсё, рукапісная навуковая спадчына Л. Цвяткова, абвінавачанага ў 1926 г. у «нацдэмаўскім» ухіле [25, с. 181] і рэпрэсаванага [26], была знішчана.

Пасля пурыстычных настрояў 1920-х гг., ідэалагічных «зачыстак» лексікі 1930-х гг. і прымання арыентацыі на рускую мову паланізмы сталі ўспрымацца як маркёры буржуазнасці і «белай Варшавы» [27, с. 127], а таму апынуліся ў становішчы «ворага народа». Так, напрыклад, у калектыўнай працы Беларускай акадэміі навук «“Навука” на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі» (1931) сярод напрамкаў «апрацоўкі» беларускай мовы «нацдэмамі» аўтары апошнім, чацвёртым, пунктам назвалі «барацьбу з рускімі элемэнтамі ў беларускай мове і максымальную полёнізацыю яе» [27, с. 115, 127–129]. Ідэолагі ад мовазнаўства прызнавалі максымальную паланізацыю беларускай мовы мэтай «паноў нацдэмаўскіх пурыстаў» [27, с. 127], адзначалі, што паланізацыя ў многім праведзена ў галіне вайсковай тэрміналогіі [27, с. 128], ставілі ў віну Я. Лёсіку і Л. Цвяткову іх навуковыя працы, звязаныя з польскай мовай [27, с. 129], і ў рэшце рэшт зрабілі заключэнне: «Усё гэта павінна было стварыць уражаньне, што ў беларускай мове полёнізмы зусім натуральны, што яны становяць сабою зусім законамернае зьявішча» [27, с. 129].

У 1930-х гг. паланізмы перастаюць быць «натуральнымі» адзінкамі беларускай мовы, склад, статус, ролю, пісьмовую перадачу якіх трэба высвятляць і ўнаормоўваць, і ўсё больш адступаюць у цень гісторыі. Нягледзячы на тое, што польская мова да 1936 г. з’яўлялася адной з чатырох дзяржаўных моў у Савецкай Беларусі, непасрэдныя кантакты з мовай буржуазнай Польшчы для Усходняй Беларусі былі вельмі абмежаванымі. Своеасаблівае становішча склалася ў Заходняй Беларусі, якая да 1939 г. уваходзіла ў склад Польшчы, а значыць, была далучана да польскай мовы, прынамсі ў афіцыйнай сферы; праўда, тут трэба гаварыць хутчэй пра феномен «пальшчызны крэсовай», чым пра функцыянаванне ўласна польскай мовы. Усё гэта, з аднаго боку, абмяжоўвала дыяпазон паланізмаў ужо існуючымі ў беларускай літаратурнай і дыялектнай мове адзінкамі, а з другога – перашкаджала пранікненню і замацаванню актуальнай польскай лексікі. Зразумела, што ў такіх абставінах доля паланізмаў у лексічным і граматычным складзе беларускай мовы становілася ўсё больш сціплай. А гэта, у сваю чаргу, часткова тлумачыць той факт, што ў 1930-х гг. навуковыя працы, прысвечаныя паланізмам, не з’яўляліся. Другім фактарам, што паўплываў на адсутнасць такіх даследаванняў, трэба прызнаць тагачасную ідэалагізаванасць савецкага мовазнаўства.

Нягледзячы на храналагічную блізкасць, перыяды 1920-х і 1930-х гг. у гісторыі беларускай мовы моцна адрозніваюцца, як і ацэнкі, дадзеныя выкарыстанню паланізмаў і стаўленню да іх у тыя часы, зробленыя ўжо з аддаленасці ў некалькі дзясяткаў гадоў.

У манаграфіі Л. М. Шакуна «Нарысы па гісторыі беларускай літаратурнай мовы» (1960) пра паланізмы ў беларускай мове XIX – пачатку XX ст. асобна не гаворыцца. А вось у працы «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (1963, 1984 (2-е выд.)) аўтар вызначыў шляхі пранікнення паланізмаў, прааналізаваў іх выкарыстанне ў мове асобных пісьменнікаў, увёў паняцце шляхецкага жаргону (гл. [13, с. 204–205, 212–213, 225, 273] і інш.).

Аўтары аднайменнай калектыўнай манаграфіі, выдадзенай у 1968 г., адзначылі шырокае выкарыстанне паланізмаў у 1920-х гг. і выцясненне іх у пачатку 1930-х гг. і пазней, звязваючы замену польскамоўных дублетаў са стратай сінанімічнага багацця беларускай мовы (гл. [28, с. 240, 252, 262, 318, 330] і інш.).

Мовазнавец І. К. Германовіч у артыкуле «Паланізмы ў беларускай літаратурнай мове 20 – першай палавіне 30-х гадоў XX стагоддзя» (1962) адзначаў наяўнасць польскіх дублетаў у тагачаснай беларускай мове, ілюстраваў выкарыстанне некаторых з іх (*варунак, дэсань, мапа, нэндза, развязаць, тартак*), а таксама канстатаваў выцясненне паланізмаў «з літаратурнага ўжытку ўласнабеларускімі словамі, словамі, створанымі на базе беларускага лексічнага матэрыялу па тыпу адпаведных рускіх слоў, а таксама непасрэднымі запазычаннямі з рускай мовы» [29, с. 86]. Акрамя таго, І. К. Германовіч з’яўляецца аўтарам шэрагу артыкулаў і кандыдацкай дысертацыі «Нармалізацыя лексікі беларускай літаратурнай мовы ў 20–30-я гады XX стагоддзя» (1963), у якіх сярод іншага аналізуецца і функцыянаванне паланізмаў.

У манаграфіі «Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд» (1982) А. Я. Баханькоў канстатаваў шырокае выкарыстанне паланізмаў на працягу 1920-х гг. у розных літаратурных жанрах і стылях, падкрэсліваючы, што «гэта было ўжо не прыцягненне новых лексічных сродкаў польскай мовы, а скарыстанне таго, што з’явілася ў беларускай мове ў выніку іх папярэдніх кантактаў» [30, с. 134]. Аўтар даследавання, як і І. К. Германовіч, адзначаў замену польскамоўных лексем сродкамі роднай мовы і запазычаннямі з рускай, а таксама канстатаваў канчатковае выцясненне паланізмаў к канцу 1930-х гг. [30, с. 135]. Адмоўна ацэньваў А. Я. Баханькоў «ажыўленне» (у тэрміналогіі аўтара) паланізмаў нахштальт *варунак, высілкі, выснова, звязак, кава, нагода, размаіты, стасунак*; дзеяслоўных форм без фарманта *-ір-* (*акупаваць, замаскаваць* і інш.), аргументуючы гэта тым, што вяртанне такіх слоў «уступае ў супярэчнасць з асноўнымі тэндэнцыямі, якія склаліся ў развіцці беларускай лексікі за гады Савецкай улады. Гэта не ўзбагачэнне, а скарэй засмечванне лексікі непатрэбнымі дублетаў, якія нічога не дабаўляюць да адпаведных агульнапрынятых слоў» [30, с. 26]¹. У сучаснасці многія з гэтых слоў, наадварот, пашыраны ў беларускай мове і ўспрымаюцца не як паланізмы, а як даўнія лексемы, што падкрэсліваюць самабытнасць і адрозненне беларускай мовы ад рускай і праз гэта ўспрымаюцца як своеасаблівы сродак моўнай «еўрапеізацыі». «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (2016) утрымлівае словы *высіліца* [32, с. 167], *звязак* [32, с. 296], *кава* [32, с. 327], *нагода* [32, с. 452]. А «Беларускі N-корпус» падае шматлікія прыклады выкарыстання слоў *варункі, высілкі, выснова, звязак, кава, нагода, размаіты, стасункі* сучаснымі беларускімі пісьменнікамі, а таксама ў мове газеты «Звязда»².

Пра ўплыў польскай мовы на беларускую і паланізмы ў ёй неаднаразова пісалі даследчыкі, што займаюцца вывучэннем набыткаў мовазнаўства XIX і першых трох дзесяцігоддзяў XX ст.: І. Гапоненка, С. Запрудскі, Г. Кулеш, У. Куліковіч, А. Лукашанец, І. Савіцкая, В. Шчэрбін і многія іншыя лінгвісты.

Найбольш падрабязна функцыянаванне паланізмаў у названы перыяд разгледжана ў манаграфіі С. Запрудскага «Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады» (2013) [31, с. 180–197]. У асобным раздзеле «Паланізмы» аўтар характарызуе ролю польскай мовы ў фарміраванні беларускай, прычыны існавання і знікнення польскамоўнага ўплыву, моўную палітыку ў адносінах да лексем гэтага тыпу, а таксама прыводзіць многія паланізмы, што ўжываліся ў тагачаснай беларускай мове.

Парадаксальным чынам наяўныя ў сучаснасці вынікі навуковай рэфлексіі над лінгвістычнай спадчынай XIX і пачатку XX ст. па аб’ёме, бадай што, большыя за саму гэту спадчыну, таму назваць і разгледзець іх у адным артыкуле не ўяўляецца магчымым. Аднак усё гэта яшчэ раз сведчыць пра важнасць названых перыядаў у гісторыі беларускай мовы і неабходнасць іх рознабаковага вывучэння.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. З твораў К. Калайдовіча. «О белорусском наречии» // Беларускае мовазнаўства / уклад. М. Р. Прыгодзіч. Мінск, 2006. С. 7–13.
2. Запрудскі С. Назвы беларускай мовы ў працах даследчыкаў XIX ст. // Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе / пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. Мінск, 2013. С. 81–111.
3. Чачот Я. Выбраныя творы / уклад. К. Цвірка. Мінск, 1996.
4. З твораў Ф. Галатюзава. «Заметки касательно белорусского наречия» // Беларускае мовазнаўства / уклад. М. Р. Прыгодзіч. Мінск, 2006. С. 18–48.
5. Беларуская мова : энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994.
6. Гапоненка І. А. Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця. Мінск, 2012.
7. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970.

¹ Пра тое, што словы *выснова, нагода* не з’яўляюцца паланізмамі, а таксама разгорнуты аналіз працы І. К. Германовіча гл. [31, с. 80–83].

² Гл.: URL: <http://bnkorporus.info/index.html> (дата звароту: 18.04.2017).

8. Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Минск, 2006. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности.
9. Карский Е. Ф. Белорусы : в 3 т. Минск, 2006. Т. 2, кн. 1 : Язык белорусского народа.
10. Унучак А. Расійская нацыянальная палітыка на землях былога ВКЛ: «польскае пытанне» і беларуская ідэя 1863–1914 гг. // Беларуская-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : зб. арт. у гонар праф. Э. Смulkовай. Мінск, 2016. С. 298–317.
11. Жураўскі А. І., Крамко І. І. Характар знешніх узаемаадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання. Мінск, 1973.
12. Булахуў М. Г. Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі мовамі. Мінск, 1958.
13. Шахун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. 2-е выд. Мінск, 1984.
14. Воўк-Левановіч Я. Мова выданняў Францішка Скарыны // Чатырохсотлеццё беларускага друку. 1525–1925. Менск, 1926. С. 262–283.
15. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–2008.
16. Воўк-Левановіч Я. В. Яшчэ да пытання аб «ляшскіх» рысах у беларускай фанетыцы // Беларус. лінгвістыка. Мінск, 1973. Вып. 3. С. 15–17.
17. Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Мінск, 1990.
18. Лёсік Я. Некаторыя ўвагі да беларускае літаратурнае мовы // Полымя. 1924. № 2. С. 192–205.
19. Некрашэвіч С. Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы // Полымя. 1925. № 5. С. 164–186.
20. Байкоў М. Да пытання аб чужаземных словах у нашай мове // Полымя. 1927. № 4. С. 150–168.
21. Дубоўка У. Пра нашу літаратурную мову // Узвышша. 1927. № 2. С. 167–181.
22. Беларуская навуковая тэрміналогія : у 4 кн. Мінск, 2010. Кн. 1.
23. Працы Акадэмічнае Конфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі (Менск, 14–21 лістап. 1926 г.). Менск, 1927.
24. Цьвяткоў Л. Некаторыя рысы іншаславянскай фанетыкі ў беларускім лексычным матар’яле // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы філёлёгіі. Менск, 1928. Т. 1, кн. 2. С. 45–85.
25. Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): отражение времени в архивных документах / авт.-сост.: Р. П. Платонов [и др.] ; под ред. Р. П. Платонова. Минск, 2001.
26. Маракoў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991 : энцыкл. давед. : у 3 т. Мінск, 2005. Т. 2 [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.marakou.by/by/davedniki/represavanyia-litaratary.html> (дата звароту: 18.04.2017).
27. Бабровіч Л., Шпілеўскі І., Бандарэнка В. і інш. «Навука» на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі. Менск, 1931. Т. 1, ч. 2 : Мовазнаўства.
28. Крамко І. І., Юрэвіч А. К., Яновіч А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. Мінск, 1968. Т. 2.
29. Германовіч І. К. Паланізмы ў беларускай літаратурнай мове 20 – першай палавіне 30-х гадоў XX стагоддзя // Весці Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. 1961. № 2. С. 86–97.
30. Баханькоў А. Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд. Мінск, 1982.
31. Запрудскі С. М. Беларуская мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады. Мінск, 2013.
32. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2016.

References

1. [From K. Kalaidovich «Of Belarusian dialect»]. In: Pryhodzich M. (compil.). *Belaruskae movaznawstva*. Minsk, 2006. P. 7–13 (in Belarus.).
2. Zaprudski S. [The names of Belarusian language in the works of researchers of the XIX century]. In: Prihodzich M. R. (ed.). *Belaruskaja mova i movaznawstva: XIX stagoddze*. Minsk, 2013. P. 81–111 (in Belarus.).
3. Chachot J. [Chosen works]. Minsk, 1996 (in Belarus.).
4. [From F. Galatuzov. «Notes on the Belarusian dialects»]. In: Prihodzich M. R. (compil.). *Belaruskae movaznawstva*. Minsk, 2006. P. 18–48 (in Belarus.).
5. Mihnevich A. J. (ed.). [Belarusian language] : encyclopaedia. Minsk, 1994 (in Belarus.).
6. Gaponenka I. A. [Lexis of Belarusian literary language from the XIX century to the beginning of XX century: peculiarities of formation and development]. Minsk, 2012 (in Belarus.).
7. [Historical lexicology of Belarusian language]. Minsk, 1970 (in Belarus.).
8. Karski E. F. [Belarusians] : in 3 vol. Minsk, 2006. Vol. 1 : [Introduction to the study of language and folk literature] (in Russ.).
9. Karski E. F. [Belarusians] : in 3 vol. Minsk, 2006. Vol. 2, part 1 : [The language of Belarusian folk] (in Russ.).
10. Unuchak A. [Russian national policy in the territory of former GDL: «Polish Issue and Belarusian Idea during 1863–1914»]. *Belaruska-pol'skija mownija, litaraturnija, gistarychnija i kul'urnija suvjazi* : dedic. to prof. E. Smulkova. Minsk, 2016. P. 298–317 (in Belarus.).
11. Juravski A. I., Kramko I. I. [The nature of foreign relations between Belarusian literary language and other slavc languages at the beginning of its formation]. Minsk, 1973 (in Belarus.).
12. Bulahau M. H. [The development of Belarusian literary language in the XIX and XX centuries in the relations with other languages]. Minsk, 1958 (in Belarus.).
13. Shahun L. M. [The history of Belarusian literary language]. Minsk, 1984 (in Belarus.).
14. Wouk-Levanovich J. J. [The language of Francysk Skaryna's editions]. In: *Chatyrohtatlec'ce belaruskaga druku. 1525–1925*. Minsk, 1926. P. 262–283 (in Belarus.).
15. [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Minsk, 1978–2008 (in Belarus.).
16. Vouk-Levanovich J. V. [Once more on «lyashski» features in the Belarusian phonetics]. In: *Belaruskaja lingvistyka*. Minsk, 1973. Issue 3. P. 15–17 (in Belarus.).
17. Lastouski V. [At hand Russian-Kryuvski (Belarusian) dictionary]. Minsk, 1990 (in Belarus.).

18. Liosik J. [Some important moments of Belarusian literary language]. *Polymia*. 1924. No. 2. P. 192–205 (in Belarus.).
19. Nekrashevich S. [On the issue of formatting the dictionary of living Belarusian language]. *Polymia*. 1925. No. 5. P. 164–186 (in Belarus.).
20. Bajkou M. [On the issue of the foreign words in our language]. *Polymia*. 1927. No. 4. P. 150–168 (in Belarus.).
21. Dubouka U. [On our literary language]. *Uzvysshsha*. 1927. No. 2. P. 167–181 (in Belarus.).
22. [Belarusian scientific terminology] : in 4 vol. 2010. Vol. 1 (in Belarus.).
23. [Proceedings of the academic conferences dedicated to the reform of the Belarusian orthography and alphabet] (Minsk, 14–21 Novemb., 1926). Minsk, 1927 (in Belarus.).
24. Cviatkou L. [Some features of other Slavic phonetics in Belarusian lexical material]. *Zapiski addzelu gumanitarnyh navuk. Pracy kljasy filjoljogii*. Minsk, 1928. Vol. 1, issue 2. P. 45–85 (in Belarus.).
25. Platonov R. P. [Before sharp curve: trends in political and cultural life of Belarus (1925–1928): the reflection of time in archival documents]. Minsk, 2001 (in Russ.).
26. Marakou L. [Repressed literary men, scientists, educators, social i cultural figures of Belarus for 1794–1991] : encyclopedia : in 3 vol. Minsk, 2005. Vol. 2. URL: <http://www.marakou.by/by/davedniki/represavanyya-litaratary.html> (date of access: 18.04.2017) (in Belarus.).
27. Bobrovich L., Shpilevsky I., Bondarenka V., et al. [«Science» in the service of national democratic counterrevolution]. Minsk, 1931. Vol. 1, part 2 : Linguistics (in Belarus.).
28. Kramko I. I., Jurevich A. K., Janovich A. I. [History of Belarusian literary language] : in 2 vol. Minsk, 1968. Vol. 2 (in Belarus.).
29. Germanovich I. K. [Polonisms in the Belarusian literary language from 20s to early 30s of XX century]. *Vesci Akadzemii navuk BSSR. Seryja gramadskih navuk*. 1961. No. 2. P. 86–97 (in Belarus.).
30. Bahankou A. J. [Vocabulary development of the Belarusian literary language during the Soviet period]. Minsk, 1982 (in Belarus.).
31. Zaprudski S. M. [Belarusian Linguistics and the Development of the Belarusian Literary Language: 1920–1930s]. Minsk, 2013 (in Belarus.).
32. [Explanatory dictionary of the Belarusian literary language]. Minsk, 2016 (in Belarus.).

Артыкул наступіў у рэдкалегію 19.04.2017.
Received by editorial board 19.04.2017.

ВАВЕЛЬСКИ СПІС ПОЎНАГА ЗВОДУ АГУЛЬНАДЗЯРЖАЎНАГА ЛЕТАПІСАННЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА: АРФАГРАФІЧНЫ АСПЕКТ ДАСЛЕДАВАННЯ

Г. М. МИХАЛЬЧУК^{1*}, Г. К. ЦІВАНОВА^{2*}

^{1*}Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Цэнтра даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца арфаграфічныя асаблівасці аднаго са спісаў поўнага зводу агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага, названага па месцы захавання Вавельскім. Сцвярджаецца, што тэксталагічна Вавельскі спіс, стварэнне якога датуецца другой паловай XVI ст., блізкі да Хронікі Быхаўца і з'яўляецца адзіным вядомым на сёння кірылічным рукапісам поўнага зводу. Дзецца кароткая характарыстыка помніка. Адзначаюцца некалькіх відаў почыркаў у рукапісе. Прыводзяцца прыклады ўрыўкаў, напісаных адрозным ад асноўнага почыркам. Выяўлена, што існаваў функцыянальны падзел працы сярод перапісчыкаў. Аналізуецца варыяцыйнасць напісанняў пры перадачы ў Вавельскім спісе ўсходнеславянскіх і ўласнабеларускіх фанетычных рыс. Дэманструецца адыход ад кніжнаславянскай традыцыі праз фанетычныя і гіпернармальныя напісання. Адзначаюцца прыклады індывідуальнай арфаграфічнай нормы перапісчыка і спарадычныя выпадкі фанетычных паланізмаў. Робіцца выснова пра арыентацыю скрыптару на жывое маўленне іх сучаснікаў.

Ключавыя словы: агульнадзяржаўнае летапісанне Вялікага Княства Літоўскага; Вавельскі спіс; Хроніка Быхаўца; арфаграфічныя асаблівасці; кніжнаславянскія і народна-гутарковыя рысы.

ВАВЕЛЬСКИЙ СПИСОК ПОЛНОГО СВОДА ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. МИХАЛЬЧУК¹⁾, Г. К. ТИВАНОВА²⁾

¹⁾Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований
белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются орфографические особенности одного из списков полного свода общегосударственного летописания Великого княжества Литовского, названного по месту хранения Вавельским. Утверждается, что текстологически Вавельский список, создание которого датируется второй половиной XVI в., близок к Хронике Быховца

Образец цитирования:

Михальчук Г. М., Ціванова Г. К. Вавельскі спіс поўнага зводу агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага: арфаграфічны аспект даследавання // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 50–57.

For citation:

Mikhalchuk H. N., Tsivanova H. K. The Wavel copy of the full code of the Grand Duchy of Lithuania state chronicle-writing: orthographic aspect of research. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 50–57 (in Belarus.).

Авторы:

Анна Николаевна Михальчук – младший научный сотрудник сектора истории белорусской литературы.

Галина Кузьминична Тиванова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры истории белорусского языка филологического факультета.

Authors:

Hanna Mikhalchuk, junior researcher at the section of the history of Belarusian literature.

ania.mikhalchuk@gmail.com

Halina Tsivanova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of history of Belarusian language, faculty of philology.

galina.tsivanova@gmail.com

и является единственной известной в настоящее время кириллической рукописью полного свода. Дается краткая характеристика памятника. Отмечено присутствие нескольких видов почерка в рукописи. Приведены примеры отрывков, написанных отличным от основного почерком. Выявлено, что имело место функциональное разделение работы среди переписчиков. Анализируется вариативность написаний при передаче в Вавельском списке восточнославянских и собственно белорусских фонетических черт. Демонстрируется отход от книжно-славянской традиции посредством фонетических и гипернормальных написаний. Отмечаются примеры индивидуальной орфографической нормы переписчика и спорадические случаи фонетических полонизмов. Делается вывод об ориентации скрипторов на живую речь их современников.

Ключевые слова: общегосударственное летописание Великого княжества Литовского; Вавельский список; Хроника Быховца; орфографические особенности; книжно-славянские и народно-разговорные черты.

THE WAWEL COPY OF THE FULL CODE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA STATE CHRONICLE-WRITING: ORTHOGRAPHIC ASPECT OF RESEARCH

H. N. MIKHALCHUK^a, H. K. TSIVANOVA^b

*^aYanka Kupala Institute of Literature Studies, The Center for Belarusian Culture,
Language and Literature Research, the National Academy of Sciences of Belarus,
Surhanava Street, 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus*

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: H. K. Tsivanova (galina.tsivanova@gmail.com)

In the article orthographic peculiarities of the Wawel copy are analysed. The Wawel copy is a copy of the full code of the Grand Duchy of Lithuania state chronicle-writing named after its place of storage. The Wawel copy is textologically close to the Bychaviec Chronicle and is the only Cyrillic copy of the full code known today. The creation of the manuscript dates back to the 2nd part of the XVI century. In the first part of the article the general description of the work is given. The presence of several kinds of handwriting in the manuscript is noted. Examples of passages written in handwritings different from the main handwriting are given. Types of changes in handwriting are analysed, and the conclusion is made that functional division of labour had been existing in-between copyists. In the second part of the article the description of the Wawel copy's orthographic peculiarities is given. The variability of ways of writing when a copyist reproduced Eastern Slavic and essentially Belarusian phonetic traits is analysed. Break with the bookish Slavonic tradition through phonetic and hyper-normative spelling is demonstrated. The examples of copyist's individual orthographic norm and sporadic cases of phonetic Polish influences are noted. The conclusion is made that scribes' spelling was influenced by their contemporaries' colloquial enunciation.

Key words: state chronicle-writing of the Grand Duchy of Lithuania; Wawel copy; Bychaviec Chronicle; orthographic peculiarities; bookish Slavonic and folk-colloquial traits.

Характарыстыка крыніцы

У Нацыянальным архіве ў Кракаве захоўваецца летапісны спіс, названы па месцы захавання Вавельскім [1]. На старонках рукапісу прадстаўлены фрагмент поўнага зводу агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ), вядомага таксама як Хроніка Быхаўца – па назве да нядаўняга часу адзінага вядомага спіса гэтага зводу¹. Супастаўленне Вавельскага спіса з Хронікай Быхаўца выявіла, што, нягледзячы на наяўныя розначытання, тэксталагічна яны з'яўляюцца вельмі блізкімі і ўзыходзяць да агульнага пратографа (адлюстроўваюць агульны архетып).

Вавельскі спіс быў выяўлены ў 2011 г. гісторыкам Гедымінасам Лясмайцісам. У 2012 г. літоўскі філолаг-летапісзнаўца Кястутіс Гудмантас апублікаваў навуковы артыкул, прысвечаны знаходцы [6]. У працы прадстаўлены першае палеаграфічнае апісанне помніка і гісторыя фонду захавання, закранута пытанне суадносін Вавельскага спіса і Хронікі Быхаўца, разгледжаны некаторыя яго тэксталагічныя

¹ У канцы 1820-х гг. Хроніка Быхаўца была знойдзена ў прыватнай бібліятэцы шляхціца Аляксандра Быхаўца, ад прозвішча якога і атрымала сваю назву. На працягу больш чым паўтара стагоддзя гэты помнік заставаўся адзіным вядомым спісам поўнага зводу, да таго ж спісам не кірылічным, а транслітараваным з дапамогай польскай лацінкі. Рукапіс праз некаторы час пасля апублікавання ў 1846 г. [2] бяспследна знік. Дадзеная акалічнасць не толькі абумовіла спецыфіку даследавання Хронікі Быхаўца – даследчыку неабходна было ўлічваць, што ён мае справу з перавыданнем страчанага рукапісу, – але і падарвала саму рэпутацыю помніка, арыгінальнасць якога некаторымі даследчыкамі і выдаўцамі была пастаўлена пад сумненне [3, с. 3, 679–746; 4, с. 15; 5, с. 591].

адметнасці. У канцы артыкула прыведзены расчытаны тэкст пачатку і канца Вавельскага спіса, а таксама апавед пра ваенны паход Ягайлы на Польшчу і крадзеж рэліквіі святога крыжа.

У беларускае крыніцазнаўства Вавельскі спіс уведзены толькі ў 2016 г., калі ў выданні «Białoruskie Zeszyty Historyczne» быў апублікаваны артыкул «Новы спіс агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага і яго суадносіны з Хронікай Быхаўца» [7]. Акрамя вынікаў азнаямлення з рукапісам, публікацыя змяшчае расчытаны тэкст усяго помніка. У гэтым жа годзе выйшаў з друку артыкул, прысвечаны тэксталагічным аспектам даследавання помніка [8].

Што ж уяўляе сабой Вавельскі спіс? Аб'ём захаванага ў ім летапіснага фрагмента складае 26 аркушаў, альбо 52 старонкі (с. 285–336 рукапісу). У адрозненне ад Хронікі Быхаўца Вавельскі спіс з'яўляецца кірылічным, а таксама больш раннім па часе стварэння. Аналіз паперы, вадзяных знакаў і почырку рукапісу дае падставы датаваць яго другой паловай XVI ст. (1570–90 гг.) [7, с. 194].

Тэкст напісаны ўмераным скоропісам, почыркам, характэрным для беларускіх помнікаў сярэдзіны – другой паловы XVI ст. Нумарацыя пастаронкавая. На дзвюх старонках прысутнічаюць сляды старой кірылічнай пагінацыі: унізе на с. 295 пазначана літара *̑* (6), унізе на с. 311 – літара *̒* (7). Наяўнасць лічбавай кірылічнай сістэмы сведчыць пра тое, што захаваны фрагмент рукапісу ўваходзіў у склад большага кодэкса, а значыць, і большага па аб'ёме летапіснага помніка.

Гіпатэтычна ўладальнікамі рукапісу Вавельскага спіса маглі быць як самі князі Сангушкі, так і князі Астрожскія-Заслаўскія, чый архіў пасля выгасання роду перайшоў у спадчыну Сангушкам (гл. [7, с. 201–206]). Не выключана таксама сувязь Вавельскага спіса з віленскай каралеўскай бібліятэкай Жыгімонта II Аўгуста: частка бібліятэчных збораў пасля смерці караля і вялікага князя трапіла на абшары Малапольшчы, у тым ліку ў прыватныя ўладанні магнатаў.

Варта заўважыць, што ў перапісцы Вавельскага спіса прымалі ўдзел некалькі скрыптароў. Пра гэта сведчыць наяўнасць у тэксце рукапісу некалькіх відаў почырку (с. 285, 296, 297, 298, 299, 300, 308, 309, 319)¹. Прычым адрозным ад асноўнага почыркам напісаны не асобныя старонкі альбо сшыткі, а невялікія фразы ў сярэдзіне радка ці тэкставыя ўрыўкі, якія таксама пачынаюцца і заканчваюцца з сярэдзіны радка²:

- ...а брата кн(я)за велико^о Е^нутиа поима^т. И стрети^т е^о гоне^т 8 Креве. И кн(я)зь велики^и W^ткги^рдь по^неши^тся (с. 285, радкі 1–3);

- ...котор^ю w^т прина^т, в зе^тлю е^о ид^тчи, ем^тзаступи^т. И за ты^т кн(я)зь велики^и W^ткги^рдь ре^т кн(я)зю великому моско^оском^т: «Ако^тве есми с тобою перемири^т(и)ся, але ми с^т иначе^т» (с. 296, радкі 10–14);

- ...мука стои^т в сад^т бискуп^ти^т. И приде^т кн^та^т велики^и W^ткги^рдь до Ви^тни (с. 298, канец 4-га – пачатак 5-га радка);

- ...а кн(я)зь Ски^ткга^тло пошо^т в Не^тцы, в Ли^тла^тты з малыми слугами (с. 308, сярэдзіна 3-га – пачатак 4-га радка);

- ...великого кн(я)за Вито^тта wстави^т в Горо^тне. Кн^та^т же Инуш^т, зят яго забы^т добра и при^тни те^тта своего (сярэдзіна 13-га – сярэдзіна 14-га радка на с. 309; адметна, што іншым почыркам напісана надрадкавая літара *д* у слове *Горо^тне*);

- ...звыте^тство зы^тка^т. И велика^т ти^тба буд^т<ет> в 8лица^т люде^т в ме^тте Виле^тском^т (с. 319, канец 1-га – пачатак 2-га радка);

- ...и wна поведала, и^т «И 8во^т не видела а^тгела Боже^т(о), которы^т мови^т» (с. 319, канец 11-га – 12-ы радок).

Адрозным ад асноўнага почыркам напісаны таксама апошнія пяць радкоў на с. 299. Пры гэтым на с. 300 можна пабачыць адразу дзве змены почыркаў: першы радок і пачатак другога радка напісаны тым самым почыркам, што і ўстаўка ў канцы с. 299; наступныя тры з паловай словы (у прыведзеным прыкладзе вылучаны падкрэсленнем) напісаны рукою іншага скрыптара; з сярэдзіны апошняга слова другога радка тэкст перапісаны асноўным почыркам:

- И было сыно^т 8 великого кн(я)за W^ткги^рда двана^тцать, и то су^т сынове его с тою жоною, што пон^та 8 кн(я)за вите^тского, по которо^т и Витеб^тскъ вз^т. Ме^т ше^т сыновъ. Пе^твы^т был Володими^т, которы^т ме^т 8де^т Ки^т(е)^т. Други^т кн^та^т Ива^т Жадсвид^т |300| которы^т ме^т Подо^тскою зе^тлю. Трети^т кн^та^т Семе^т Лы^ткзене^т, 8де^т его М^тти(лавл^т) (с. 299, 5 апошніх радкоў; с. 300, радкі 1–2).

Звяртае на сябе ўвагу і тое, што двума почыркамі напісана слова *Мстилавль*. Адзін скрыптар напісаў пачатак слова – *Мсти-*; іншы – дапісаў астатнюю частку *-лавль*. Пры гэтым ніводзін са скрыптароў не ўпісаў літару *с*, у выніку атрымалася назва *Мстилавль* з невялікай лакунай пасярэдзіне слова.

Наяўнасць некалькіх відаў почырку – не ўнікальная, але характэрная для рукапіснай кнігі з'ява, якая адлюстроўвае асаблівасці працэсу яе перапіскі. Прадстаўлены ў Вавельскім спісе тып змены почырку

¹ Найбольшым фрагментам, які адрозніваецца почыркам ад асноўнага тэксту, з'яўляецца ўстаўка на с. 297 (налічвае 15,5 радкоў).

² Тут і далей у раздзеле тлустым курсіўным шрыфтам вылучаны асноўны тып почырку.

дае падставы для меркавання пра тое, што асноўны перапісчык адмыслова пакідаў у тэксце лакуны, калі меў праблемы з расчытаннем пратографа. Адпаведна, іншыя скрыптары выконвалі ролю своеасаблівых рэдактараў-праўшчыкаў, у задачы якіх уваходзіла запаўненне пакінутых асноўным перапісчыкам лакун. Узнікненне тэкставых уставак такога кшталту магло быць абумоўлена не толькі прафесійнай кампетэнцыяй перапісчыка, які не заўсёды мог расчытаць пратограф, а і ступенню захаванасці самога пратографа, асаблівасцямі яго арфаграфіі. Такім чынам, тып змены почырку ў Вавельскім спісе сведчыць пра наяўнасць функцыянальнага падзелу працы сярод яго перапісчыкаў.

Жанравай спецыфікай летапісу з'яўляецца гетэрагеннасць яго складу. Першапачатковы тэкст ствараўся на аснове матэрыялаў з самых разнародных крыніц. Матэрыялы пры гэтым не заўсёды праходзілі стылістычную і моўную ўніфікацыю. Адпаведна, у адным летапісным тэксце першапачаткова маглі прысутнічаць элементы самых розных пісьмовых традыцый: як кніжнаславянскай, так і мясцовай, якая выпрацоўвалася ў вялікакняжацкіх, магначкіх, манастырскіх скрыпторыях ВКЛ. А паколькі пры стварэнні летапіснай копіі скрыптар арыентаваўся на тэкст пратографа, то падчас перапіскі гэтыя элементы пераносіліся і ў скапіраваныя спісы.

У той жа час, працуючы над стварэннем летапіснай копіі, скрыптар знаходзіўся пад уплывам актуальных для свайго часу ўяўленняў пра перадачу жывога маўлення на пісьме і правільнасць мовы. Менавіта таму пры перапіскі летапісу ў яго тэкст маглі ўносіцца рознага кшталту змены як на лексічным (напрыклад, мадэрнізацыя, архаізацыя лексікі), так і на графіка-арфаграфічным узроўні. Карэктывы такога характару не мянялі тэкст з ідэйнага пункта погляду – не ўтваралася новай рэдакцыі летапісу. Разам з тым, яны забяспечвалі своеасаблівую адаптацыю помніка для актуальных запатрабаванняў чытача.

З улікам вышэйадзначанага вельмі цікавым для вывучэння ступені адлюстравання жывога маўлення на пісьме, спецыфікі і заканамернасцей фарміравання і развіцця беларускай пісьмовай мовы, а таксама асаблівасцей развіцця мовы летапісных помнікаў з'яўляецца арфаграфічны аспект даследавання Вавельскага спіса.

Арфаграфічныя асаблівасці Вавельскага спіса

Пры аналізе арфаграфічных асаблівасцей рукапіснага помніка неабходна ўлічваць узаемадзеянне дзвюх супрацьлеглых тэндэнцый: кніжнаславянскай пісьмовай традыцыі (што засвойвалася пры навучанні грамаце, чытанні царкоўных кніг) і пісьмовых прыёмаў, што выпрацоўваліся старабеларускімі кніжнікамі ў практыцы перадачы на пісьме тагачаснага жывога маўлення. Падкрэслім: гаворка ідзе пра маўленне чалавека адукаванага, які жыве ў шматнацыянальнай дзяржаве, а значыць, не пазбягае кніжных традыцый і адначасова спакойна ўспрымае іншамоўныя з'явы. Пры гэтым яшчэ вельмі далёка да разумення стандартызаванасці мовы. Арфаграфічнай нормы як такой не існуе, але сярод варыянтаў вылучаецца найбольш распаўсюджаны.

У сувязі з гэтым пры аналізе найперш засяродзім увагу на рысах, арфаграфічна проціпастаўленых кніжнаславянскай (паўднёvasлавянскай па сваёй прыродзе) пісьмовай традыцыі.

Так, у Вавельскім спісе адпаведна ўсходнеславянскім фанетычным асаблівасцям паслядоўна перадаюцца спалучэнні галосных [o], [e] з плаўнымі:

1) у пачатку слова, у прыватнасці ў прыстаўках *роз-/рос-*: *волости межи собою розделили* (с. 285), *ро^спусти^иши хорув^и свои* (с. 295) – у адрозненне ад кніжнаславянскай *раз-/рас-* (тыпу *раздѣлилъ, распустилъ*);

2) у поўнагалосных спалучэннях *-оро-, -оло-, -ере-*: *Нов^агородокъ, деревом, боронити* (с. 287), *городы* (с. 288), *королѣ^и* (с. 289), *волохи* (с. 290), *золота, серебра, дороги^и, з многимъ полоном^и* (с. 296), *Береста не добы^и* (с. 309) і інш. – у процівагу кніжнаславянскім спалучэнням *ра-, ла-, рѣ-, лѣ-* (тыпу *градъ, злато, срѣбро, плѣнь*), якія ў аналізуемым помніку не выяўлены. Зафіксаваныя асобныя няпоўнагалосныя напісанні – *Влодисла^и* (с. 300), *для sreбра* (с. 317), *было древо с(вя)того крыжа* (с. 319), – відавочна, з'яўляюцца паланізмамі.

Паколькі рэестр усходнеславянскіх гукаў адрозніваўся ад адпаведнага паўднёvasлавянскага рэестра часоў стварэння азбукі, асобныя кірыліцкія літары сталі лішнімі. Так, згубілі сваё першапачатковае гукавое значэнне юсы (ѣ, а), яць (ѣ), рэдукаваныя (ѣ, ъ).

Літара *ж* (юс вялікі), што першапачаткова перадавала насаваы гук [q], у тэксце не сустралася ні разу. Ва ўсіх выпадках тут адпаведна вымаўленню пішацца *у, ъ/ю*: *границу ъчины^и* (с. 297), *в зе^илю е^и идѣчи, емѣ заступи^и* (с. 296), *Божѣ мука* (с. 298) і інш. – замест традыцыйных *границѣ, землѣ, идѣчи, емѣ застѣпилъ, мѣка*.

Што ж да літары *а* (юс малы), то, паколькі ва ўсходніх славян на месцы насаваго [e] вымаўляўся гук [‘a] ці (пасля зацвярдзелых) [a], у абсалютнай большасці выпадкаў гэта паказана напісаннем літары

я ці а: *докончаю*^м, *присагу* (с. 285), *почали*, *княжата* (с. 287), *ловачи*, *простачи* (с. 288), *кн(я)жачи* (с. 289), *вына*^а, *на има* (с. 290), *ча*^{то} (с. 291), *справуючи радне* (с. 293), *княз*^а (с. 295), *ми*^р *с ним* *вз*^а (с. 296), *па*^м *со*^м (с. 298), *знама* *на*^а *ста*... *показало* (с. 305) і інш.

Архаічныя (традыцыйна кніжнаславянскія) напісанні з літарай *а* сустракаюцца рэдка: *кн(я)за* <...> *Евнута* (с. 285), *шкоду* <...> *прин*^а (с. 296), *то су*^м *сынове его с тою жоною, што пон*^а *8 кн(я) за витебского, по которо*^и *и Витебскъ* *вз*^а. <...> *Други*^и *кназ Ива*^и *Жадевидъ* (с. 299), *Трети*^и *кна*^з *Семе*^и *Лы*^и *кгвене*^и (с. 300), *в Ли*^о *ла*^и *ты* (с. 308). Усе прыклады выяўлены ва ўстаўках, упісаных іншымі скрыптарамі.

Змяшэнне літар *а* (юс малы) і *я* (а ётаванае) – характэрная з’ява для старабеларускага пісьменства XVI ст., пры гэтым колькасная перавага напісанняў з юсам (*а*) назіраецца ў рэлігійных помніках, а помнікі справавыя часцей у адпаведнай пазіцыі дэманструюць а ётаванае (*я*). Арфаграфічны разнабой у аналізаваным тэксце адлюстроўвае агульную тэндэнцыю тагачаснага старабеларускага пісьменства, якое выпрацоўвала ўласныя прыёмы, аддаляючыся ад кніжнаславянскай традыцыі.

Разам з тым, безумоўна, скрыптары валодалі і польскай мовай, таму ў тэксце з’явіліся напісанні, што перадаюць польскае вымаўленне насавага [ɛ]: *выне*^и *иш* *Бра*^а *лавль* *приш*^о *кь Соко*^и *цу* (с. 290), *ко*^и *е* *взе*^и *иш* *в руку* (с. 297).

У форме зваротнага дзеяслова на месцы часціцы (< зваротнага займенніка) *са* пераважаюць напісанні *ста*: *Шлкгирдъ по*^и *пеши*^и *ста* (с. 285), *ми* *ста* *не годи*^и *до*^и *ки свое*^и *хре*^и *ти*^и *ки* *за тебе* *поганина* *дати* (с. 292), *Кгаишотль* *ш*^и *рысти*^и *ста*, *коли* *ста* *ш*^и *ры*^и *ти*^и (с. 292) і інш. Сустраэўся толькі адзін дзеяслоў з часціцай *-се*: *собра*^и *шысе* (с. 297). Напісанні зваротнай часціцы *се* пашыраюцца ў больш позніх помніках (у XVII ст.) і кваліфікуюцца як вынік уплыву польскай арфаграфіі [9, с. 118, 120].

Увогуле напісанні *е* на месцы *я* (< *а*) тыпу *памета*^и (с. 297), а таксама дзеепрыслоўі з суфіксам *-ечи* (< *-ачи*, *-ячи*): *хотечи* (с. 288), *видечи*, *просечи* (с. 295), *мовечи* (с. 297) – расцэньваюцца даследчыкамі як гіпернармальнае адлюстраванне акання (гл. [9, с. 117–120, 126]). Нібыта скрыптар заўважаў, што напісаныя словы тыпу *весна*, *земля* вымаўляюцца [в’асна], [з’амл’а], адпаведна, традыцыйнае *память* > *пам*^и *а*^и [пам’ац’], *месяць* > *мес*^и *а*^и [м’эс’ац’] ён пісаў праз *е*: *память*, *месець*.

Літара *ѣ* (яць) сустраэлася ў Вавельскім спісе толькі аднойчы: *к* *реѣ* *к* *Вилни* (с. 310) – хаця патэнцыяльна магла быць ужыта ў напісаннях тыпу *делити* (с. 285), *дедичи* (с. 287), *посекиши* *ле*^и, *поделали*, *исели* (с. 288) і інш.; у канчатках давальнага і меснага склону адзіночнага ліку: *в* <...> *правде* (с. 286), *на реце* (с. 287), *в горе* (с. 288), *ту*^и *воде* *не* *быва*^и (с. 316), *дал* <...> *то*^и *па*^и *не* (с. 320). Традыцыйнымі былі б напісанні: *дѣлити*, *въ правдѣ* і г. д.

Агульнаславянскай рысай з’яўляецца і страта рэдукаваных. Ва ўсходніх славян моцныя рэдукаваныя вакалізаваліся ([ѣ]>[о], [ѣ]>[е]), а слабыя зніклі. У час стварэння аналізаванага помніка звышкароткіх гукаў [ѣ], [ѣ] ужо не было, аднак па традыцыі адпаведныя літары часам ужываліся як у сярэдзіне слоў – *че*^и *нѣ*^и *цы* (с. 288), *ѣ*^и *лѣ*^и *ну* (с. 291), *копѣ* <...> *при*^и *лоні*^и (с. 297), – так і на канцы: *кн(я)зѣ*, *Шлкгирдѣ*, *Жеславѣ* (с. 285), *Нов*^и *городокѣ*, *приязнѣ* (с. 286), *Любомлѣ* (с. 300), *кмо*^и *рѣ* (с. 303). Пасля вынасных літар рэдукаваныя, як правіла, не пісаліся: *поима*^и, *гоне*^и, *годи*^и *ся* *быти* *велики*^и, *8* *Ви*^и *ни* (с. 285), *собо*^и *ми*, *ачко*^и *ве* (с. 296), *моско*^и *ски*^и (с. 297). Адхіленнем ад звычаю здаюцца наступныя напісанні: *не* *чини*^и *и*^и *и*^и *силы* (с. 291), *по* *мало*^и *часу* (с. 292), *на* *свое*^и *дворищи*, *и* *Велико*^и *Кн(я)зстве* (с. 293), *в* *сад*^и *бискупы*^и (с. 298), *на* *Ви*^и *ни* (с. 302).

Адпаведна вымаўленню на месцы былога моцнага рэдукаванага галоснага поўнага ўтварэння пішацца *е* або *о*: *гоне*^и (с. 285), *городокѣ* (с. 287), *Камене*^и (с. 288), *де*^и *жал* (с. 289); слабыя рэдукаваныя ў пераважнай большасці выпадкаў не адзначаюцца: *кн(я)зѣ*, *с тобою* (с. 285), *вси* (с. 288), *московски*^и, *копѣ* *вземаши* (с. 296) – замест традыцыйных *гонѣ*^и, *городѣ*^и, *Каменѣ*^и, *държалѣ*; *кѣ*^и *назѣ*, *сѣ* *тобою*, *вѣ*^и *си*, *московски*^и, *копѣ*.

Паколькі літары *ѣ* і *ѣ* у свядомасці скрыптара XVI ст. не звязваліся з канкрэтнымі адметнымі гукамі, то іх функцыі часта блыталіся. Так, адзначаем напісанні аднаго рэдукаванага замест другога: *городѣ* (с. 288), *кѣ* *его* *вере* (с. 289), *вѣ*^и *бегѣ* (с. 290), *впаде* *8* *страхѣ* (с. 295), *Ш*^и *к*^и *г*^и *р*^и *дѣ* (с. 297), *в* *тот* *часѣ* (с. 297), *Витебскѣ* *вз*^и *л* (с. 299), *де*^и *жа*^и *ѣ*^и *лѣ*^и *ну* (с. 314), *на* *верѣ*^и *не* *правда* *его* *снииде* (с. 328) – замест *городѣ*, *кѣ* *его* *вере*, *вѣ*^и *бегѣ*, *страхѣ*, *часѣ*, *Олькгирдѣ*, *Витебскѣ*, *ѣ*^и *лѣ*^и *ну*, *навѣ*^и *рхѣ*. Менавіта перадачы рэдукаваных уласцівы арфаграфічны разнабой у напісанні аднаго і таго ж слова: *Вито*^и (с. 300), *Витолѣ* (с. 304), *Витолѣ* (с. 308).

Нерэгулярна ўжываюцца рэдукаваныя і галосныя поўнага ўтварэння ў адных і тых жа прыназоўніках (часта нават на адным радку і ў адным словазлучэнні): *во* *приязнѣ* (с. 287), *вѣ* *веру* *свою* (с. 291), *со* *бояры* *и* *сѣ* *кн(я)зи* (с. 295), *кѣ* *его* *вере* *приступити*, *кѣ* *собе* (с. 289), *кѣ* *Подолу* <...> *ко* *ѣ*^и *гром*, *ко* *Браславлю* (с. 290).

Са стратай рэдукаваных звязаны цэлы шэраг фанетычных змен, сярод іх:

- аэванчэнне прыстаўкі ці прыназоўніка *сь* перад звонкім зычным: *змешалася* (с. 291), *з велики^{мб}* (с. 293), *з Бо^жею помо^ю* (с. 294), *звоева^шы* (с. 297) – замест традыцыйнага *сьмешалася, сь великим^ь, сь Божею, сьвоевавши*;
- напісанне адпаведна вымаўленню *ы* (<и) пасля цвёрдага зычнага: *звыте^жство зы^ска^л* (с. 319), *и з ы^шими многими кн(я)зи* (с. 323);
- напісанні займенніка (ці злучніка) *што*: *што* (с. 285), *шобы* (с. 288); варыянт *что* ў Вавельскім спісе не сустраэўся ні разу;
- утварэнне падоўжаных зычных; у тэксце яны паслядоўна перадаюцца праз напісанне над радком: *на великомъ кн(я)же^и*, *на Подо^и* (с. 285), *з дозволе^и*, *с помо^ю* (с. 287), *къ Подо^ю* (с. 290), *с о^мпове^ю* (с. 293), *иде^и ра^ю* (с. 309), *на ином по^мка^ю* (с. 319), *ста доконало полоне^и* (с. 320);
- зацвярдзенне губных на канцы слова: *на великомъ* (с. 285), *в томъ и^трове* (с. 288), *я <...> дамъ* (с. 292), *велики^{мб} кн(я)земъ Дми^иреемъ Ивановичо^и московскимъ* (с. 293) – у адпаведнасці з кніжнай традыцыяй гэтыя формы павінны былі мець канчатак *-ь* (*великомъ, томъ, дамъ* і г. д.);
- сцяжэнне і спрашчэнне груп зычных: *в руск^ю веру* (с. 291), *по^стели слати* (с. 302) – традыцыйна было б *русьскую, стьлати*.

Прыведзеныя факты паказваюць моцную аддаленасць арфаграфіі помніка ад царкоўнакніжнай традыцыі.

Паколькі скрыптары пісалі для сваіх суайчыннікаў, у Вавельскім спісе выразна адлюстраваліся беларускія фанетычныя асаблівасці, а менавіта: наяўнасць гука [ў], пераход [е] > [о], зацвярдзелыя зычныя, аканне.

Гук [ў] выяўляецца ў напісаннях літары *в* на месцы спрадвечнага [у] (*межи собою вмовя^и* (с. 285), *в ты^х атамано^и беручи дани* (с. 286), *в не^и(о) были чотыри сыны* (с. 287), *вмы^или^и собе* (с. 288), *на Подо^ии вме^и, слыша^и* (с. 289), *въ которого была дочка* (с. 291), *я <...> в него буду на Вели^иде^и* (с. 294), *вказа^ися на Покло^ино^и горе* (с. 294), *ласку <...> вчинил, змову вчини^иши* (с. 296)), варыянтах напісання прыназоўніка *въ* праз літару *ѡ* (*ѡ Вилни* (с. 285), *ѡ велико^и пра^иде* (с. 286), *ѡ ѡ^иде* (с. 286), *ѡ свои^и верахъ* (с. 291)). Пры гэтым выяўлена шмат напісанняў традыцыйных: *в то^и пра^иде* (с. 286), *въ веру свою* (с. 291), *да^и в ма^иже^ику* (с. 292).

Гук [ў], які ўтварыўся на месцы **l*, паслядоўна перадаецца праз *л* у напісанні імя *Вито^и* (с. 300) і ў формах дзеясловаў прошлага часу: *заказа^и, вѡ^и, кину^и* (с. 317), *приеха^и, заложѡ^и* (с. 324); як выключэнне ўспрымаецца напісанне *зжали^иста кн(я)зь велики^и Ски^ирка^ило* (с. 327).

Пераход [е] > [о] пасля спрадвечна мяккіх шыпячых і [ц] адлюстроўваецца на пісьме ў большасці выпадкаў: *нашодиши, положоны* (с. 286), *чотыры сыны* (с. 287), *пошо^и* (с. 289), *жону* (с. 291), *Ивановичо^и* (с. 293), *шосты^и, Чо^иторыескъ* (с. 300), *на^и ѡ^ицо^и* (с. 315), *с пушо^и бити* (с. 333), *ѡчи^ины <...> нашии* (с. 335). Прыкладаў традыцыйных напісанняў значна менш: *шедиши* (с. 289), *ма^иже^ику* (с. 292), *с ѡцем* (с. 313).

Зацвярдзенне спрадвечна мяккіх [р’], [ц’] і шыпячых перадаецца праз факультатыўнае напісанне пасля іх літар *ъ, ы, о, э* замест *ь, и, е*.

Пра зацвярдзенне гука [р] сведчаць наступныя прыклады: *чотыры сыны* (с. 287), *ѡхрысти^ися, коли ся ѡхрысти^и, прышли* (с. 297), *ры^иского закону* (с. 299), *ѡры^ити^и* (с. 301), *прыѡ^ини* (с. 309), *въ Петрыкове* (с. 322), *з а^ихима^идрыты* (с. 332), *в гору Крывую* (с. 334), *мовѡчи <...> «Не тера^и болиши тои земли Ли^и(о)вское...»* (с. 335). Аднак гэта з’ява арфаграфічнай нормай для перапісчыка не была: *три браты* (с. 286), *хрестянки* (с. 291), *Дми^ирее^и* (с. 293), *на <...> дворици* (с. 293), *при^илоню, да^и то ѡ(о)с(по)дарю* (с. 294), *справуючи рядне* (с. 293), *въ хре^итиане^и закону ри^иского* (с. 316), *при^иде* (с. 318), *на Кривом городе* (с. 334).

Зацвярдзелы [ц] перадаецца больш рэгулярна: *че^иньцы* (с. 288), *мнихо^и фра^ицы^иковъ* (с. 292), *в цѡлости* (с. 297), *на том месцы* (с. 299), *не^ицы к Ви^ини <...> та^ину^и* (с. 309), *ви^ине^ицы <...> по^имкаю^и* (с. 318), *в Не^ицѡ^и* (с. 332).

Зацвярдзенне шыпячых адлюстравалася на пісьме, але не стала пераважным, таму паралельна (часам на тым жа радку і нават у адным і тым жа слове ці аднолькавай марфеме) сустракаюцца і традыцыйныя напісанні:

[ж]: *понял за себе жону* (с. 291), *горо^и Кривы^и зжѡ^и* (с. 334) – *да^и в ма^иже^ику* (с. 292), *з Бо^жею* (с. 294), *заложѡ^и* (с. 292), *при <...> живо^ите^и* (с. 301);

[ч]: *чотыри* (с. 287), *ѡчи^инил, не хотечы, мовечы* (с. 297), *ничого* (с. 334) – *че^имве^иты^и* (с. 301), *просячи* (с. 288), *ѡчини^илосе <...> знамение* (с. 304);

[ш]: *пошо^и* (с. 289), *пришол* (с. 290), *зоева^ишы, побра^ишы, люде^и поплени^ишы, mezi и^ишими про^итыми речми* (с. 318), *его непослушо^и* (с. 336) – *шедиши* (с. 289), *бого^и нашии^и* (с. 298), *собра^иши воиска* (с. 294), *ро^ипусти^иши хору^иви* (с. 295).

Акрамя традыцыйных, заўважаны і гіпернармальныя напісанні літар *а, ю* пасля шыпячых: *Божа мука* (назва царквы. – Г. М., Г. Ц.) *стои^м* (с. 298), з *Бо^жею помо^ю, поведи^т тую ре^у деви^ю* (с. 319).

Знайшоў адлюстраванне ў рукапісе і спецыфічны беларускі гук – зацвярдзелая афрыката [дж]: *прис^ждали* (с. 286), *еж^живал* (с. 291).

Калі супастаўляць адлюстраванне зацвярдзення зычных рознымі скрыптарамі, то заўважаецца, што толькі трэці перапісчык (устаўка на с. 237) абсалютна паслядоўна перадае зацвярдзенне шыпячых. Праўда, у яго сустрэлася адзінае напісанне *сож^жгли*, але тут нельга бачыць мяккі [ж’], бо ў гэтага перапісчыка *ь* і *ѣ* увогуле функцыянальна не адрозніваюцца: *в тот час^ь, Петръ К^ѣашто^ѣтъ – бы^ѣтъ князь* (с. 297).

Адметная беларуская фанетычная асаблівасць – аканне – спарадычна пачала адлюстроўвацца ў другой палове XV ст. [9, с. 68–70], аднак так і не стала арфаграфічнай нормай для старабеларускага пісьменства. Аналізуемы тэкст папаўняе колькасць напісанняў адпаведна фанетычнаму прынцыпу арфаграфіі: *де^ржал Но^агородокъ* (с. 287), *за^аца пошле^м* (с. 306).

Асобнага разгляду варты два прыклады: *абы з о^мчизны его, з Москвы не выганял* (с. 295) і *в цалости при^иде до сто^аца своего до Ви^ини* (с. 318). Абодва яны падтрымліваюцца аналогіяй з польскай мовай: у першым выпадку напісанне літары *а* на месцы этымалагічнага [о] адпавядае польскай граматыцы, дзе *wuganiac* – *wugonić* з’яўляецца трывальнай парай; у другім – літара *а* на месцы этымалагічнага [ѣ] (параўн. *цѣлыи*), якое ў польскай мове ў складзе пасля зубнога зычнага перад наступным цвёрдым фанетызуецца ў [а] [10, с. 35, 68].

Як ужо адзначалася, ускосным адлюстраваннем акання (якання) з’яўляюцца гіпернармальныя напісанні літары *е* на месцы *я* (<ѣ) тыпу *паметуючи* (с. 302), *короле^ену Е^евигу* (с. 321).

Усе прыведзеныя факты неўпарадкаванасці напісанняў не з’яўляюцца прыкладамі неахайнасці ці няўважлівасці скрыптараў. Пры адсутнасці строгай кадыфікаванай нормы пісары свядома імкнуліся паказаць разнастайнасць арфаграфічных магчымасцей. Гэта варыянтнасць – найважнейшая адрознівальная рыса старабеларускай літаратурнай мовы. Паводле трапнага азначэння І. І. Крамко, мы маем справу з нарматыўнай варыянтнасцю [11, с. 203].

Можна гаварыць пра індывідуальную норму асобнага скрыптара. Так, менавіта ва ўстаўках другім почыркам адзначана ўжыванне літары *а*, а трэці скрыптар побач з вузкім *е* ўжывае і літару *є* шырокае (*по Можаск^ь, в целости* (с. 297)); ён жа паслядоўна перадае зацвярдзенне шыпячых і ўжывае своеасаблівыя формы дзеепрыслоўяў на *-лыш* (*люде^у поплени^ишы, собра^ишысе, розвяза^ишы* (с. 297)) – формы, якія, на думку А. І. Жураўскага, успрымаюцца як арфаграфічны гіпернармалізм [12, с. 258], выкліканы аналогіяй з формамі прошлага часу (*собра^ишысе мещане <...> прышли; розвяза^ишы пустили по Ве^ии вниз^ь* (с. 297)).

Такім чынам, выяўленая варыянтнасць напісанняў адпавядае традыцыям старабеларускай арфаграфіі, пацвярджае высокі ўзровень пісьменнасці і дасведчанасць у кніжнасці скрыптараў, а напісанні, якія адлюстроўваюць беларускія фанетычныя асаблівасці, сведчаць пра тое, што тэкст праатографа не капіраваўся, а перапісваўся для сваіх сучаснікаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. [Бавельскі спіс]. Arch. Nar. w Krakowie. Oddz. I na Wawelu. Arch. Sanguszków. Zesp. Nr. 637. Sygnatura ARS 144.
2. Pomniki do dziejów litewskich / red. T. Narbutt. Wilno, 1846.
3. Летапісы і хронікі Беларусі: сярэднявечча і раннемадэрны час / уклад. В. Варонін. Мінск, 2010.
4. Chodynicki K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim (t. z. Rękopis Radański). Wilno, 1926. Odbiwna z Ateneum Wileńskiego. Zesz. 10–11.
5. Tazbir J. Z dziejów fałszerstw historycznych w Polsce w pierwszej połowie XIX wieku // Przegląd Historyczny. 1966. T. 57, № 4. S. 580–598.
6. Gudmantas K. Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas (fragmentas) // Senoji Liet. lit. 2012. Kn. 34. S. 121–151.
7. Міхальчук Г. Новы спіс агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага і яго суадносіны з Хронікай Быхаўца // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2016. № 45. S. 190–225.
8. Міхальчук Г. Бавельскі спіс з фондаў Нацыянальнага архіва ў Кракаве: тэксталагічныя аспекты даследавання // Беларуская-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : зб. арт. у гонар праф. Э. Смулковай / пад рэд. І. Э. Багдановіч, М. І. Свістунай. Мінск, 2016. С. 255–270.
9. Булыка А. М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мінск, 1970.
10. Szober S. Gramatyka języka polskiego. Wyd. 12. Warszawa, 1972.
11. Крамко И. И. О характере языковой нормы Статута Великого княжества Литовского 1588 года // Третий Литовский статут 1588 года : материалы респ. науч. конф., посвящ. 400-летию Третьего Статута. Вильнюс, 1989. С. 197–205.
12. Жураўскі А. І. Дзеяслоў // Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. Мінск, 1988. С. 170–271.

References

1. [The Wawel copy]. Arch. Nar. w Krakowie. Oddz. I na Wawelu. Arch. Sanguszków. Zesp. No. 637. Sygnatura ARS 144 (in Old Belarus.).
2. Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846 (in Pol.).
3. Varonin V. (ed.). [Annals and chronicles of Belarus: The Middle Ages and The Early Modern Time]. Minsk, 2010 (in Belarus.).
4. Chodyncki K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim (t. z. Rękopis Radański). Wilno, 1926. Odbiłka z Ate-neum Wileńskiego. Zesz. 10–11 (in Pol.).
5. Tazbir J. Z dziejów fałszerstw historycznych w Polsce w pierwszej połowie XIX wieku. In: *Przegląd Historyczny*. 1966. Vol. 57, No. 4. P. 580–598 (in Pol.).
6. Gudmantas K. Lietuvos metraščių Vavelio nuorašas (fragmentas). *Senoji Liet. lit.* 2012. Vol. 34. P. 121–151 (in Lith.).
7. Mikhalchuk H. Previously unknown copy of state chronicle-writing of the Grand Duchy of Lithuania, Ruś and Samogitia (GDL) and its correlation to the Bychaviec Chronicle. *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 2016. No. 45. P. 190–225 (in Be-larus.).
8. Mikhalchuk H. [The Wawel copy from the National Archives in Krakow: textual aspects of research]. *Belaruskaja-polskaja mownyja, litaraturnyja, histarychnyja i kulturnyja suviazi* : zb. artykulaw u honar prafesara E. Smulkovaj. Minsk, 2016. P. 255–270 (in Belarus.).
9. Bulyka A. M. [The development of the Old Belarusian language orthographic system]. Minsk, 1970 (in Belarus.).
10. Szober S. Gramatyka języka polskiego. Wyd. 12. Warszawa, 1972 (in Pol.).
11. Kremko I. I. [On the character of language norm of the 1588 Statute of the Grand Duchy of Lithuania]. *Tretii Litovskii statut 1588 goda* : materialy resp. nauchn. konf., posviashch. 400-letiyu Tretiego statuta. Vilnius, 1989. P. 197–205 (in Russ.).
12. Żurański A. I. [The Verb]. In: *Mova belaruskaj pis'mennasci XIV–XVIII stst.* Minsk, 1988. P. 170–271 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 18.04.2017.
Received by editorial board 18.04.2017.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются метаязыковые (связанные с рефлексией над языком и речью) лексемы и фраземы как единое поле номинативных единиц. Выявляется состав частеречных классов, присутствующих в метаязыковом лексико-фразеологическом поле в русском и английском языках, исследуются организация классов (деление на семантико-грамматические подклассы) и их удельный вес в поле, определяется соотношение лексем и фразем в каждом классе. Показано, что в выражении частеречных значений между метаязыковой лексикой и фразеологией имеет место своего рода «разделение труда»: по большей части лексемами представлены категории предметности (52 % субстантивных лексем vs 36 % субстантивных фразем в русском материале, 57 % лексем vs 21 % фразем в английском) и признаковости предмета (12 % адъективных лексем vs 2 % адъективных фразем в русском и английском материале), преимущественно фраземами – категории процессуальности (51 % вербативных фразем vs 33 % вербативных лексем в русском материале, 74 % фразем vs 30 % лексем в английском) и признаковости процесса (11 % адвербативных фразем vs 3 % адвербативных лексем в русском материале, 3 % фразем vs 1 % лексем в английском). Сделан вывод о том, что в языке существует корреляция между типом категориального значения и предпочтительным способом его выражения: для обозначения предметов и признаков предметов шире используются однословные (в основном первичные, прямые, нейтральные) наименования, для обозначения процессов и признаков процесса – составные (главным образом вторичные, переносные, экспрессивно-оценочные) наименования.

Ключевые слова: лексико-фразеологическое поле; метаязыковые номинативные единицы; различия между лексикой и фразеологией в выражении категориальных (частеречных) значений.

GRAMMATICAL STRUCTURE OF THE METALANGUAGE LEXICAL- PHRASEOLOGICAL FIELD IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. S. GUTOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper views metalanguage (connected with a reflection over language and speech) lexemes and phrasemes as a unified field of nominative units. It identifies the part of speech classes available in the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages, explores organization of the classes (division into semantical-grammatical subclasses) and their proportion in the field, determines the ratio of lexemes and phrasemes in each class. It indicates that a sort of division of labor in the expression of the categorial meanings takes place between metalanguage lexemes and phrasemes: predominantly lexemes convey the categorial meanings of substance (52 % of substantive lexemes vs 36 % of substantive phrasemes in the Russian material, 57 % of lexemes vs 21 % of phrasemes in the English one) and property of a substance (12 % of adjectival lexemes vs 2 % of adjectival phrasemes in the Russian and English material), chiefly phrasemes – the categorial meanings of process (51 % of verbal phrasemes vs 33 % of verbal lexemes in the Russian material, 74 % of phrasemes vs 30 % of lexemes in the English one) and property of a process (11 % of adverbial phrasemes vs 3 % of adverbial lexemes in the Russian material, 3 % of phrasemes vs 1 % of lexemes in the English one).

Образец цитирования:

Гутовская М. С. Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 58–71.

For citation:

Gutovskaya M. S. Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 58–71 (in Russ.).

Автор:

Марина Степановна Гутовская – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Marina Gutovskaya, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
marina-gutovskaya@yandex.by

It concludes that in the language there is a correlation between the type of a categorical meaning and the preferred means of its expression: to nominate substances and properties of a substance one-word (mostly primary, direct, non-expressive) namings are wider used, to nominate processes and properties of a process – multi-word (mainly secondary, figurative, expressive) namings.

Key words: lexical-phraseological field; metalanguage nominative units; differences between lexemes and phrasemes in the expression of the categorical (part of speech) meanings.

1. Части речи и принципы их выделения в лексике и фразеологии. Понятие части речи является важным в науке о языке. Об этом свидетельствует тот факт, что вопрос о делении слов на наиболее общие классы – соответствующие частеречным в современной терминологии или близкие к ним – рассматривался в рамках разных, сложившихся самостоятельно и развивавшихся независимо друг от друга языковедческих традиций: античной и продолжившей ее европейской, индийской, китайской. Проблема частей речи относится к числу «вечных» в лингвистике: споры об их сущности и принципах выделения идут и сегодня. Традиционно под частями речи понимаются классы слов, характеризующиеся общностью семантических, морфологических и синтаксических свойств. Однако в разных концепциях иерархия признаков, лежащих в основе распределения слов на части речи, представляется по-разному. В зависимости от принятого приоритетного критерия концепции частей речи делятся на семантические, синтаксические и морфологические.

При семантическом подходе основой в выделении частей речи считаются категориальные значения – обобщенные частеречные значения, отвлеченные от лексических значений принадлежащих к данной части речи слов. Для существительного категориальным (частеречным) является значение предметности, для прилагательного – признаковости предмета, для глагола – значения действия или состояния, вместе обобщаемые как значение процессуальности, для наречия – признаковости процесса (действия/состояния) или другого признака, для числительного – количества и т. д. Приоритетность категориальной семантики в различении частей речи отмечается в концепциях А. А. Потебни, Л. В. Щербы, А. А. Шахматова, А. Е. Кибрика и др.

Семантический подход к классификации знаменательных частей речи критикуют за то, что между такими категориями, как «предметность», «процессуальность», «признаковость предмета» и т. д., и частями речи нет взаимно однозначного соответствия, и части речи оказываются семантически неоднородными [1, с. 91; 2, р. 27]. Действительно, диапазон семантики, например, существительных весьма широк: они могут обозначать предметы в широком смысле – конкретные предметы неживого и живого мира (*гора, стол, человек, птица*), растения (*дуб, ландыш*), географические объекты (*Волга, Эльбрус*), вещества (*вода, воздух*), а также действия (*спор, чтение*), состояния (*болезнь, сон*), качества (*белизна, доброта*), отношения между предметами (*родство, неравенство*). Однако нужно учесть, что слова, значения которых не вполне укладываются в рамки категориальной семантики своего частеречного класса, в большинстве своем являются производными, образованными от единиц другого класса (существительное *спор* образовано от глагола *спорить*, *белизна* – от прилагательного *белый*), и в них совмещаются два категориальных значения – исходной и результирующей единиц деривации (в отглагольном существительном *спор* «уживаются» процессуальность и предметность, в отадективном существительном *белизна* – признаковость и предметность). Большинство же непроизводных слов передают категориальную семантику своего класса [3, с. 65].

Значимость семантического принципа классификации поддерживается тем, что категории предметности, процессуальности, признаковости считаются универсальными и признаются основанием для типологической идентификации частей речи в разных языках [4].

При синтаксическом подходе частеречная квалификация осуществляется на основе сочетаемости слова с другими лексическими единицами и с учетом его синтаксической позиции. Между частями речи и их синтаксическими функциями полного совпадения не существует. Части речи способны выступать в качестве разных членов предложения: например, глагол может употребляться в функции сказуемого (*Иван читает*), подлежащего (*Куриль – здоровью вредит*), дополнения (*Командир приказал взводу наступать*), определения (*Желание учиться похвально*), обстоятельства (*Он приехал в Москву работать*). Однако в наборе характерных для той или иной части речи синтаксических функций есть одна (или более), которая считается определяющей или в терминологии Е. Куриловича «первичной» [5, с. 59; 6, р. 63]: функции подлежащего и дополнения – для существительного, определения – для прилагательного, сказуемого – для глагола, обстоятельства – для наречия.

Преимуществами синтаксического критерия выделения частей речи являются его применимость при разделении на классы служебных слов и универсальность – единое для всех языков определение части речи основывается на синтаксических признаках [4]. В то же время не всегда может быть ясен

вопрос о том, какая из функций является для данной части речи определяющей: например, не всеми признается первичность функции определения для прилагательного – есть множество прилагательных, способных занимать в предложении исключительно предикативную позицию, и преобладание атрибутивных конструкций над предикативными в современной лингвистике не доказано [7, р. 211–212].

Морфологический подход ориентирован в основном на особенности словоизменения. При таком подходе аргументом в пользу выделения той или иной части речи является наличие у нее особой системы форм словоизменения: например, в русском языке существительное склоняется по падежам и числам, глагол спрягается по лицам и числам, изменяется по временам, наклонениям, родам (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения) и т. д. Строго морфологический принцип лежит в основе частеречных классификаций, предложенных Ф. Ф. Фортунатовым, Г. О. Винокуром. Морфологический принцип разграничения частей речи не является универсальным – он мало пригоден для языков со слаборазвитой системой морфологических средств. К тому же выделяемые в рамках данного подхода классы слов не всегда соответствуют интуитивным ощущениям единства частей речи: так, при последовательно морфологическом подходе краткие формы прилагательных и причастий формально объединяются с прошедшим временем глагола (отсутствие падежа, согласование по роду и числу), количественные числительные – с вещественными существительными типа *молоко* (отсутствие числа).

В современной лингвистике распространено понимание частей речи как психолингвистических классов. Считается, что у носителей языка имеются семантические прототипы частей речи – обобщенные представления об обозначаемых ими сущностях: так, например, существительное обозначает субстанцию, воплощающую определенный набор свойств и существующую длительное время, глагол – динамическую ситуацию, возникающую между ее участниками на ограниченное время [8, с. 103]. Высказывается предположение о том, что в языковом сознании человека существует естественная система частей речи. Все множество хранящихся в памяти слов ощущается носителями языка как неоднородное и интуитивно членится на подмножества для облегчения поиска слов в памяти, и одно из членений основывается на принадлежности слов к той или иной части речи [9, с. 34; 10, с. 78].

Вопрос об отнесенности фразеологизма к части речи и о применимости принципов выделения частей речи для классификации фразеологических единиц в современной лингвистике остается открытым. В пользу соотносимости фразеологизмов с частями речи говорит тот факт, что они обладают семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами определенных частей речи.

Фразеологизмы выражают категориальное значение, присущее той или иной части речи. Частеречное значение большинства фразем определяется соответствующим значением грамматически стержневого компонента – грамматически главенствующего слова в структуре фраземы. Например, фразема *мертвый язык* ‘древний язык, на котором уже не говорят, известный только по письменным памятникам’ (ФСРЯ, с. 147) с грамматически стержневым компонентом существительным является субстантивной; фразема *найти общий язык* ‘договориться, достичь взаимного понимания’ (ФСРЯ, с. 178) со стержневым глаголом – вербальной; фразема *острый на язык* ‘об остроумном, язвительном человеке’ (ФСРЯ, с. 183) с главным прилагательным – адъективной. Правда, есть и фраземы, грамматическая семантика которых не совпадает с соответствующей семантикой синтаксически независимого компонента. Так, фразема *целый короб новостей / вестей* ‘очень много, множество’ (ФСРЯ, с. 118) в качестве грамматически стержневого компонента имеет существительное, однако эквивалентна наречию.

Многие фразеологизмы обладают типичной для той или иной части речи формоизменяющей парадигмой. Например, адъективные фраземы способны склоняться (*Острая на язык Ирина не удержалась, чтобы не вставить свое* (НацКорп: В. Голяховский. Русский доктор в Америке)), иметь полные и краткие формы (*Вы остры на язык и далеко не глупы* (НацКорп: Е. Ахматова, перевод из Э. Булвер-Литтона. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь)) и образовывать степени сравнения (*Пожалуй, Порецкий лишь острее на язык...* (НацКорп: В. Шаров. Воскрешение Лазаря)). Однако есть фраземы, имеющие неполную парадигму (глагольная фразема *на калачи досталось/достанется* ‘о брани, побоях’ (ФСРЯ, с. 104) употребляется только в форме среднего рода прошедшего и будущего времени: *...всем косточки перемыли, всем на калачи досталось...* (НацКорп: П. И. Мельников-Печерский. На горах)), и фраземы, формоизменением не обладающие (глагольная фразема *дернуло за язык* ‘зря, неуместно сказал что-л.’ (ФСРЯ, с. 66) употребляется только в форме среднего рода прошедшего времени: *Я же вгорячах. Дернуло за язык. Забудь!* (НацКорп: В. Тендряков. Находка)).

Фразеологизмы выполняют характерные для той или иной части речи синтаксические функции. Например, адъективная фразема *острый на язык* может выступать в роли определения и именного сказуемого (примеры см. выше).

Возможности систематизации фразеологических единиц в соответствии с признаками частей речи обсуждаются в работах, посвященных проблеме соотношения фразеологизма и слова [11; 12].

Во фразеологии, как и в лексике, в качестве приоритетных для частеречной квалификации фразем выделяются разные признаки: семантический [13, с. 62], морфологический [14, с. 317–320], синтаксический [15, с. 179].

2. Цели грамматического сопоставления лексики и фразеологии в структуре поля. Материал, методика исследования. В предлагаемой работе исследуется грамматическая организация лексико-фразеологического поля на примере русских и английских метаязыковых обозначений. Метаязыковые лексемы и фраземы называют феномены, связанные с языком и речью, и включают множество разнообразных общеупотребительных и терминологичных обозначений: 1) наименования языка и его форм (*литературный язык, стиль, жаргон*), компонентов структуры (*словарь, грамматика*), единиц разных уровней (*слово, предложение*); 2) названия видов речевой деятельности и продуктов речи (*беседовать, болтать языком, агитировать, петь дифирамбы, просьба, статья, доклад*); 3) именования участников речевого общения (*рассказчик, слушатель, хвастун*); 4) средства текущей характеристики речи, включаемые говорящим в порождаемое высказывание (*словом, грубо говоря, извините за выражение*), и др.

Грамматический потенциал номинативного поля является его важной функциональной характеристикой. Способность единиц поля передавать различные категориальные значения – предметность, процессуальность, признаковость и т. д. – способствует легкости говорения, построения высказываний о соответствующем феномене мира. Лексемы и фраземы с метаязыковой семантикой образуют единое поле воспроизводимых номинативных единиц, однако в представлении грамматической семантики поля лексика и фразеология могут проявлять своеобразие. В работе предпринимается попытка выяснить, имеет ли место в номинативном поле распределение функций между лексикой и фразеологией в выражении категориальных значений, и если такое распределение наблюдается, то каковы его закономерности. Рассматриваются состав присутствующих в поле частеречных классов и их содержание – семантико-грамматические подклассы, выделяющиеся внутри каждого класса и конкретизирующие общекатегориальную семантику, определяется лексико-фразеологическая наполненность частеречных классов, устанавливаются удельный вес в каждом классе лексем и фразем и их номинативная ориентация.

Материалом исследования послужил корпус употребительных русских и английских метаязыковых лексем и фразем, собранный из современных словарей. Лексические единицы извлечены из электронных частотных словарей двух языков – *Online НЧСРЛ*¹ и *Online WFWSE*. Английский лексический подкорпус сформирован единицами с частотой 10 и выше на миллион употреблений (словник словаря *Online WFWSE* ограничен лексемами с такой частотой), русский – единицами с частотой 5 и выше на миллион употреблений (в *Online НЧСРЛ* входят лексемы с общей частотой от 2,6 на миллион употреблений). Значения русских лексем взяты из БТС, английских – из электронного словаря *Online FD*.

Основным источником фразеологических единиц послужили фразеологические словари двух языков: ФСРЯ (свыше 10 тыс. фразем; создан на основе фразеологической части «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в 4 томах (ФСРЯ, с. 4)) и LID (свыше 6 тыс. фразем). Привлекались также другие печатные и электронные толковые (лексико-фразеологические) и фразеологические словари русского и английского языков.

Лексический и фразеологический материал извлечен из четырех основных источников – *Online НЧСРЛ*, *Online WFWSE*, ФСРЯ, LID – путем сплошной выборки на основании наличия в толковании значений лексем и фразем метаязыковых слов. В материал исследования включены только те номинативные единицы, для которых требуется не более трех семантизирующих шагов для обнаружения слов метаязыкового характера. Например, лексема *подхалимничать* ‘разг. Поступать как подхалим’² не содержит в своем толковании метаязыковых слов, их синонимов, дериватов, слов того же парадигматического ряда. Метаязыковой семантический компонент ‘хвалить’ присутствует здесь опосредованно в значении слова *подхалим*. Для обнаружения семы ‘хвалить’ в значении слова *подхалим* требуются три семантизирующих шага: *подхалим* ‘тот, кто угодничает, лебезит, заискивает перед кем-л., стараясь расположить к себе, добиться чего-л.’, *заискивать* – ‘перед кем. Угоджать, льстить, добиваясь чьего-л. расположения, покровительства’, *льстить* – ‘1. кому. Лицемерно хвалить кого-л. в корыстных целях’. Немногочисленные в исследуемом материале номинативные единицы типа *подхалимничать* находятся на периферии изучаемого лексико-фразеологического поля – они обозначают не только явления, относящиеся к языку и речи, но и другие феномены.

¹Перечень фигурирующих в работе словарей с их условными сокращениями приводится перед библиографическими ссылками.

²Если не указано иное, значения русских лексем приведены по БТС, английских – по *Online FD*.

Общий объем корпуса исследования составил 4600 употребительных номинативных единиц. Данные о количестве единиц, образующих лексический и фразеологический подкорпусы русского и английского языков, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количество употребительных лексем и фразем
в русском и английском поле метаязыковых обозначений

Table 1

The number of frequently-used lexemes and phrasemes
in the Russian and English metalanguage lexical-phraseological field

Языковые единицы	Русский материал	Английский материал	Всего
Лексемы	1478	1243	2721
Фраземы	1029	850	1879
Всего	2507	2093	4600

Полученный корпус метаязыковых обозначений представляет собой достаточно крупный пласт в составе употребительных номинативных единиц двух языков: доля выделенных русских и английских лексем и фразем составляет свыше 10 % от общего объема словаря каждого из четырех основных словарей-источников (*Online НЧСРЛ*, *Online WFWSE*, *ФСРЯ*, *LID*). Установление закономерностей грамматической организации в двух языках такого обширного лексико-фразеологического поля, раскрытие логики распределения его лексем и фразем по частеречным классам помогут лучше понять грамматические принципы системного устройства номинативного уровня языка в целом.

В русском и английском подкорпусах схоже соотношение номинативных единиц двух классов – примерно по 60 % лексем и 40 % фразем, но их количество неодинаково. Однако для данного исследования существенны не столько межъязыковые различия в абсолютных показателях количества лексем и фразем, сколько их внутриязыковое процентное соотношение в частеречных классах, поскольку целью этой работы является не сопоставление коррелятивных номинативных полей в двух языках, а выявление частеречной структуры поля в каждом из них, обнаружение закономерностей презентации грамматических значений в лексике и фразеологии каждого языка в отдельности.

Классификация метаязыковых обозначений по частеречному принципу осуществляется в работе на основе комплексного подхода с учетом их семантических, морфологических и синтаксических свойств (морфологические и синтаксические свойства анализируются на основе контекстов национальных корпусов русского и английского языков). Необходимость учета разных критериев обусловлена тем, что к разным номинативным единицам они применимы в разной мере. Например, частеречная принадлежность фраземы *длинный язык* ‘о болтливом, говорящем лишнее человеке’ (ФСРЯ, с. 67) выясняется уже при рассмотрении ее семантических свойств: категориальное значение субстантивности задается значением синтаксически независимого компонента – существительного. В пользу субстантивности фраземы свидетельствуют также ее морфологические признаки: способность изменяться по числам и падежам (*Длинные языки болтали, будто кто-то опять грозитя пустить им красного петуха* (НацКорп: Г. М. Марков. Строговы); *Только длинного языка не прощают, запомните на всякий случай* (НацКорп: Б. Васильев. Были и небыли)) – и синтаксические функции: исполнение роли подлежащего или дополнения в предложении (примеры см. выше). Частеречный статус фраземы *на чей счет* ‘по отношению к кому-л., по чьему-л. адресу’ (ФСРЯ, с. 284) столь очевидным не является. Для ее квалификации с точки зрения ее эквивалентности той или иной части речи недостаточно семантического и даже морфологического анализа: фразема лишена категориального центра (грамматически опорного компонента) и имеет нулевую фразеопарадигму. Эффективным в этом случае оказывается функциональный анализ: употребление фраземы в функции обстоятельства свидетельствует о ее адвербиальной природе (*Особенно зла она на меня, потому что я метко ее осмеиваю, острою на ее счет...* (НацКорп: Г. С. Эфрон. Дневники)).

3. Частеречный состав русской и английской метаязыковой лексики. В современном русском и английском языках знаменательные слова (лексически самостоятельные, способные называть предметы и признаки или указывать на них и выступать в качестве членов предложения) традиционно разделяются на шесть частеречных классов: глагол, существительное, местоимение, прилагательное, числительное, наречие [16, с. 457; 17]. В русском и английском метаязыковых номинативных полях имеются классы вербативных, субстантивных, адъективных и адвербативных лексем и фразем.

3.1. Глаголы. Класс глаголов представлен в лексике двух языков гораздо уже, чем во фразеологии. Семантико-грамматические разряды, выделяемые внутри класса глагольных метаязыковых лексем, в русском и английском языках совпадают не полностью. Русские глаголы различаются по трем основным частично пересекающимся признакам: по способности принимать дополнение (переходные и непереходные), иметь подлежащее (личные и безличные) и передавать значения, связанные со способом глагольного действия (ограничительные, однократные, распределительные и т. д.). Для английских метаязыковых глаголов противопоставление личные – безличные является нерелевантным: безличные глаголы в их составе отсутствуют. Среди английских лексем нет также глагольных наименований с внутрисловно выраженным значением способа действия.

Переходные глаголы обозначают действие, направленное на объект, и имеют прямое дополнение (*расколоть* ‘3. разг.-сниж. Заставить говорить правду (обычно о преступниках)’ – кого?; *name* ‘2. Цитировать, упоминать, называть по имени’¹ – кого?). В силу своей семантики многие метаязыковые переходные глаголы многовалентны, т. е. учитывают отношения между несколькими предметами, вовлеченными в называемое глаголом действие: например, среди трехвалентных есть глаголы с субъектом, объектом и адресатом (*объяснить* ‘1. Растолковав, сделать более ясным, понятным’; *transmit* ‘4. Передавать (новости, информацию), сообщать’ – кто? что? кому?), глаголы с субъектом, объектом и орудием (*иллюстрировать* ‘2. Пояснить наглядным примером’; *justify* ‘1. Демонстрировать правильность, подтверждать доказательствами’ – кто? что? чем?) и т. п.

Непереходные глаголы не сочетаются с прямым дополнением. У одновалентных глаголов этого подкласса единственный актант принимает форму подлежащего (*замолчать* ‘перестать говорить, петь, кричать // прекратить переписку’ – кто?; *mean* ‘значить, означать, обозначать’ – что?), у многовалентных – форму подлежащего и косвенного дополнения (*отступить* ‘7. Перенести внимание с основного на второстепенное; сделать отступление’ – кто? от чего?; *pause* ‘1. Перестать говорить или делать что-либо на короткое время перед тем, как начать снова’ – кто? перед чем?).

Личные глаголы (способные употребляться с подлежащим) составляют большинство русских метаязыковых глагольных обозначений (*добавить* ‘2. Сказать или написать в дополнение’) и исчерпывают состав английских – в подкорпусе английских лексем все глагольные наименования являются личными (*question* ‘1. а. Задать вопрос, вопросы’). Немногочисленные русские безличные глаголы с метаязыковой семантикой – одно- и многовалентные глаголы, актанты которых не имеют статуса подлежащего (*говориться* ‘2. безл. О наличии желания, настроения говорить’), – образованы от личных глаголов с помощью постфикса -ся, обозначают непроизвольные состояния человека и используются в роли сказуемых в безличных предложениях (*Скворцов взял газету, но ему не читалось* (НацКорп: И. Грекова. На испытаниях)).

Для выражения разнообразных значений способа глагольного действия в русском языке есть особый морфемный инвентарь – приставки и суффиксы, которые присоединяются к разным глаголам и модифицируют их значение. Русские метаязыковые глаголы с общим значением способа действия делятся на ряд групп: а) начинательные (*затянуть* ‘7. что чем; разг. Начать протяжно петь, выть или нудно говорить’); б) ограничительные (*поболтать* ‘разг. Провести некоторое время в болтовне; посудачить’); в) финитивные (*договорить* ‘Окончить говорить; довести до конца свою речь, ответ и т. п., высказать что-л. до конца’); г) однократные (*поздороваться* ‘Поприветствовать при встрече поклоном, пожатием руки, словами и т. п.’); д) многократные (*говаривать* ‘разг. Многократно говорить’); е) распределительные (*переспросить* ‘2. кого; разг. Спросить, опросить всех, многих или обо всем, многим’); ж) со значением неполноты действия (*посмеиваться* ‘2. над кем-чем. Слегка подшучивать, насмехаться втихомолку’); з) со значением интенсивности проявления действия (*наговорить* ‘1. что и чего. Сказать много чего-л.; говоря, сообщить много чего-л.’).

В английском языке многие значения способа глагольного действия не имеют регулярных аффиксальных форм выражения и передаются преимущественно с помощью лексических средств. Например, русским глаголам с приставками количественно-временных значений, обозначающими фазы действия, а также интенсивность действия, в английском языке соответствуют словосочетания, включающие два глагола (*зашептать* – *begin to whisper*, досл. ‘Начать шептать’ (Online MT)), и словосочетания с квантификаторами (*прослушать* ‘1. Выслушать от начала до конца’ – *listen to from beginning to end*, досл. ‘слушать от начала до конца’ (Online MT)). Связано это с морфологическими особенностями двух языков: в русском – языке синтетического типа – грамматические значения выражаются в основном внутрисловно, в английском – языке аналитического строя – за пределами слова.

¹ Толкования значений английских номинативных единиц, взятых из англоязычных словарей-источников, здесь и далее приводятся в переводе автора.

3.2. Существительные. Класс существительных значительно шире представлен в лексике русского и английского языков, чем во фразеологии. Русские и английские метаязыковые существительные разделяются на несколько совпадающих в двух языках семантико-грамматических разрядов: а) собственные имена (*альфа* ‘название первой буквы греческого алфавита’; *Bible* ‘1. а. Священная книга христианства, сборник древних писаний, включающий книги Ветхого Завета и Нового Завета’); б) конкретные существительные – названия неодушевленных предметов (*буква* ‘1. разг. Графический знак в составе алфавита, обычно соответствующий определенному звуку’; *balloon* ‘4. Контур округлой или неправильной формы, содержащий слова персонажа комикса, мультфильма’) и одушевленных существ (*собеседник* ‘Тот, кто беседует с кем-л., участник беседы, разговора’; *respondent* ‘1. Человек, который отвечает на запрос, дает ответ’); в) собирательные существительные (*бред* ‘3. *собир.*, *разг.* Бредовые мысли, речи и т. п.’; *audience* ‘2. Круг читателей, слушателей, зрителей’); г) отвлеченные существительные (*правота* ‘правильность, верность действий, суждений и т. п.’; *coverage* ‘2. Количество и качество освещения темы, события в печати, по радио’).

3.3. Прилагательные. Адъективные обозначения относящихся к языку и речи свойств и признаков шире представлены в лексических подкорпусах английского и русского языков, чем во фразеологических. По характеру называемого признака русские и английские метаязыковые прилагательные делятся на два семантико-грамматических разряда – качественные и относительные. Качественные прилагательные обозначают признак предмета вне отношения к другим предметам и событиям (*неразборчивый* ‘непонятный, неясный (о речи)’; *vague* ‘1. Неясный по значению или выражению; неопределенный, двусмысленный’). Отличительной чертой прилагательных этого подкласса является то, что они образуют внутри метаязыкового поля обоих языков антонимические пары (*письменный* ‘1. Выраженный, осуществляемый средствами письма; написанный’ – *устный* ‘произносимый, письменно не закрепленный’; *negative* ‘выражающий, содержащий отрицание, отказ, опровержение’ – *positive* ‘1. Демонстрирующий одобрение, согласие, подтверждение’) и синонимические ряды (*логичный* ‘2. Рассуждающий последовательно’ – *последовательный* ‘2. Логически закономерный, правильно обоснованный, не содержащий противоречий’ (*Online TCC*) – *ясный* ‘5. Логичный, убедительный, четкий’ – *стройный* ‘3. Отличающийся логичностью построения’ (*Online TCC*); *confidential* ‘1. Сообщаемый по секрету’ – *private* ‘7. а. Не подлежащий обнародованию; секретный’ – *secret* ‘1. а. Утаиваемый, скрываемый’).

Относительные прилагательные называют признак через отношение к другому предмету или явлению. Все русские и английские относительные прилагательные с метаязыковой семантикой производны и характеризуются тесной смысловой связью с исходными словами. Среди них преобладают прилагательные, обозначающие отношение к отвлеченному понятию (*семантический* ‘соотносящийся по значению с сущ. *семантика*, связанный с ним’ (*Online TCC*); *linguistic* ‘имеющий отношение к лингвистике’). В русском корпусе также есть прилагательные, выражающие отношение к лицу (*авторский* ‘1. Соотносящийся по значению с сущ. *автор*, связанный с ним’ (*Online TCC*)), предмету (*евангельский* ‘1. Относящийся к Евангелию, связанный с ним’ (*Online TCC*)), действию (*записной* ‘предназначенный, служащий для записи’). Меньшее семантическое разнообразие английских метаязыковых относительных прилагательных (в сравнении с русскими), вероятно, обусловлено тем, что значение относительности в английском языке может быть выражено не только прилагательными, но и существительными [8, с. 110].

3.4. Наречия. Удельный вес адverbиальных наименований в лексических подкорпусах двух языков ниже, чем во фразеологических. Русские и английские метаязыковые наречные лексемы – это суффиксальные производные, образованные в основном от прилагательных. По общей семантике они делятся на определительные (преимущественно наречия образа действия: *подробно* ‘соотносится по значению с прил. *подробный*’ (*Online TCC*); *indirectly* ‘намеком, непрямо’) и обстоятельственные (главным образом наречия цели: рус. *насмешливо* ‘с насмешкой’ (*Online TCC*); *positively* ‘1. Утвердительно’).

4. Частеречный состав русской и английской метаязыковой фразеологии.

4.1. Глагольные фраземы. Структурно-семантическое разнообразие глагольно-безличных фразем¹ в русском языке. Русские и английские глагольные фраземы распределяются по семантико-грамматическим разрядам примерно по тем же принципам, что и лексемы. В составе русских и английских глагольных фразем имеются переходные (*ставить в укор (кому что)* ‘упрекать кого-л. чем-л.’ (ФСРЯ, с. 302); *cut sb down to size* ‘критиковать кого-л., чтобы дать понять, что он не так успешен, важен, как ему кажется; одернуть, поставить кого-л. на место’ (LID, р. 311)) и непереходные фраземы (*владеть пером* ‘обладать способностью писать выразительно и убедительно или облекать в формы литературных произведений свои мысли, идеи’ (ФСРЯ, с. 31); *be (way) off base about sth* ‘разг. Быть абсолютно неправым

¹Глагольно-безличными фраземами называются фраземы, не указывающие определенного деятеля и употребляющиеся в безличных конструкциях.

относительно того, о чем высказываешь мнение' (LID, р. 18)), фраземы, в значении которых содержатся семы способа действия – многократности (*обить (все) пороги* 'многократно побывать где-л., добиваясь чего-л., прося о чем-л.' (ФСРЯ, с. 175–176)), начинательности (*shift / change one's ground* 'начать давать другие объяснения тому, что делаешь, или менять позицию, точку зрения' (LID, р. 145)), интенсивности (*криком кричать* 'кричать очень сильно и продолжительно' (ФСРЯ, с. 123)) и т. п. Отметим, что формы выражения значений способа глагольного действия во фразеологии и лексике не совпадают: у фразем русского и английского языков они закреплены в семантической структуре, а в лексике в русском языке передаются аффиксальными средствами (внутрисловно), в английском языке – лексически (за пределами слова). Среди русских и английских вербативных фразем есть также личные фраземы (*пропустить мимо ушей* 'не обратить внимания на то, что говорят о ком-, чем-л.' (ФСРЯ, с. 150); *appeal to sb's better nature* 'стараться убедить кого-л. сделать что-л., говоря, что так поступать хорошо; взывать к лучшей стороне чьей-л. души' (LID, р. 241)), а в кругу русских и фраземы безличного употребления (*в одно ухо входит [вошло], в другое выходит [вышло] у кого* 'не обращать внимания на что-л., сказанное кем-л.' (ФСРЯ, с. 305)).

В русском материале категория безличности шире представлена во фразеологии, чем в лексике. К глагольно-безличным относятся фраземы, не указывающие определенного деятеля/носителя состояния и употребляющиеся в односоставных глагольных предложениях. Метаязыковые глагольно-безличные фраземы довольно разнообразны по своим структурно-семантическим свойствам. Центр таких фразем образуют в основном глаголы в формах среднего рода прошедшего и будущего времени (*на калачи досталось [достанется] кому* 'о брани, побоях' (ФСРЯ, с. 104)) и 3-го лица единственного числа (*ухо [уши] режет/дерет* 'звучит резко, грубо, неприятно для слуха' (ФСРЯ, с. 305)), краткие страдательные причастия среднего рода (*язык хорошо подвешен/привешен у кого* 'о красноречивом, складно говорящем человеке' (ФСРЯ, с. 334)) и безлично-предикативное слово *нет* (чего, кого) 'отсутствует, не существует' (*нет слов* 'невозможно выразить словами, как...' (ФСРЯ, с. 263)).

Глагольно-безличные фраземы характеризуются общим значением состояния и представляют действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс, состояние, а признак – в отрыве от его носителя, как общую оценку предмета. В границах этой группы выделяются три подгруппы с более частным значением: 1) фраземы, обозначающие действие, мыслимое независимо от производителя действия (*дернуло за язык кого* 'зря, неуместно сказал что-л.' (ФСРЯ, с. 66)), 2) фраземы, выражающие состояние человека (*язык прилип к гортани у кого* 'о потере способности говорить' (ФСРЯ, с. 334)), 3) фраземы, называющие состояние, обусловленное отсутствием чего-либо (*слов не хватает для чего* 'о затрудненности в подборе подходящих слов для выражения какого-л. сильного чувства' (ФСРЯ, с. 264)); сближаются с безличными как не указывающие на определенное лицо (деятеля) еще две разновидности фразем: 4) фраземы фиксированного типа с глаголом в форме инфинитива, выражающие модальные значения невозможности, неизбежности, необходимости и т. п. (*крыть нечем* 'прост. Нечего сказать в ответ, нечего возразить' (ФСРЯ, с. 126)), 5) неизменяемые фраземы с обобщенно-личным употреблением глагола (в форме 2-го лица), действие которых относится к обобщенному лицу (*живого слова не услышишь* '1. Об отсутствии собеседников. 2. Об отсутствии людей со свежей, деятельной мыслью' (ФСРЯ, с. 79)).

Категория безличности в английской метаязыковой фразеологии и в целом в английском лексико-фразеологическом поле метаязыковых обозначений реализована не так широко, как в русском. Связанные с языком и речью действия и состояния реже представляются в английском языке как возникающие и существующие независимо от их производителя и носителя. Так, состояния, вызванные отсутствием чего-либо, в русском языке получают безличное обозначение (*нет слов, слов не хватает*), в английском могут оформляться двумя способами: с помощью безличного оборота со значением 'иметься' *there is/are* (*there are no words for that*, *досл.* 'не имеется слов для этого' (Online MT)) или личными конструкциями (например, конструкцией со значением обладания – *I have no words to express...* – *досл.* 'я не имею слов, чтобы выразить...' (Online MT)). Психические состояния человека в русском языке часто передаются безличными предложениями с так называемым дательным субъектом – косвенным дополнением со значением лица, которое испытывает данное состояние (...*Как хорошо мне пишется, уже целый лист накатал* (НацКорп: Э. Герштейн. Лишняя любовь)), в английском – только личными конструкциями с субъектом лицом (*I feel like writing*, *досл.* 'я испытываю желание писать' (Online MT)). Различные вербальные действия в русском языке могут описываться как осуществляющиеся само собой и выражаться безличным способом (например, невольное произнесение каких-либо слов: *сорвалось с языка*), в английском они представляются исключительно в конструкциях с субъектом лицом (в них обычно назван и объект: *he let the words slip*, *досл.* 'он позволил словам выскользнуть'; *he said the words he didn't want to say*, *досл.* 'он сказал слова, которые он не хотел говорить' (БРАФС, с. 831)) или с субъектом

не-лицом (*the words slipped out of his mouth* (досл. 'слова выскользнули из его рта'); *the words escaped his lips*, досл. 'слова ускользнули с его языка' (БРАФС, с. 831)).

4.2. Субстантивные фраземы. В кругу русских и английских метаязыковых субстантивных фразем выделяются те же подклассы, что у субстантивных лексем: а) названия индивидуальных предметов (*твердый знак* 'название буквы ъ' (ФСРЯ, с. 288)); б) наименования групп однородных предметов – одушевленных (*живая/ходячая газета (кто)* 'шутл., ирон. О человеке, который знает и распространяет все новости' (ФСРЯ, с. 45); *aunt Sally* 'о том, кого часто критикуют даже без особого повода; объект критики' (LID, р. 10)) и неодушевленных (*звонкая фраза* 'напыщенная, громкая, но малосодержательная или пустая фраза' (ФСРЯ, с. 90); *conversation piece* 'о чем-л. необычном, что становится предметом для разговора' (LID, р. 68)); в) обозначения множеств предметов, совокупностей предметов как целого (*разбойники пера (кто)* 'о продажных, беспринципных буржуазных журналистах, писателях' (ФСРЯ, с. 234); *kitchen cabinet* 'неофициальные советники выборного должностного лица' (Online PhCES)); г) имена отвлеченных понятий (*квасной патриотизм* 'огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта и порицание всего чужого' (ФСРЯ, с. 108); *gift of the gab* 'умение говорить занимательно или убедительно' (LID, р. 136)).

4.3. Адъективные фраземы. Все русские и английские адъективные фраземы с метаязыковой семантикой обозначают качественный признак: *неудобь сказуемый* 'устар., теперь шутл. Неудобный для произнесения; неприличный' (ФСРЯ, с. 169), *слабый на язык кто* 'прост. Болтливый' (ФСРЯ, с. 262); *hard to swallow* 'представляющийся неправдоподобным' (LID, р. 156), *lost for words* 'неспособный сказать что-л. из-за удивления, потрясения и т. д.' (LID, р. 392). Фраземы, выражающие относительный признак, в исследуемом корпусе отсутствуют. Вероятно, для передачи данного значения – отношения к лицу, предмету, действию, отвлеченному понятию и т. д. – больше подходят лексемы производного типа, которые сохраняют тесную связь с исходными словами – наименованиями соответствующих лиц, предметов, действий и т. д.

4.4. Адвербативные фраземы. Русские и английские метаязыковые наречные фраземы, как и наречные лексемы, делятся на два семантико-грамматических разряда – определительные и обстоятельственные. Однако фразеология обоих языков оказывается несколько богаче по палитре частных признаков, выделяющихся внутри общего значения определительности и обстоятельственности. В кругу определительных наречных фразем имеются не только наречия образа действия (*из пятого в десятое* (говорить, рассказывать и т. п.) 'беспорядочно, без связи, перепрыгивая с одного на другое' (ФСРЯ, с. 232); *eyeball to eyeball* 'гневно, глядя друг другу глаза в глаза (спорить)' (LID, р. 109)), но и интенсивности признака (*с пеной у рта* (спорить, доказывать) 'горячо, азартно, крайне возбужденно' (ФСРЯ, с. 192); *at the top of one's voice/lungs* 'очень громко, так громко, как только можно (сказать)' (Online IFD)). Среди обстоятельственных есть как наречия цели (*в шутку* 'шутя, несерьезно' (ФСРЯ, с. 330); *on the record* '1. В качестве официальной версии, для печати (сказать)' (LID, р. 283)), так и причины (*в сердцах* (сказать) 'в порыве раздражения, сильно рассердившись' (ФСРЯ, с. 256); *in the heat of the moment* 'не останавливаясь, чтобы подумать из-за волнения или злости, сгоряча (сказать, сделать)' (LID, р. 165–166)).

5. Номинативные единицы, оставшиеся за пределами частеречной классификации. В классификацию по частям речи не вошли слова и обороты, выступающие в синтаксической функции вводного слова (*во-первых* 'употребляется при перечислении для обозначения первого пункта, раздела и т. п.', *другими словами* 'иначе говоря, выражаясь по-иному' (БТС, с. 1211), *мягко выражаясь* 'употребляется как указание на то, что говорящий намеренно избегает резких слов о ком-, чем-л.' (ФСРЯ, с. 157); *secondly* 'употребляется при перечислении для обозначения второго пункта, факта' (Online LDCE), *excuse my French* 'разг. употребляется как извинение при использовании ругательства' (LID, р. 129)). Номинативные единицы, оставшиеся за пределами частеречной классификации, составляют менее 2 % от общего объема русского подкорпуса и 1 % от общего объема английского подкорпуса.

6. Результаты исследования.

6.1. Грамматическая структура поля. Русское и английское лексико-фразеологическое поле метаязыковых обозначений образуют четыре частеречных класса – глаголы, существительные, прилагательные и наречия, каждый из которых представлен и лексемами, и фраземами. Количество (в абсолютных показателях и процентном выражении) номинативных единиц в частеречных классах русского и английского поля метаязыковых обозначений показано в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что два самых крупных частеречных класса имеют разный ранг в количественной иерархии русского и английского подкорпусов. В русском подкорпусе первое место занимают субстантивные номинативные единицы, второе – глагольные; в английском количественно преобладают вербативы, за ними следуют субстантивы. Превалирование глагольных обозначений в английском

подкорпусе связано с большей обязательностью наличия глагола в английском предложении (в сравнении с русским), ключевой ролью английского глагола в структурно-синтаксической организации высказывания.

Таблица 2

Удельный вес частеречных классов лексико-фразеологического поля
метаязыковых обозначений в русском и английском языках

Table 2

The proportion of the part of speech classes in the metalanguage
lexical-phraseological field of the Russian and English languages

Части речи	Количество единиц	
	Русский подкорпус	Английский подкорпус
Существительные	1120 (44,7 %)	830 (42,3 %)
Глаголы	995 (39,7 %)	986 (47,2 %)
Прилагательные	193 (7,7 %)	163 (7,8 %)
Наречия	156 (6,2 %)	36 (1,7 %)
Номинативные единицы вне частеречных классов	43 (1,7 %)	21 (1 %)
Всего	2507 (100 %)	2093 (100 %)

Совокупность частеречных категорий лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках совпадает, однако внутренняя структура одной из четырех категорий – глагольной – выстроена в двух языках по-разному. Об этом свидетельствует разный состав семантико-грамматических разрядов русских и английских метаязыковых глаголов.

Во-первых, только в русском материале выделяется подкласс глаголов с аффиксально выраженным значением способа действия (подкласс представлен глаголами начинательными, ограничительными, финитивными, однократными, многократными, распределительными, а также глаголами со значением неполноты действия, интенсивности проявления действия). Наличие отдельного подкласса глаголов способа действия в русском материале и его отсутствие в английском связаны с морфологическими особенностями языков: в синтетическом русском значения способа действия передаются внутрисловно с помощью аффиксальных средств, тогда как в аналитическом английском они выражены за пределами слова. Значения способа действия являются более выделенными в русском языке и передаются в нем легче и естественнее, чем в английском.

Во-вторых, только в русском материале имеются безличные глагольные обозначения. Связанные с языком и речью действия и состояния могут мыслиться и оформляться в русском языке безличным образом. В английском языке наблюдается тенденция представлять их расчлененно, различать в них производителя действия и носителя состояния. Это обусловлено грамматикой языка: в английском координация глагола-сказуемого с субъектом является обязательной, что заставляет говорящих по возможности выделять и выражать субъект и рассматривать действия и состояния в отношении к нему. Безличные вербативы используются в английском языке – в сочетании с формальным подлежащим *it* – преимущественно для обозначения нечленимых явлений, действий с неопределенным деятелем, например явлений природы: *it freezes* (досл. 'оно морозит'). Названные особенности создают этнолингвистическое своеобразие грамматической организации метаязыкового лексико-фразеологического поля в русском и английском языках.

Внутреннее деление трех других частеречных категорий осуществляется в русском и английском языках по общим принципам: состав семантико-грамматических разрядов, вычлениющихся в классах субстантивов, адъективов и адverbативов, в двух языках совпадает. Семантико-грамматические подклассы могут быть представлены метаязыковыми лексемами и фраземами неодинаково: например, в русском подкорпусе глагольная категория способа действия выражается и разграничивается главным образом лексемами – множеством отглагольных аффиксальных производных, конкретизирующих общее значение способа глагольного действия по целому ряду признаков, тогда как глагольная категория безличности шире и детальнее реализована во фразеологии.

6.2. Различия между лексикой и фразеологией в выражении частеречных значений. В русском и английском поле метаязыковых обозначений частеречная ориентация лексики и фразеологии раз-

лична. Среди русской лексики примерно половина – существительные, треть – глаголы, 12 % – прилагательные, около 3 % – наречия; в кругу русских фразем субстантивных единиц – чуть более трети, вербативных – половина, адъективных – около 2 %, адverbиальных – примерно 11 %. Распределение лексем и фразем по частеречным классам русского поля метаязыковых обозначений показано на рис. 1 и 2 соответственно.

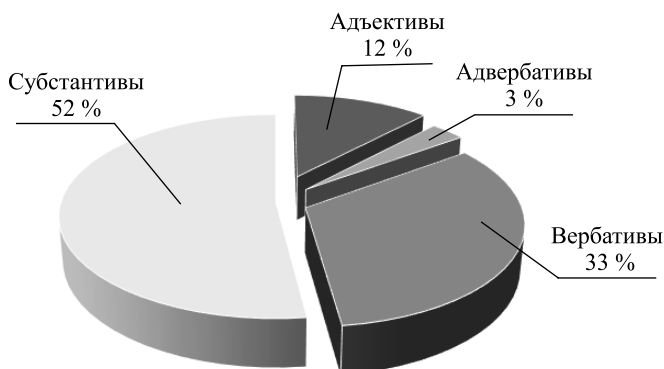

Рис. 1. Процентное соотношение лексем в частеречных разрядах русского поля метаязыковых обозначений

Fig. 1. The percentage of the lexemes in the part of speech classes of the Russian metalanguage nominative field

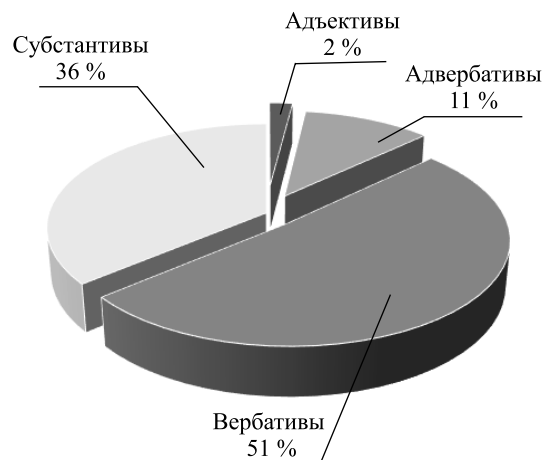

Рис. 2. Процентное соотношение фразем в частеречных разрядах русского поля метаязыковых обозначений

Fig. 2. The percentage of the phrasemes in the part of speech classes of the Russian metalanguage nominate field

Похожим образом распределяются по частеречным разрядам английские лексемы и фраземы с мета-языковой семантикой, что отражено на рис. 3 и 4 соответственно.

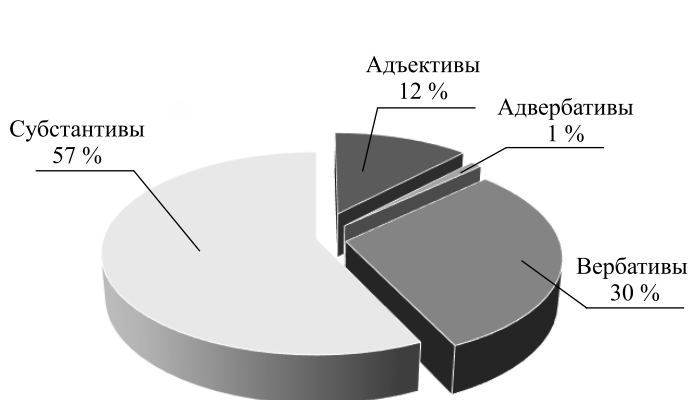

Рис. 3. Процентное соотношение лексем в частеречных разрядах английского поля метаязыковых обозначений

Fig. 3. The percentage of the lexemes in the part of speech classes of the English metalanguage nominate field

Рис. 4. Процентное соотношение фразем в частеречных разрядах английского поля метаязыковых обозначений

Fig. 4. The percentage of the phrasemes in the part of speech classes of the English metalanguage nominate field

Как видно из рис. 1–4, функции, связанные с передачей частеречных значений, распределены между лексемами и фраземами неодинаково, но схожим образом в обоих языках. Если расположить частеречные классы в соответствии с количеством репрезентирующих их номинативных единиц по степени убывания признака, то для лексических подкорпусов русского и английского языков получим последовательность: 1) существительные, 2) вербативы, 3) адъективы, 4) адverbиалы; для фразеологических подкорпусов последовательность будет иная: 1) вербативы, 2) существительные, 3) адverbиалы, 4) адъективы. Различия в частеречном распределении лексем и фразем свидетельствуют о том, что в выполнении номинативных функций у лексики и фразеологии есть свои грамматические особенности: лексика в большей мере, чем фразеология, отвечает за номинацию категориальных значений предметности

и признаковости предмета, фразеология – за номинацию значений процессуальности (действия, состояния) и признаковости процесса.

В лексическом материале двух языков доля субстантивов и адъективов больше, чем во фразеологическом. Выявленное различие показывает, что в выражении значений предметности и признаковости предмета в метаязыковой сфере фраземам предпочитают лексемы – в большинстве своем первичные, прямые, неэкспрессивные наименования. Во фразеологических подкорпусах обоих языков удельный вес вербативов и адвербативов выше, чем в лексических, и это говорит о том, что именование относящихся к языку и речи процессов и признаков процесса чаще осуществляется при помощи фразеологических средств, которые на фоне лексики предстают как область вторичных (не первичных), переносных, экспрессивно-оценочных обозначений. Превалирование вербативов во фразеологии объясняется функционально-синтаксическими свойствами фразем: оценочно-образные наименования выполняют преимущественно характеризующую функцию и тяготеют к предикативной позиции (как наиболее подходящей для реализации функции характеристики), поэтому фразеологизация ориентирована в основном на вербативы. Прочную связь оценочно-образных единиц языка с позицией предиката отмечают в своих работах В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова. Синтагматическими особенностями процесса фразеологизации – его сфокусированностью в предикате – объясняет доминирование во фразеологии глагольных единиц Н. Б. Мечковская: «...в резком преобладании во фразеологии глагольных оборотов сказывается синтагматическая природа механизмов фразеологизации: эти процессы, протекая в живой речи, затрагивают преимущественно рему высказывания, которая чаще локализована в группе сказуемого и, следовательно, в случае глагольного сказуемого, локализована именно в глагольных лексемах» [18, с. 588].

Частеречная специализация метаязыковых лексем и фразем проявляется не только в количественных характеристиках (более широкая объективация категорий предметности и признаковости предмета в лексике, категорий процессуальности и признаковости процесса – во фразеологии), но и в качественных: категория признака предмета более дифференцированно – с более тонким различием спектра признаков – представлена в лексике (в русском и английском корпусах среди адъективов имеются качественные и относительные лексемы и только качественные фраземы), категория признака процесса детальнее репрезентирована во фразеологии (в корпусе обоих языков в составе адвербативных фразем есть определительные наречия образа действия и интенсивности признака и обстоятельственные наречия цели и причины, в кругу адвербативных лексем – лишь наречия образа действия и цели).

Можно думать, что установленные закономерности распределения между лексикой и фразеологией функций по выражению частеречных значений могут быть спроецированы на номинативный уровень языка в целом.

6.3. Межъязыковые различия в количестве метаязыковых фразем по частеречным классам.

При сопоставлении рис. 2 и 4 обращают на себя внимание межъязыковые различия в количественном наполнении фраземами классов вербативов и адвербативов.

Более высокий процент глагольных фразем (и, соответственно, более низкий процент субстантивных фразем) в английском подкорпусе (74 %), по сравнению с русским (51 %), связан с разной ролью глагола в русском и английском высказываниях: в английском языке глагол является обязательным компонентом и структурным ядром предложения, в русском языке широко распространены предложения с безглагольными сказуемыми. Связь между структурно-синтаксическими свойствами глагола и долей глагольных оборотов в языке отмечается и при рассмотрении фразеологии других, разных по структурному строю языков. В исследовании Н. Б. Мечковской и Е. Г. Панфиловой, проведенном на материале русской, белорусской и немецкой фразеологии с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами, между двумя признаками установлена прямая зависимость: «...чем выше в языке обязательность глагола в структуре предложения, тем выше в таком языке процент глагольных фразем» [18, с. 590].

Большая представленность адвербативных фразем в русском подкорпусе (11 %), по сравнению с английским (3 %), отчасти обусловлена расхождениями русских и английских словарей-источников в понимании и способах подачи фразеологических комплексов с вербативно-адвербативным значением. Многие фраземы с адвербативной семантикой отличаются узкой синтагматикой – сочетаются с ограниченным числом глаголов: *в ложном свете* можно только *видеть* и *представлять*, *в лицо* ‘прямо, открыто’ – только *говорить*, *бранить*, а *с пеной у рта* – только *спорить*, *доказывать*. Такие выражения, ввиду тесной связи в них наречного и глагольного элементов, могут рассматриваться как единый глагольно-наречный оборот. В русских словарях при фиксации оборотов такого типа глагольные элементы обычно подаются обособленно – как слова-сопроводители: *в ложном свете* (видеть, представлять) (ФСРЯ, с. 137), *в лицо* (говорить, бранить) (ФСРЯ, с. 135); такие фраземы квалифицируются

как адвербиальные. В словарях английской фразеологии в схожих случаях глаголы не обособляются, приводятся как компоненты фразем: *put / paint sth in a false light* 'искажать, представлять что-л. в ложном свете' (*Online FD*), *say sth to smb's face* 'говорить что-л. (неприятное) прямо в лицо, глаза кому-л.' (*Online IFD*); такие фраземы относятся к числу глагольных.

Итак, грамматическая структура русского и английского лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений во многом схожа, хотя и неодинакова. Выявленные различия в частеречной ориентации лексики и фразеологии позволяют сделать вывод о том, что в языке существует корреляция между типом категориального значения и предпочтительным способом его выражения: для обозначения предметов и признаков предметов шире используются однословные (в основном первичные, прямые, нейтральные) наименования, для обозначения процессов и признаков процесса – составные (преимущественно вторичные, переносные, экспрессивно-оценочные) именованья.

Сокращения

БРАФС – Большой русско-английский фразеологический словарь / сост. С. И. Лубенская. М., 2004; **БТС** – Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998; **НацКорп** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.07.2016); **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. М., 2007; **LID** – Longman Idioms Dictionary. Harlow, 1998; **Online НЧСРЛ** – Новый частотный словарь русской лексики / сост.: О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 08.07.2016); **Online TCC** – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / сост. Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 08.07.2016); **Online FD** – The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (date of access: 07.07.2016); **Online IFD** – Idioms. The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (date of access: 07.07.2016); **Online LDCE** – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldceonline.com> (date of access: 07.07.2016); **Online MT** – Multitran. URL: <http://www.multitran.com> (date of access: 09.07.2016); **Online PhCES** – Phrases, Clichés, Expressions and Sayings. URL: <http://www.joe-ks.com> (date of access: 07.07.2016); **Online WFWSE** – *Leech G., Rayson P., Wilson A.* Word Frequencies in Written and Spoken English. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html> (date of access: 07.07.2016).

Библиографические ссылки

1. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков [1974]. М., 2011.
2. Anward J. A dynamic model of part-of-speech differentiation // *Approaches to the typology of word classes*. Berlin ; New York, 2000. P. 3–46.
3. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении [1978]. М., 2012.
4. Живов В. М. Части речи // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М., 1998. С. 578.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике [1962]. Биробиджан, 2000.
6. Croft W. Radical construction grammar. Syntactic theory in typological perspective. Oxford, 2001.
7. Baker M. C. Lexical categories. Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge, 2003.
8. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
9. Леонтьев А. А. Фиктивность «семантического критерия» при определении части речи // *Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов*. Л., 1965. С. 33–34.
10. Супрун А. Е. Грамматическая специализация слов и части речи // Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М., 1971. С. 77–84.
11. Калинин П. П. К вопросу об эквивалентности фразеологической единицы слову (на материале английского языка) // *Иностр. яз. в шк.* 1956. № 3. С. 28–34.
12. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология [1986]. М., 2006.
13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка [1963]. М., 2012.
14. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка [1986]. Дубна, 2005.
15. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии [1963]. М., 2013.
16. Русская грамматика : в 2 т. [1990]. М., 2005. Т. 1 : Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология.
17. Alexander L. G. Longman English grammar. London ; New York, 1999.
18. Мечковская Н. Б., Панфилова Е. Г. Опыт моделирования грамматической и семантико-образной структуры национальных фразеологий (на лексикографическом материале русского, белорусского и немецкого языков) // *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*. Szczecin ; Greifswald, 2012. S. 577–591.

References

1. Ufimtseva A. A. [Types of word signs]. Moscow, 2011 (in Russ.).
2. Anward J. A dynamic model of part-of-speech differentiation. In: *Approaches to the typology of word classes*. Berlin ; New York, 2000. P. 3–46.

3. Kubryakova E. S. [Parts of speech in onomasiological interpretation]. Moscow, 2012 (in Russ.).
4. Zhivov V. M. [Parts of speech]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1998. P. 578 (in Russ.).
5. Kurilovich E. [Essays on linguistics]. Birobidzhan, 2000 (in Russ.).
6. Croft W. Radical construction grammar. Syntactic theory in typological perspective. Oxford, 2001.
7. Baker M. C. Lexical categories. Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge, 2003.
8. Plungyan V. A. [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2011 (in Russ.).
9. Leontev A. A. [Fictitiousness of «semantic criterion» in determining a part of speech]. In: *Voprosy teorii chastei rechi na materiale yazykov razlichnykh tipov*. Leningrad, 1965. P. 33–34 (in Russ.).
10. Suprun A. E. [Grammar specialization of words and parts of speech]. In: Suprun A. E. *Chasti rechi v russkom yazyke*. Moscow, 1971. P. 77–84 (in Russ.).
11. Kalinin P. P. [To the question of equivalence of phraseological unit to word (on the English material)]. *Inostr. yazyki v shkole*. 1956. No. 3. P. 28–34 (in Russ.).
12. Zhukov V. P., Zhukov A. V. [Russian phraseology]. Moscow, 2006 (in Russ.).
13. Shanskiy N. M. [Phraseology of modern Russian language]. Moscow, 2012 (in Russ.).
14. Kunin A. V. [The course of phraseology of modern English language]. Dubna, 2005 (in Russ.).
15. Amosova N. N. [The basics of English phraseology]. Moscow, 2013 (in Russ.).
16. [Russian grammar] : in 2 vol. Moscow, 2005. Vol. 1 : [Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology] (in Russ.).
17. Alexander L. G. Longman English grammar. London ; New York, 1999.
18. Mechkovskaya N. B., Panfilova E. G. Experience in modeling of grammatical and semantic structure of national phraseology. In: *Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturowym i frazeograficznym*. Szczecin ; Greifswald, 2012. P. 577–591 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 01.03.2017.
Received by editorial board 01.03.2017.

УДК 861.161.3

ЗАКОН «АБ ПРАВІЛАХ БЕЛАРУСКАЙ АРФАГРАФІІ І ПУНКТУАЦЫІ» І ЯГО АЦЭНКА Ё ІНТЭРНЭЦЕ

У. І. КУЛИКОВІЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт, вул. Сьвярдлова, 13а, 220006, г. Мінск, Беларусь*

Аналізуюцца выказванні афіцыйных асоб, карыстальнікаў інтэрнэт-рэсурсаў і распрацоўнікаў Закона Рэспублікі Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008) адносна прычын стварэння заканадаўчай базы ў галіне нацыянальнага правапісу, аб задачах па ўдасканаленні арфаграфіі на сучасным этапе, уплыве новых правіл на функцыянаванне беларускай мовы ў грамадстве. Вызначаны тры асноўныя групы інтэрнэт-карыстальнікаў, чые развагі і аргументы могуць служыць паказальнікамі беларускай грамадскай думкі ў дачыненні да арфаграфічнай праблематыкі ў першыя дзесяцігоддзі XXI ст.: асобы, якія адмоўна ўспрынялі закон і новаўвядзенні (60 %), тыя, хто станоўча ацаніў закон (30 %), асобы, якія не былі сэнсу прымаць закон і вывучаць новыя правілы (10 %).

Ключавыя словы: беларуская мова; правілы арфаграфіі; рэформа арфаграфіі.

ЗАКОН «О ПРАВИЛАХ БЕЛОРУССКОЙ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ» И ЕГО ОЦЕНКА В ИНТЕРНЕТЕ

В. И. КУЛИКОВИЧ¹⁾

¹⁾ *Белорусский государственный технологический университет, ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь*

Анализируются высказывания официальных лиц, пользователей интернет-ресурсов и разработчиков Закона Республики Беларусь «О правилах белорусской орфографии и пунктуации» (2008) о причинах создания законодательной базы в области национального правописания, задачах по усовершенствованию орфографии на современном этапе, влиянии новых правил на функционирование белорусского языка в обществе. Определены три основные группы интернет-пользователей, чьи рассуждения и аргументы могут служить показателями белорусской общественной мысли в отношении орфографической проблематики в первые десятилетия XXI в.: лица, отрицательно воспринимающие закон и нововведения (60 %), положительно оценивающие закон (30 %), лица, не видящие смысла принимать закон и изучать новые правила (10 %).

Ключевые слова: белорусский язык; правила орфографии; реформа орфографии.

LAW «ON BELARUSIAN SPELLING AND PUNCTUATION RULES» AND IT'S EVALUATION ON THE INTERNET

U. I. KULIKOVICH^a

^a *Belarusian State Technological University, Sviardlova Street, 13a, 220006, Minsk, Belarus*

The statements of the officials, the users of the Internet resources and developers of law «On Belarusian spelling and punctuation rules» (2008) are analyzed there. They concern the reasons of creating of the legislative base in the field of national spelling, the tasks of improving orthography at the present stage, the influence of new rules on the functioning of

Образец цитирования:

Куліковіч У. І. Закон «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» і яго ацэнка ў інтэрнэце // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 72–77.

For citation:

Kulikovich U. I. Law «On Belarusian spelling and punctuation rules» and it's evaluation on the Internet. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 72–77 (in Belarus.).

Автор:

Владимир Иванович Куликович – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой редакционно-издательских технологий факультета принттехнологий и медиакоммуникаций.

Author:

Uladzimir Kulikovich, PhD (philology), docent; head of the department of publishing technologies, faculty of print technology and media communication.
nino-1924@mail.ru

the Belarusian language in the society. Three main groups of Internet users, whose argumentations and facts can serve as the indicators of the Belarusian social thought regarding orthographic problem in the first decade of the XXI century are defined there. Among them, there are persons, who perceive the law and innovations negatively (60 %), state the value of the law (30 %), the persons who do not see the point in the enactment and studying new rules (10 %).

Key words: Belarusian language; spelling rules; spelling reforms.

Уводзіны

Арфаграфія – гэта практычны інструмент ажыццяўлення пісьмовай камунікацыі, які складаецца з вызначанага набору агульнапрызнаных правіл, абавязковых для выканання кожным, хто вырашыў зафіксаваць сваё маўленне на папяровым аркушы або маніторы (экране) электроннага прыстасавання. У адрозненне ад выбару лексічнай адзінкі (напрыклад, *балельшчык* ці *заўзятар*, *пасольства* ці *амбасада*) або словаўтваральнага афікса (*набыўнік*, *набывец*, *набываўца*, *набытчык*), што залежыць у асноўным ад моўнага густу, інтэлектуальнага досведу чалавека, сітуацыі зносін, права арфаграфічнага выбару абмяжоўваецца канкрэтным прадпісаннем, якое толькі зрэдку прадугледжвае пісьмовую варыянтнасць (*імяра* і *аміра*, *ляск* і *лязг*, *ляскаць* і *лязгаць*). Такая асаблівасць арфаграфіі як навукі падштурхоўвае мовазнаўцаў да стварэння аптымальных, простых і зразумелых правіл напісання, разлічаных на хуткае і адназначнае запамінанне іх усімі прадстаўнікамі моўнай супольнасці.

Менавіта такімі, на думку ініцыятараў і распрацоўнікаў, з’яўляюцца правапісныя пастулаты, змешчаныя ў «Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», зацверджаных Законам Рэспублікі Беларусь ад 23 ліпеня 2008 г. (далей – Закон), які ўступіў у сілу 1 верасня 2010 г.

Задачы артыкула – высветліць, як ацэньваюць прыняцце гэтага закона карыстальнікі інтэрнэт-рэсурсаў, наколькі своечасовымі і зразумелымі сталіся для іх зацверджаныя змены.

Матэрыялам для даследавання паслужылі больш за 500 інтэрв’ю, артыкулаў, каментарыяў, змешчаных у чатах, на форумах, сайтах газет «Звязда», «Комсомольская правда», беларускім партале *TUT.BY* і некаторых іншых рэсурсах з 2008 па 2014 г.

Асноўная частка

Меркаванні ініцыятараў Закона. У першыя месяцы пасля прыняцця Закона афіцыйныя асобы [1], распрацоўнікі [2–5], настаўнікі і выкладчыкі ВНУ [6] далі прадстаўнікам СМІ дзясяткі інтэрв’ю, у якіх былі акрэслены падставы для прыняцця заканадаўчага акта аб арфаграфіі, яго задачы, асаблівасці новых змен і ўплыў новаўвядзенняў на адукацыйную сістэму.

Адказнымі асобамі былі агучаны чатыры асноўныя прычыны актывізацыі працы над новай рэдакцыяй правапісу: 1) істотнае абнаўленне слоўнікавага складу беларускай літаратурнай мовы; 2) арфаграфічны разнабой на старонках беларускамоўных выданняў, абумоўлены імкненнем журналістаў, пісьменнікаў, навукоўцаў падпарадкаваць напісанне слоў іншамоўнага паходжання асноўным правілам правапісу, якія распаўсюджваюцца на словы спрадвечна беларускія; 3) імкненне зняць неадпаведнасці паміж напісаннем і чытаннем па-беларуску і тым самым прадухіліць цяжасці вывучэння беларускай мовы («Беларуская мова набліжаецца да прынцыпу “як чуецца, так і пішацца”, але аддаляецца ад тарашкевіцы» [3]); 4) кніга «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (1959) стала бібліяграфічнай рэдкасцю.

Задач, якія ставілі перад сабой ініцыятары ўдасканаліць правілы арфаграфіі, таксама было чатыры: 1) усталяваць адзінства і стабільнасць норм пісьмовай формы; 2) аблегчыць працэс вывучэння беларускай мовы ў школе; 3) павысіць моўную і маўленчую культуру; 4) падняць прэстыж нашай мовы ў грамадстве і пашырыць сферы яе ўжывання.

Аднагалосна ўсе, хто меў дачыненне да распрацоўкі Закона, пераконвалі грамадскасць у тым, што змены ў правапісе – гэта не рэформа мовы альбо арфаграфіі, а толькі частковае ўдасканаленне асобных правіл: «Рэформа – гэта значныя, кардынальныя змены ў той ці іншай сістэме, а новая рэдакцыя – гэта толькі карэкціроўка і ўдакладненне таго, што было. Мы з лёгкасцю зможам чытаць тэксты, якія былі напісаныя да 1 верасня 2010 года: іх арфаграфія не будзе істотна адрознівацца ад тэкстаў, напісаных паводле новых правіл» [5]; «...мы хотелі, не производя никаких реформ, обновить и привести к единообразию существующие правила орфографии и пунктуации. Думаю, что авторский коллектив, который разрабатывал новую редакцию правил, со своей задачей справился на все 100 %» [1].

Адносна саміх змен, прадугледжаных Законам, і ўплыву іх на працэс функцыянавання беларускай мовы сцвярджалася наступнае:

1) змены не закранаюць асноўных прынцыпаў дзеючага правапісу;

2) яны накіраваны на тое, каб зменшыць колькасць выключэнняў і прывесці напісанне некаторых груп слоў у адпаведнасць з сучаснай моўнай практыкай, наблізіць іх да натуральнага беларускага вымаўлення;

3) змены не парушаюць традыцый пераемнасці і закранаюць невялікую колькасць слоў, большасць якіх – іншамоўнага паходжання («Такія словы звычайна знаходзяцца на перыферыі слоўнікавага складу беларускай мовы: сустракаюцца пераважна ў спецыяльных і навуковых тэкстах» [5]);

4) новая рэдакцыя правіл не патрабуе абавязковага і тэрміновага перавыдання ўсёй вучэбнай літаратуры, паколькі змяняюцца не самі правілы – крыху іншымі стануць межы распаўсюджання таго ці іншага правіла [4]; у школах літаратура будзе заменена ў працэсе натуральнага абнаўлення;

5) з 2008 г. у навучальных установах будзе дзейнічаць пераходны перыяд, у час якога абітурыентам, школьнікам, студэнтам дазваляецца пісаць як па новых, так і па старых правілах, толькі з 1 верасня 2013 г. правілы стануць абавязковымі для ўжывання ў школах, гімназіях, установах прафесійна-тэхнічнай, сярэднеспецыяльнай і вышэйшай адукацыі;

6) тыя, хто даўно адвучыўся, з лёгкасцю засвоіць нешматлікія змяненні ў працэсе карыстання мовай («Дастаткова будзе проста пачытаць тэксты, напісаныя з улікам новаўвядзенняў. Аднак увядзенне гэтых правілаў вельмі важнае для школьнай практыкі, таму што дазволіць <...> спыніць той арфаграфічны разнабой, які сёння існуе на старонках беларускамоўных выданняў. Асабліва тых, што адрасаваны сярэдняй школе. Бо гэта не справа вучня і настаўніка – вызначаць, у якім з выданняў напісана правільна. Мы павінны верыць таму, што напісана, і ёсць такая традыцыя, што ў друкаваных тэкстах прадстаўлена ўзорная мова. Таму неабходна, каб нормы для іх былі адзінымі. І ў гэтым я таксама бачу карысць увядзення новай рэдакцыі правілаў беларускай арфаграфіі і пунктуацыі ў выглядзе закона» [5]);

7) школьнікам спасцігаць беларускую мову стане значна лягчэй: не патрэбна будзе завучваць безліч выключэнняў.

Меркаванні інтэрнэт-карыстальнікаў. Найбольшая колькасць выказванняў падчас абмеркавання правіл арфаграфіі датычылася не столькі правапісу і сутнасці Закона, колькі адносінаў да беларускай мовы і яе носьбітаў (каля 60 % агульнай колькасці выказванняў). Сярод аўтараў такіх каментарыяў самай шматлікай (каля 80 %) аказалася група карыстальнікаў, жыццёвае крэда якой – грэблівае стаўленне да беларускай мовы, перакананне, што мова тытульнай нацыі мёртвая і несамастойная («помесь украинского и русского» [7]), што вывучаць яе няма ніякіх падстаў. Вось толькі некалькі ўзораў адпаведных рэплік: *Полный бред эти новые правила. Белорусский язык и так мало людей знало, а теперь его вообще никто не будет знать. Кому это было нужно, не понятно¹; Хорошо что меня этот вопрос с языками не касается – по национальности я русский и говорю на том языке, на котором мне удобнее. <...> Никогда не любила белорусский язык – терпеть не могу на нем говорить <...> так что эти правила не для меня...* [8]; *Ай! як пісаў, так і буду пісаць* [9]; *Сугубо фиолетово, как все это пишется – уже давно не воспринимаю белорусский язык как таковой; С практической точки зрения сегодня целесообразней хорошо знать не белорусский язык, а английский... Английский знаю лучше белорусского, и такое развитие меня куда больше устраивает; Когда язык мертвый, и самостоятельно не развивается, его пытаются реанимировать любыми способами; Буря в стакане воды. Что-то придумывают свядомые, придумывают, а вся страна как говорила по русски, так и будет говорить* [7]; *Да боже упаси. И под пулеметом не буду на белорусском разговаривать...* [10]; *Я, конечно, в повседневной жизни белорусским языком не пользуюсь, мама русская, и в семье говорили на русском языке, но когда в троллейбусе диктар говорит «граждане пассажиры будце узаема вежливы и уступайце месца пассажирам старшага узросту» меня это коробит!* [1].

Як своеасаблівая рэакцыя на падобныя выказванні ў інтэрнэт-прасторы прысутнічаюць спробы пераканаць агрэсіўна настроеных грамадзян у тым, што да нацыянальнай мовы свайго краю трэба адносіцца з павагай (каля 20 % каментарыяў). У якасці аргументаў прыводзіліся традыцыйныя звароты да вопыту іншых народаў і ўказанні на тое, што наша мова можа быць ключом да разумення многіх славянскіх моў: *Читаю комментарии и поражаюсь, как народу наплевать на свой родной язык. Много общалась с представителями Балкан, и они настолько трепетно к своим языкам относятся (хотя они тоже между собой очень похожи), что за них только порадоваться можно. И между прочим, зная белорусский, можно спокойно понимать польский, украинский и многие другие языки, в то время как русский не дает этих преимуществ. Хотя я в школе недолюбливала уроки белорусского языка и лит-ры, теперь спустя некоторое время убеждена, что надо все школы постепенно переводить на белорусское обучение. Язык – это национальное самосознание. Почему литовцы говорят на литовском, латыши на латышском, поляки на польском, чехи на чешском, украинцы на украинском, а белорусы на русском... И даже не прилагают усилий, чтоб получше узнать свой язык... Не думаю, что для белорусов*

¹ Тут і далей каментарыі прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала. – У. К.

национальное самосознание должно быть связано с «великой и могучей» Российской империей. Время задуматься [7].

Ацэнцы Закона прысвечаны каля 40 % выказванняў сярод допісаў-абмеркаванняў. Аналіз гэтай інфармацыі дазволіў акрэсліць тры асноўныя групы насельніцтва, разважаючы якіх могуць службыць паказчыкамі беларускай грамадскай думкі адносна арфаграфічнай праблематыкі ў першыя дзесяцігоддзі XXI ст.

Да першай, самай шматлікай групы (каля 60 %), адносяцца тыя, хто адмоўна ставіцца да Закона. Іх аргументы наступныя.

1. Прыняцце Закона – несвоечасовая акцыя, паколькі любыя змены ў беларускай мове варта распачынаць толькі пасля надання ёй паўнаважных дзяржаўных функцый у сучасным грамадскім жыцці Беларусі: *Не тем занимается, занимается созданием видимости активной деятельности <...> а надо продвигать белорусский язык, расширять сферу его применения...* [10]; *Нужна сначала гаварыць па-беларуску, а потым ужо правіла змяняць* [10]. Так думаюць каля 10 % удзельнікаў абмеркавання на інтэрнэт-пляцоўках.

2. У Законе засталіся выключэнні, а асобныя правілы з'яўляюцца не зусім лагічнымі, не спрашчаюць напісанне і не цалкам адлюстроўваюць асаблівасці вымаўлення. Такого меркавання прытрымліваюцца каля 45 % інтэрнэт-карыстальнікаў: *Новый закон уже плох хотя бы потому, что в нем опять остались исключения из правил. А часто употребляемая фраза «у інших выпадках напісанне слоў вызначаецца па слоўніку» показывает всю бессмысленность «новой» реформы. Это скорее политический акт, чем желание устроить «беларускі правапіс»* [9]; *Идея сделать проще – правильная. Но в чем простота? Писать сначала «цяньшань» с мягким на конце, а потом «цяньшански» – без оного. Про «субинспектора» и говорит нечего, это усложнение, а не упрощение, если «інспектар», то должен быть «субінспектар», без всяких изменений; New-York должен быть именно Нью-Йорком, Ёрк и Йорк – это все-таки разное произношение... Я не скоро привыкну к слову Нью-Ёрк; Каждый школьник может и знает, что если звуки З и С стоят перед мягкими согласными то произносит их нужно мягко, но никто так не говорит – послушайте радио, послушайте новости по БТ – никто не смягчает, в результате ихний белорусский очень похож на русский с белорусским акцентом (на трясняку)* [10].

3. Каля 20 % асоб лічаць, што новыя правілы будуць прычынай частага парушэння арфаграфічнага рэжыму і значна знізяць зацікаўленасць абітурыентаў здаваць цэнтралізаванае тэсціраванне па беларускай мове: *А мне интересно, что делать студентам – заочникам:))))))))) и как сдавать экзамены и контрольные, ведь получается самостоятельное изучение...* [7]; *Эти правила сделали государственным языком трясняку* [1]. Журналістка В. Чайкоўская адзначала: *Насцярожвае ў гэтай сітуацыі яшчэ большая магчымая блытаніна ў правапісе. Яе мы альбо пераможам (вельмі спадзяюся!) праз некалькі гадоў, альбо заблытаемся канчаткова... Але найбольш насцярожвае тое, што новая рэдакцыя Правіл і звязаная з ей блытаніна ў найбліжэйшыя некалькі гадоў можа знізіць зацікаўленасць абітурыентаў у здачы цэнтралізаваных тэстаў па беларускай мове* [5].

Статыстыка абітурыентаў, зарэгістраваных здаваць беларускую і рускую мовы з 2011 па 2015 г., паводле матэрыялаў Рэспубліканскага інстытута кантролю ведаў, на жаль, пацвярджае насцярожанасць журналісткі (гл. табліцу).

Колькасць зарэгістраваных удзельнікаў цэнтралізаванага тэсціравання па беларускай і рускай мовах
The number of registered participants on Belarusian and Russian languages centralized testing

Прадмет	Год				
	2011	2012	2013	2014	2015
Беларуская мова	53 167 (35,5 %)	45 199 (32 %)	33 564 (28,6 %)	26 000 (24,8 %)	24 020 (23,7 %)
Руская мова	96 591 (64,5 %)	95 896 (68 %)	83 829 (71,4 %)	78 959 (75,2 %)	77 287 (76,3 %)
Усяго	149 758	141 095	117 393	104 959	101 307

4. Каля 11 % удзельнікаў абмеркавання атаясамліваюць Закон са сродкам уздзеяння на асоб, што пішуць па-беларуску: *Сэнс закону ў тым, каб баяліся пісаць па беларуску, бо за памылкі, я не кажу пра крамольную тарашкевіцу, цябе пасодзюць* [9]; *Цікава, што нягледзячы на тое, што ў краіне <...> існуе дзве мовы – адказнасць, па закону, за няправільнае выкарыстанне мовы будуць несці толькі беларускамоўныя... А «рускоязычные» і надалей могуць размаўляць «па-руску» – «жэсть», «братан», «пацаны», «меня улыбло», «я сфоткался», «не грузі мяня»...* [1].

5. Нешматлікая група карыстальнікаў інтэрнэту (каля 9 %) схільныя расцэньваць Закон як кіраўніцтва да дзеяння, каб увогуле не вывучаць беларускую мову, бо ў ёй няма стабільных правіл, а гэта прычына шматлікіх памылак: *Па-мойму, зрабілі ўсе для таго, каб здавалася, што ніякіх правіл увогуле не існуе, «як чуеш, так і піша»... Тады навошта ўвогуле вучыць [4]; Я змагла вывучыць мову і без удасканаленняў. Калі хочаш – вывучыш, не хочаш – ніякія ўдасканальванні не дапамогуць... Толькі перакрэслілі якое-небудзь жаданне вучыць у школьнікаў... На наступны год усе здаюць рускую... там менш выбрыкаў [4]; Цярпець ад такіх эдыктаў будуць старшакласнікі: «Не вывучыў новыя правілы – ніжэй бал, мені шанцаў наступіць у ВНУ». Вось хто рэальныя ахвяры гэтага вынаходжання [1].*

6. Закон быў непатрэбны, бо ўскладніў працу настаўнікаў беларускай мовы, прадвызначыў новыя фінансавыя расходы на перавыданне школьнай літаратуры: *Я как учитель белорусского языка возмущена реформой в области орфографии... Только подумайте, что теперь делать со всей литературой, изданной на белорусском языке, а учителя – теперь им надо переучиваться?! спустя столько лет!!! Да и вообще, это просто глупо [10]; Слышал об этом еще раньше... Знаете, никому это и не надо. Все все усложняют, как и всегда [9]; Вот уж не думала, что придется снова сесть за парту [7].* Падобных думак прытрымліваюцца каля 5 % аўтараў каментарыяў.

Да другой групы (каля 30 %) адносяцца асобы, якія станюцца ацанілі Закон. Гэта катэгорыя інтэрнэт-карыстальнікаў лічыць змены своечасовымі, узважанымі, патрэбнымі, скіраванымі на спрашчэнне правапісу і беларускай мовы. Тут адчуваецца зацікаўленасць і пэўны прафесіяналізм, бо асобныя допісы змяшчаюць слушныя прапановы і пажаданні: *Добра змянілі. Каб яшчэ размаўляць пачалі на роднай мове... Такі ўказ трэба прынімаць [10]; Дарэмна хвалюецца. На мой погляд, дастаткова разумныя змяненні. Ні аб якой «русіфікацыі» мовы няма, хутчэй наадварот [1]; Полностью поддерживаю!!! Изменения и так давно назрели, как-никак бел. язык отстаёт в развитии на 300 лет!!! [8]; Пяцьдзесят – вполне нормальное нововведение. Першы склад перад націскам. Нічога супраць не маю [1]; Гм, добры сьпіс (акрамя п. 8)... Я нават і не чакаў такога. Ці можа яшчэ шмат чаго ёсць, чаго тут не напісалі? Яшчэ б «ь» пасля мяккіх зычных – і было б сама тое!!! [1]; Не трэба абвінавачваць закон ці законатворцаў у тым, што некаторыя абалдуі роднай мовы не ведаюць. Я бы яшчэ на поўным сур'езе расейскую мову рэфармаваў. Вельмі многа непрайзрыстасці [1]; Насамрэч рэформа нясе шмат пазытыўных змяненняў. Гэта і «дзЯвяты-дзЯсяты» замест нелягічнага «дзЕвяты-дзЕсяты», і «ва Ўніверсітэце» замест «ва Універсітэце», і беларускае «акліматызАваць» замест пазычанага з расейскай «аклімацізІРАваць», і «гаркАм» замест расейфікаванага «гаркОму», і «Нью-Ёрк» замест не характэрнага для беларускай мовы «Нью-ЙОрку». Таксама дадам, што ў адпаведнасці з рэформай пройдзе ўпарадкаваньне напісаньня словаў «інтэрнЭт», «бізнЭс», «сЭрвіс» і г. д. (цяпер слушным лічыцца менавіта і толькі такое напісаньне). Але ёсць і хібы: напрыклад, замест таго, каб увесці лягічныя радыЮс, калегіЮм і інш. цяпер варта будзе пісаць сапраўдныя вычварэнствы – «радыЎс», «калегіЎм» і г. д. Ня зроблена нічога з пазначэньнем мяккасці ў пачатку словаў кшталту «сьнег», «сьмех» і г. д. Ня ўведзена слушнейшая, бо бліжэйшая да арыгіналу, а не да расейскага гучаньня, перадача запазычаньняў кшталту – «мэтро», «сыстэма», «пэнсія» і г. д. Ды і пашырэнне прынцыпу аканьня ў запазычаных часам ня надта дарэчнае, бо «э» бліжэйшае да арыгінальнага гучаньня [1]; Молодцы, действительно легче стал язык. Вот только беда: что мне делать со знаниями, которые остались от школы? И жаль, что мало кто это оценит. Все мои друзья и знакомые отзываются о белорусской мове как о чем-то противном и ненужном. А белорусская мова занимает десятку красивейших языков мира (Если ошибаюсь, извините). Будь моя воля я бы оставил белорускую мову как единственный государственный язык. Но при этом школы с русскоязычным обучением я не трогал – это право школьников и родителей на каком языке учиться. Но в остальном – чисто белорусская мова [10].*

Да трэцяй групы (каля 10 %) адносяцца асобы, якія не зразумелі не толькі філасофію новаўвядзенняў, але і падставы прыняцця Закона: *А смысл, с таким же успехом можно корректировать правописание латинского языка. На белорусском языке практически никто не разговаривает и не пишет. Разве только школьники на уроках и дикторы на радио, да и то с грубыми ошибками, если в прямом эфире и без бумажки; Толькі адно клапоціць: чаму рэформу беларускай мовы ажыццяўляюць тыя, хто ёю не карыстаюцца [10]; Это как можно было нахомутать в родном языке, чтобы затем 2 года его переучивать. Как оказалось, на сегодняшний день лишь десяток писателей страны ведають родную мову, вернее инородную, придуманную ими же под заказ. Все остальные жители будут изучать этот иностраный язык и называть его родным [1]; На погляд маіх настаўнікаў, ды і сама я прытрымліваюся такога меркавання, што проста навукоўцам трэба паказаць, што яны чымсьці займаюцца. Ну няхай пабалуюцца... а пасля будуць крычаць: «Мова ў заняпадзе. Ратуйце!» А што знікае інтарэс. Не вінаваты мы... ПРАГРЭС!! [4].*

Заклучэнне

Прыняцце «Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» актуалізавала грамадскую дыскусію па пытаннях функцыянавання, развіцця, прэстыжнасці беларускай мовы ў Беларусі, вынікі якой

дазваляюць з вялікай доляй верагоднасці вызначыць адносіны розных груп насельніцтва да мовы тытульнай нацыі.

Распрацоўнікі Закона прыклалі нямала намаганняў, каб пераканаць грамадства ў своечасовасці і неабходнасці праведзенага ўдасканалення арфаграфічных норм. Аднак у вачах большасці карыстальнікаў інтэрнэту (і не толькі іх) праведзеныя ўдакладненні суадносяцца з рэформай, і не толькі арфаграфіі, але і ўсёй беларускай мовы. Гэта сведчыць пра аматарскую лінгвістычную кампетэнтнасць многіх радавых асоб, што прынялі ўдзел у абмеркаванні, а яшчэ пра частковы недавер да прыведзеных ініцыятарамі аргументаў наконт перспектывнасці новаўвядзенняў для захавання арфаграфічнага рэжыму і павышэння іміджу беларускай мовы ў жыцці сучаснага грамадства.

Негатыўнае стаўленне да Закона з боку беларускамоўных прадстаўнікоў грамадства, думаецца, з'ява часовая. Яна абумоўлена непрацяглым дыскамфортам, выкліканым новымі правіламі, якія прымушаюць моўцу да загалоска не прадугледжанай інтэлектуальнай працы па запамінанні новых фармулёвак, штохвіліннага кантролю за напісаным і ў выніку – запавольвання тэмпу фіксацыі думак. Пры пастаянным выкарыстанні беларускай мовы ў паўсядзённых пісьмовых і вусных зносінах, як паказвае практыка, такі бар'ер хутка пераадолюецца. Аднак зусім няпроста з ім будзе справіцца, калі пісаць па-беларуску прыходзіцца нячаста.

Выяўлена, што асобы, якія становяцца ацанілі Закон, не зусім добра пазнаёміліся з прынятымі інавацыямі. Напрыклад, напісанні *радыўс*, *калегіўм*, раскрытыкаваныя ўдзельнікамі дыскусіі, не прадугледжаныя новымі правіламі беларускай арфаграфіі. Тым не менш асобныя заўвагі, крытычныя меркаванні выразна засведчылі, што прыняты Закон патрабуе элементарнай карэктарскай вычыткі і выпраўлення некаторых лагічных недакладнасцей, удасканалення зацверджаных фармулёвак.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Радков: На адаптацию к новым правилам языка – два года // TUT.BY. Белорусский портал. 2008. URL: <http://news.tut.by/society/114181.html> (дата обращения: 15.05.2014).
2. Прафесар Іўчанкаў: У законе аб правапісе памылак няма – толькі адрукоўкі // TUT.BY. Беларускі партал. URL: <http://news.tut.by/society/196424.html> (дата звароту: 15.05.2014).
3. Заўтра тваёй краіны [Электронны рэсурс]. URL: http://www.zautra.by/cont/print.php?sn_nid=4871 (дата звароту: 16.09.2009).
4. Новыя правілы чакаюць каментарыяў // Звязда [Электронны рэсурс]. URL: <http://old.zviazda.by/ru/archive/article.php?id=17004&idate=2008-08-16> (дата звароту: 06.05.2014).
5. Вучымся пісаць па-новаму за тры гады, або НонсЭнс ва Ўніверсітэце // Звязда [Электронны рэсурс]. URL: <http://old.zviazda.by/ru/archive/article.php?id=64548&idate=2010-08-21> (дата звароту: 06.05.2014).
6. Вучымся правільна гаварыць па-беларуску [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.belarus-mtz.by/?p=9859> (дата звароту: 06.05.2014).
7. К чому прывели изменения в белорусском языке // Open.by [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.open.by/country/37113/> (дата звароту: 05.05.2014).
8. Новые правила белорусского языка // Minsklife [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://Minsklife.net/showthread-t_7169.html (дата обращения: 05.05.2014).
9. О правилах белорусской орфографии и пунктуации // Гродненский форум [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://forum.grodno.net/index.php?topic=29121.0> (дата обращения: 15.05.2015).
10. Писать по-белорусски станет проще // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.kp.by/daily/24545/723290/> (дата обращения: 25.10.2014).

References

1. [Radkov: there are two years for adaptation to new spelling rules]. 2008. URL: <http://news.tut.by/society/114181.html> (date of access: 15.05.2014) (in Russ.).
2. [Professor Iuchankau: there are no mistakes in the spelling law – only misspellings]. URL: <http://news.tut.by/society/196424.html> (date of access: 15.05.2014) (in Belarus.).
3. [Tomorrow of your country]. URL: http://www.zautra.by/cont/print.php?sn_nid=4871 (date of access: 16.09.2009) (in Belarus.).
4. [New rules are waiting for the comments]. URL: <http://old.zviazda.by/ru/archive/article.php?id=17004&idate=2008-08-16> (date of access: 06.05.2014) (in Belarus.).
5. [Learning new spelling in three years, or NonsEne at University]. URL: <http://old.zviazda.by/ru/archive/article.php?id=64548&idate=2010-08-21> (date of access: 06.05.2014) (in Belarus.).
6. [Learn how to speak Belarusian correctly]. URL: <http://www.belarus-mtz.by/?p=9859> (date of access: 06.05.2014) (in Belarus.).
7. [What did changes in the Belarusian language cause?]. 2010. URL: <http://www.open.by/country/37113/> (date of access: 05.05.2014) (in Belarus.).
8. [New rules of Belarusian spelling]. 2006. URL: http://Minsklife.net/showthread-t_7169.html (date of access: 05.05.2014) (in Russ.).
9. [Some information about Belarusian spelling and punctuation rules]. 2008. URL: <http://forum.grodno.net/index.php?topic=29121.0> (date of access: 15.05.2015) (in Russ.).
10. [Writing in Belarusian will be easier]. 2010. URL: <http://www.kp.by/daily/24545/723290/> (date of access: 25.10.2014) (in Russ.).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 02.05.2017.
Received by editorial board 02.05.2017.

ФУНКЦИИ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. НАБОКОВА

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

В аспекте идиостиля рассматривается смыслообразовательная нагрузка в художественном тексте косвенных речевых актов, включенных в речь персонажей. Исследуются функции четырех наиболее частотных классов косвенных речевых актов – директивов, репрезентативов, экспрессивов и контактивов – на материале русскоязычных произведений В. В. Набокова. В рамках каждой группы косвенных речевых актов выделяется ряд номинаций речевых интенций, формирующих значение высказываний. Доказывается, что важнейшими стилистическими функциями не прямых высказываний являются создание художественного образа персонажа, реализация ключевых идей произведения, выражение не прямой авторской оценочности, импликация сюжетобразующего события. Отмечена особая роль косвенных репрезентативов в речи персонажей – выражение наиболее значимого в системе ценностей В. В. Набокова. Утверждается, что специфической функцией косвенных контактивов является введение в текст В. В. Набоковым импликаций сюжетобразующих событий. Указывается, что в творчестве В. В. Набокова создан особый социально-психологический тип персонажей, в формировании языковых личностей которых ключевую роль играет не прямая коммуникация.

Ключевые слова: косвенный речевой акт; языковая личность персонажа; художественный образ; косвенные коммуникативные единицы; директивы; репрезентативы; экспрессивы; контактивы; не прямая авторская оценочность.

FUNCTIONS OF THE INDIRECT SPEECH ACTS IN V. V. NABOKOV'S WORKS

N. A. MIKHALCHUK^a

^aMogilev State A. A. Kuleshov University, Kasmanautai Street, 1, 212022, Mogilev, Belarus

The article considers the sense-making load of indirect speech acts, included in the speech of personages of a literary text in the aspect of idiostyle. On the grounds of the analysis of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works the idiostyle features of the writer's prosaic works are revealed. The creation of a special socio-psychological type of characters, in the formation of whose language personalities indirect communication plays the key role, is pointed out. The author proves that the most significant stylistic functions of indirect speech acts include the creation of the artistic image of a character, the realization of the messages of a literary work, the expression of the indirect author's evaluation, the implication of the plot-making event. A special role of the indirect representatives in the characters' speech which is the expression of the most important in Nabokov's system of values is noted.

Key words: indirect speech act; language personality of the character; artistic image; indirect communication units; guidelines; representations; expressives; contactives; indirect author's evaluation.

Образец цитирования:

Михальчук Н. А. Функции косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 78–85.

For citation:

Mikhalchuk N. A. Functions of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 78–85 (in Russ.).

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Natalia Mikhalchuk, senior lecturer at the department of general and Slavic linguistics, faculty of history and philology.
n-mikhalchuk@list.ru

Академик В. В. Виноградов, ставивший фундаментальную задачу исследования языка художественной литературы во всем его многообразии, подчеркивал, что в художественном произведении языковые формы осложняются «контекстом литературы, литературной школы, жанра, своеобразными приемами литературных композиций» [1, с. 19]. Отправной точкой в изучении языка художественной литературы для В. В. Виноградова была индивидуальная языковая структура, опираясь на анализ которой исследователь пришел к углубленному пониманию и обновленной интерпретации художественного образа. Важнейшим открытием ученого стала идея о взаимодействии в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора [1; 2].

Вслед за В. В. Виноградовым изучение языковой личности персонажа и соотнесение ее с целостным художественным образом продолжил Ю. Н. Караулов. В работе «Русский язык и языковая личность» исследователь сделал вывод о возможности и закономерности перехода от содержания языковой личности к содержанию художественного образа, в основе которого лежит духовный мир индивидуума [3, с. 71]. Духовность опредмечивается в речевых поступках человека, его языковом поведении, т. е. в текстах, которые он создает. Одной из самых существенных особенностей художественного текста как единицы коммуникации является его абсолютная антропоцентричность, что определяется взаимодействием адресанта-автора с адресатом-читателем, осуществляемая через систему создаваемых писателем действующих лиц.

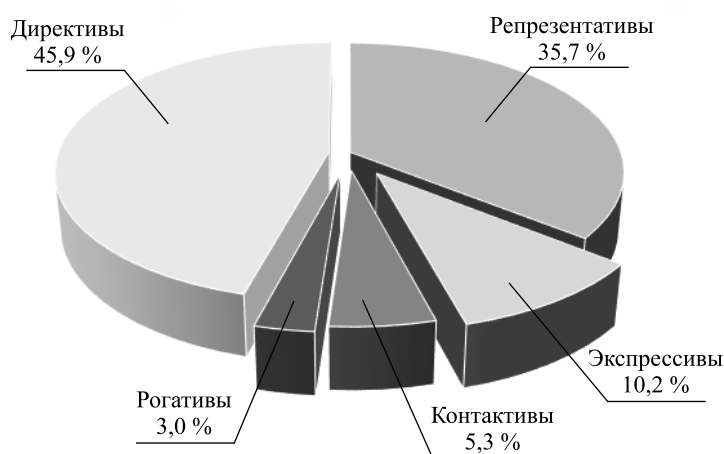
Понятие «содержание художественного образа» является многоплановым. Исследователь М. Б. Храпченко выделил четыре сферы раскрытия художественного образа: отражение и обобщение существенных свойств, черт действительности, представлений человека о мире, раскрытие сложности духовной жизни людей; выражение эмоционального отношения ко всему, что служит объектом творчества; воплощение идеала, совершенства, красоты жизни, природы, воплощение эстетической значимости предметного мира; внутренняя установка на восприятие читателем [4, с. 79–80].

Роль косвенных коммуникативных единиц в создании художественного образа различна и зависит от того, в какой план коммуникации художественного текста они включены. Так, в коммуникации литературных персонажей косвенные высказывания характеризуют героя как языковую личность, помогают очертить его речевой портрет, способствуют выявлению авторского отношения к нему и участвуют в формировании художественного образа, воссоздают его духовный облик. Косвенные коммуникативные единицы, выполняющие эту функцию, широко представлены в романах В. В. Набокова «Защита Лужина», «Отчаяние», «Машенька», пьесе «Человек из СССР».

Будучи включенными в коммуникативный план *автор – читатель*, косвенные высказывания не только исполняют функцию характеристики образов персонажей, но и способствуют реализации основного конфликта, ключевых идей, метафор произведения, главных особенностей поэтического мира писателя. Данная функция значима в романах В. В. Набокова «Машенька» и «Приглашение на казнь». В некоторых случаях ее могут выполнять и речевые акты, включенные в коммуникацию литературных персонажей, например реплики Ардалиона в романе «Отчаяние», выражающие ключевую идею произведения, не прямые высказывания палачей Цинцинната в произведении «Приглашение на казнь», несущие ту же стилистическую нагрузку.

В качестве теоретической основы исследования мы используем деление речевых актов на семь классов, предложенное Н. И. Формановской и являющееся таксономией первичного членения речевых актов Дж. Серля: 1) репрезентативы – сообщения; 2) комиссивы – обязательства; 3) директивы – побуждения; 4) рогативы – вопросы; 5) декларативы – объявления (декларации); 6) экспрессивы – выражения эмоций; 7) контактивы – выражения речевого этикета [5].

Все перечисленные типы речевых актов могут выражаться прямым или косвенным способом. В данном исследовании анализу подлежит группа косвенных высказываний (нами проанализированы 266 соответствующих единиц). Косвенный речевой акт мы понимаем как высказывание, в котором наблюдается хотя бы малейшее расхождение между формой и прагматическим содержанием. Соотношение типов косвенных речевых актов в русскоязычных произведениях В. В. Набокова представлено на рисунке.

Типы косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова
Types of indirect speech acts in V. V. Nabokov's works

1. Косвенные директивы (побуждения). Анализ фактического материала показал, что самой частотной в русскоязычных произведениях В. В. Набокова является группа косвенных директивов. Это связано с национальной спецификой русской речевой коммуникации, в которой побуждения к действию, в соответствии с правилами речевого этикета, чаще всего выражаются в косвенной форме (Н. Д. Арутюнова, В. В. Дементьев, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев). Группа косвенных директивов в произведениях В. В. Набокова включает ряд номинаций речевых интенций, которые служат побудительной силой к производству речевого акта и формируют значения речеактовых высказываний. Таким образом, в содержание языковых директивов, помимо логического наполнения языковой категории, может входить целый ряд дополнительных коммуникативно-прагматических значений, которые наслаиваются на первичное значение высказывания. В рамках группы косвенных директивов мы выделяем следующие подгруппы:

а) просьба (72 % примеров директивов):

– ...я готов был на все, на самую отвратительную пытку, – но я должен был хоть раз ее поцеловать.

– *Почему вы сопротивляетесь?* – лепетал я. – *Что вам стоит? Для вас это маленький акт милосердия, а для меня – все!*¹ [6, с. 341] (вопрос – просьба; сообщение – просьба);

«Лева, вот я уже в Полтаве целую неделю, скука адская. Не знаю, увижу ли я вас еще когда-нибудь, но мне так хочется, чтобы вы все-таки не забывали меня» [1, с. 95] (сообщение – просьба);

б) запрет (4 %):

«Но если, – сказал Дарвин, – ты когда-нибудь пойдешь опять в эту скверную и дорогую кондитерскую, то знай: ты из университета вылетешь. Эта особа может зачать от простого рукопожатия, – помни это» [6, с. 226] (сообщение – запрет);

«Я вас перестану любить, – говорила невеста, – если вы будете вспоминать о шахматах, а я вижу каждую мысль, так что держитесь» [6, с. 94] (сообщение – запрет (шутливый));

в) предложение (18 %):

– *Хотите сперва в шахматы? Али в картишки? В якорек умеете? Знатная игра!* [7, с. 79] (вопрос – предложение; макроречевой акт включает три вопросительных предложения);

– ...вы, может, желали бы иметь в печатном виде речи, произнесенные на суде? [7, с. 20] (вопрос – предложение);

г) упрек (4 %):

«А кто забыл на ночь часы завести? – засмеялась жена, слегка тормоша его за полную белую шею. – Так можно проспать всю жизнь» [6, с. 139] (вопрос – упрек (шутливый));

«...Скажите, Лева, ведь смешно вам теперь вспоминать ваши слова, что любовь ко мне – ваша жизнь, и если не будет любви, – не будет и жизни...» [8, с. 97] (просьба – вопрос – упрек);

д) приглашение (2 %):

«Вы должны непременно навестить нас на обратном пути», – поспешно и громко прервала Лужина [6, с. 129] (сообщение – приглашение);

«Не целуйте, перчатка грязная», – сказала Лужина и спросила у Алферовой, с улыбкой глядя на ее прелестное, всегда оживленное лицо, почему она никогда не зайдет [6, с. 118] (вопрос – приглашение).

В русскоязычных произведениях В. В. Набокова выделяются две основные стилистические функции косвенных директивов: воссоздание внутреннего мира, духовного облика персонажа и реализация ключевых идей произведения. Рассмотрим использование косвенной просьбы в следующем фрагменте текста.

Зима была в тот год белая, петербургская. Лужину сшили ватное пальто. Нищим русским были выданы некоторые старые лужинские вещи, – между прочим зеленое шерстяное кашне швейцарского происхождения. <...> В прихожей висел обреченный пиджак. «Он такой комфортабельный, – взмолился Лужин, – такой чрезвычайно

¹ В примерах полужирным курсивом выделены речевые акты с указанной интенцией. Выделение отсутствует, если соответствующую интенцию выражает вся приведенная фраза. – Н. М.

комфортабельный». – «Оставьте, – сказала жена из спальни. – Я его еще не осмотрела. Он, вероятно, кишит молю»». Лужин снял смокинг, который примерял, чтобы посмотреть, не очень ли он располнел за последний месяц (располнел, располнел, – а завтра большой русский бал, благотворительное веселье), и с любовью влез в рукава обреченного. Милейший пиджак, никаких молей нет и в помине. Вот только в кармане дырка, но не насквозь, как иногда бывало. **«Чудно»**, – крикнул он тонким голосом. Жена, с носком в руке, выглянула в прихожую. «Снимите, Лужин. Он же рваный, пыльный. Бог знает, сколько лежал». – «Нет, нет», – сказал Лужин. Она осмотрела его со всех сторон; Лужин стоял и хлопал себя по бедрам, и между прочим почувствовал, что как будто есть что-то в кармане, сунул руку – нет, ничего, только дыра. «Он очень дряхлый, – проговорила жена, поморщившись, – но может быть, как рабочая куртка...» – **«Умоляю»**, – сказал Лужин. «Ну, Бог с вами, – только дайте потом горничной хорошенько выколотить» [6, с. 113] (сообщение – просьба; параметры коммуникативной ситуации: разговор супругов).

Просьба формулируется Лужиным в косвенной и прямой формах. Косвенная реализация просьбы представляет собой макроречевой акт, состоящий из двух ситуативно-контекстуальных косвенных речевых актов (он такой комфортабельный, такой чрезвычайно комфортабельный, чудно). Подобная форма высказывания помогает Лужину отстоять свою точку зрения, не допуская при этом речевой агрессии. Стратегия побуждения к действию осуществляется посредством речевой тактики демонстрации достоинств предмета, осуществляемой вербальными и невербальными средствами. Прямой речевой акт (умоляю), следующий за косвенными, усиливает просьбу на завершающем этапе коммуникации и помогает достичь коммуникативную цель.

Говорящий (Лужин) использует косвенные речевые акты в рамках семейного, нецеремонного этикета, в котором, согласно концепции П. Браун и С. Левинсона, допускается прямое выражение волеизъявления. Данная особенность коммуникации в романе выступает в роли стилистического средства, воссоздает внутренний мир «человека иного измерения, несовместимого ни с кем и ни с чем» [6, с. 59].

Этот социально-психологический тип является ключевым открытием В. В. Набокова. Применительно к русскоязычным романам писателя исследователь Е. С. Данилова обосновывает целесообразность использования термина «метароман» [9]. Для данного жанра характерны единые структурные принципы организации: общий речевой облик повествователя, система интертекстуальных лейтмотивов, объединенных игровым принципом. Подчеркнем, что в повествовательной системе метаромана все тексты, включенные в него, выделяются также схожим образом главного героя.

Особенность коммуникативного поведения собирательного героя набоковского метаромана – «нездешность», т. е. существование в своем идеальном мире: это может быть мир шахмат (Лужин), первой любви и связанных с ней рефлексий (Мартын), мир прошлого в России и первой любви (Ганин) или творчества (Годунов-Чердынцев, Цинциннат). Важной характеристикой этого героя является также нежелание отказываться от психологической защиты своей личности и вступать в коммуникацию с окружающими людьми, а порой и неумение или невозможность поддерживать ее на должном уровне, отсутствие коммуникативной компетенции. «Инаковость» главного героя обуславливает и оппозицию двух художественных уровней бытия – реального и идеального, являющихся важным свойством хронотопа набоковского метаромана.

Наиболее отчетливо социально-психологический тип одиночки, человека-творца, чужого всем окружающим (открытие В. В. Набокова), проявляется в романе «Защита Лукина», который Е. С. Данилова называет «ценностным центром метаромана» [9, с. 20]. Именно в речи Лукина косвенные коммуникативные единицы и значения, которые они несут, являются доминантными. Косвенность в речи Ганина, Мартына, Цинцинната также доминирует и возникает как следствие ложной вежливости, нежелания или невозможности поддерживать коммуникацию.

Косвенные директивы у В. В. Набокова могут создавать как положительную, так и пейоративную характеристику героя. Сравним примеры их использования в речи матери Мартына в романе «Подвиг» и матери Лужиной в произведении «Защита Лукина»:

«Остался бы дома, – сказала она, когда Мартын с ней поравнялся, – ну, что тебе ехать...» [6, с. 279] (сообщение – просьба);

«Выйти замуж за первого встречного прохвоста», – обиженно начала она [6, с. 66] (сообщение – упрек).

Косвенный речевой акт просьбы в первом случае характеризует говорящего – мать Мартына – как личность чуткую, деликатную, которой свойственно желание не обидеть собеседника – своего сына. Показательно, что религиозное кредо Мартына, являющееся, по мнению В. Ерофеева, «свидетельством религиозных размышлений Набокова» [10, с. 22], привито ему матерью. Софья Дмитриевна – один из

тех персонажей, чьи принципы наиболее близки системе ценностей писателя, героиня находится в одной плоскости с автором [11, с. 311].

Во втором примере косвенный директив является средством характеристики человека грубого, бескультурного, происходящего из мещанской среды. В то же время через косвенный речевой акт раскрывается не прямая авторская оценочность героя и его системы ценностей. Прямой речевой акт в этом случае был бы «иллокутивным самоубийством» (понятие, предложенное З. Вендлером). Персонаж надевает своеобразную маску, скрывая под приемлемой формой неблагоприятное в своей натуре. Однако косвенная форма высказывания, выполняя стилистическую функцию, в этом контексте не переводит общение в русло вежливого разговора.

Как отмечает М. М. Бахтин, «все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения (и авторской речи). Но плоскости речей персонажей и авторской речи могут пересекаться, то есть между ними возможны диалогические отношения» [11, с. 311]. Второй персонаж и автор находятся в разных плоскостях, но герой является объектом авторского отношения и оценки. При помощи имплицитных смыслов В. В. Набоков дает скрытую, завуалированную оценку своим персонажам или явлениям действительности.

Косвенные директивы используются с другой стилистической задачей в следующих фрагментах романа «Приглашение на казнь»:

– ...Во всяком случае, милый мой сосед, буду пользоваться разрешением приходить к вам часто, часто, – если, конечно, вы мне разрешение даете, – а ведь вы мне даете его, – правда? [7, с. 49–50] (сообщение – просьба; вопрос – просьба);

– **Кстати, я давно хотел вас пожурить за ваше отношение к здешней жизни. Нет, вы не отмахивайтесь, разрешите мне на правах дружбы...** [7, с. 63] (сообщение – упрек; параметры коммуникативной ситуации: разговор тюремщиков с заключенным Цинциннатом в камере в ожидании казни).

Преувеличенная вежливость косвенных побуждений в этих контекстах характеризуется несоответствием коммуникативной ситуации и становится издевательством, насмешкой, пыткой для адресата-персонажа. Стилистической функцией косвенных директивов является усиление ощущения абсурда, «комического кошмара» действительности. На коммуникативно-прагматическом уровне писателем реализуется ключевая идея романа-антиутопии.

Рассмотренные примеры косвенных директивов следует отнести к текстообразующим непрямым высказываниям, интерпретация которых является значимой для понимания идейно-художественного замысла произведения в целом.

2. Косвенные репрезентативы (сообщения). С несколько меньшей регулярностью, чем косвенные директивы, в произведениях В. В. Набокова встречаются косвенные репрезентативы. Их использование связано со стремлением автора к не прямой оценочности, выражению собственной системы ценностей через высказывания персонажей:

«Такие лица, значит, встречаются редко, вы это хотите сказать?»

«**Всякое лицо – уникам**», – произнес Ардалион [12, с. 357] (сообщение – несогласие);

«Вы еще скажите, что все японцы между собою схожи. Вы забываете, синьор, что художник видит именно разницу. Сходство видит профан...» <...>

«Но согласитесь, – продолжал я, – что иногда важно именно сходство».

«**Когда прикупаешь подсвечник**», – сказал Ардалион [12, с. 357] (сообщение – несогласие).

По признаку типологического сходства с автором в духовном, интеллектуальном и моральном плане, по мнению исследователей Б. Бойда, А. Злочевской, В. Ерофеевой, персонажей в произведениях В. В. Набокова можно разделить на героев с близким к авторскому типу сознания (Годунов-Чердынцев, Цинциннат Ц., Софья Дмитриевна и др.) и персонажей с иным, чем у автора, типом сознания (Герман, Гумберт). Одной из особенностей идиостиля В. В. Набокова является введение автором в произведения персонажей, высказывания которых находятся в одной плоскости с его собственными убеждениями. В речевой характеристике этих героев косвенные репрезентативы используются со специальным стилистическим заданием – для выражения ключевых идей произведения, наиболее значимого в системе ценностей В. В. Набокова.

Метафорические сентенции Годунова-Чердынцева в романе «Дар» отражают систему взглядов на мир В. В. Набокова и не прямую авторскую оценочность:

«Я знаю, что вы меня не слушаетесь, но все-таки (и Васильев, поморщившись от боли, взялся за сердце) я как друг прошу вас, не пытайтесь издавать эту вещь, вы загубите

свою литературную карьеру, помяните мое слово, от вас все отвернутся». – «Предпочитаю затылки», – сказал Федор Константинович [12, с. 187] (сообщение – несогласие).

Другая стилистическая задача косвенных репрезентативов – изображение духовного облика героя. Обращает на себя внимание афористичность речи крестьянина Феликса в романе «Отчаяние», характеризующая его как незаурядную творческую личность, чего главный герой, не считающий Феликса человеком, не замечает:

«В настоящее время ничем помочь тебе не могу, – ответил я холодно, – но дай мне свой адрес». Я вынул записную книжку и серебряный карандаш.

Он усмехнулся: «Не могу сказать, чтобы у меня сейчас была вила. Лучше спать на сеновале, чем в лесу, но лучше спать в лесу, чем на скамейке» (сообщение – отказ (сентенционный)) [12, с. 340].

Номинации речевых интенций в рамках группы косвенных репрезентативов представлены следующим перечнем:

а) отрицание (64,2 %):

– Можно у вас посидеть немного? Мне что-то очень скучно сегодня...

«Ну, ты, брат, не вздумай со скуки ухаживать за мной», – мысленно огрызнулся Ганин, открывая дверь пансиона, и вслух ответил:

– К сожалению, я сейчас занят. В другой раз [8, с. 80] (сообщение – отказ);

б) утверждение (20 %):

– Здесь живет герр Алферов?

– Первая дверь налево, – сказал Ганин [8, с. 80] (сообщение – согласие) [8, с. 80];

в) признание (4,2 %):

«Но любишь ли ты меня?»

«То, что говорю, и есть в некотором роде объяснение в любви», – ответил Федор Константинович [12, с. 328] (сообщение 1 – сообщение 2);

«Разрешите мне признаться вам, как джентльмен джентльмену: я ведь потом узнал, что вы были не первым и не последним, и я развелся, да, я развелся» [6, с. 344] (просьба – сообщение);

г) оскорбление (4,2 %):

Любовь: Хочешь, я тебе скажу, что мне приходит иногда в голову: а что если ты феноменальный пошляк? [13, с. 361] (вопрос – оскорбление);

д) информирование (3,2 %):

Тут он сделал удивленные глаза и отпустил руку Лужиной: «Как, вы не знаете, что я теперь снимаюсь? Как же, как же. Большие роли, и во всю морду» [6, с. 137] (вопрос – сообщение);

е) утешение (2,1 %):

Ошивенская. Перемелется, душенька. Всем не сладко живется. Марочку, вашу тезку и мою внучку, тоже вот муж бросил. Значит, за то, что гражданским браком венчались. Да, житье не сладкое [13, с. 349] (сообщение – утешение);

ж) комплимент (2,1 %):

Ошивенская. Пора вам перестать хорошеть, Марианна Сергеевна: это может принят размеры чудовищные [13, с. 321] (сообщение – просьба – комплимент).

Самыми частотными являются косвенные отрицания, что объясняется стремлением персонажей снизить категоричность при отказе и несогласии, смягчить реализацию интенций, угрожающих лицу адресата.

3. Косвенные экспрессивы. К классу экспрессивов вслед за Н. И. Формановской мы относим речевые акты, представляющие собой «собственно экспрессивное выражение эмоций, оценок, отношений» [5, с. 155]. В рамках группы косвенных экспрессивов выделяется следующий набор речевых интенций:

а) неодобрение (77,8 %):

– Зачем вы все это мне рассказываете? – спросил Цинциннат. Она молчала.

– Зачем все это? [7, с. 78] (вопрос – неодобрение);

б) осуждение (11,1 %):

«Произошло, поздравляю, – сказала она в тот же вечер дочери. – Не делай невинное лицо, ты отлично понимаешь. Мы желаем жениться» [6, с. 66] (поздравление – осуждение);

в) несогласие (11,1 %):

«Ах, зачем же, вам это неинтересно. Я говорю резонные вещи, а вы раздражаетесь».
«Христос с вами, – с чего бы я стал раздражаться? Напротив, напротив...» [12, с. 410] (сообщение – несогласие (фразеологизированное)).

Все выявленные в произведениях В. В. Набокова косвенные экспрессивы передают отрицательное отношение говорящего к предмету речи. Стилистическими функциями косвенных экспрессивов являются характеристика духовного облика героя, передача его внутреннего состояния, а также непрямая авторская оценка персонажа или явления действительности.

В пьесе «Человек из СССР» одна из героинь, Марианна, с помощью косвенных экспрессивов представлена как вульгарная и взбалмошная особа, что создает еще больший контраст между ней и другой героиней – наделенной душевной тонкостью Ольгой Павловной – и усиливает образную антитезу в содержательной структуре пьесы:

Марианна (у телефона). Какая гадость! Неужели он это сказал? (Смеется.) [13, с. 323] (сообщение – неодобрение);

Марианна. Вы с ума сошли [13, с. 324] (сообщение – неодобрение);

Марианна. Ты меня с ума сведешь! (Вбегает Помощник режиссера.) [13, с. 343] (сообщение – неодобрение).

Косвенные экспрессивные речевые акты используются как средство изображения взволнованного, дискомфортного внутреннего состояния героя:

«А он, между прочим, во вторник отбывает», – произнес дядя Генрих и сунул зубочистку в жилетный карман.

«Как, уже?» – протянула Софья Дмитриевна.

«Да, уже, уже, уже», – с несвойственным раздражением сказал он и вышел из комнаты [6, с. 274] (согласие – неодобрение).

Гипертрофированные косвенные экспрессивы выражают формально гипертрофированное согласие или вопрос, а по сути – неодобрение, возмущение, гнев и печаль.

4. Косвенные контактивы. В русскоязычных произведениях В. В. Набокова косвенные контактивы составляют небольшую группу по сравнению с вышеназванными типами косвенных речевых актов. Косвенные контактивы включают следующий перечень самых частотных речевых интенций:

а) прощание (57,1 %):

«Я не знаю, как попрощаться с вами. Быть может, я поцеловала вас. Да, должно быть» [8, с. 97] (сообщение – прощание);

«Да! – резко сказал Васильев, захлопнув книгу и вдавив ее в первую попавшуюся щель: – Все на свете кончается, товарищи. Мне лично нужно завтра вставать в семь» [12, с. 48] (сообщение – прощание);

б) приветствие (21,4 %):

Таубендорф. Фу ты, как хорошо! Сколько зим, сколько лет! Больше зим, чем лет... [13, с. 318] (сообщение – приветствие);

в) благодарность (14,3 %):

«Вот вам пока что на визу, – сказал я, распахнув бумажник. – Только сделайте это медленно, а то пропьете. Завтра же утром пойдите».

«Дай лапу», – сказал Ардалион [12, с. 411] (сообщение – благодарность);

г) пожелание (7,1 %):

«Куда наш красавец едет?» – спросил Ардалион, неизвестно к кому обращаясь.

«В Дрезден», – ответила Лида. Они теперь играли в дураки.

«Мое почтение Сикстинской» [12, с. 371] (сообщение – пожелание).

Косвенные контактивы в большинстве рассмотренных примеров не представляют собой клишированные, готовые к употреблению высказывания, а прямо зависят от языковой креативности, знаний и опыта говорящего: *Дай лапу* (со значением благодарности); *Мое почтение Сикстинской*

(со значением пожелания); *На всякий случай я с вами попрощаюсь; Я не знаю, как попрощаться с вами. Быть может, я поцеловала вас. Да, должно быть; Все на свете кончается, товарищи* (со значением прощания) и др. Возможна буквализация фразеологического оборота, что в целом характерно для речевой коммуникации в драматургии В. В. Набокова: *Сколько зим, сколько лет! Большие зим, чем лет...*

Среди стилистических функций косвенных контактивов выделяется импликация сюжетобразующего события:

«*Было хорошо*». <...>

«*Вы что, Лужин, как будто прощаетесь?*»

«*Да-да, – сказал он, притворяясь рассеянным*» [6, с. 150] (сообщение – прощание).

В данном контексте косвенный речевой акт имплицитно сюжетобразующее событие – уход Лужина из жизни, о котором он посредством акта прощания предупреждает жену. На уровне коммуникации автор – читатель косвенный контактив сигнализирует читателю о предстоящем сюжетобразующем событии.

Косвенные рогативы оставляем за пределами данного исследования, поскольку их примеры в стилистическом отношении незначимы.

Основными стилистическими функциями косвенных речевых актов в русскоязычных произведениях В. В. Набокова являются характеристика внутреннего мира персонажа (выделяется во всех исследуемых группах косвенных речевых актов), реализация ключевых идей произведения (свойственна косвенным директивам и репрезентативам), импликация сюжетобразующего события (характерна для косвенных контактивов).

Важнейшей функцией косвенных речевых актов является раскрытие не прямой авторской оценочности. Косвенные директивы и экспрессивы выражают не прямую авторскую оценку, направленную на персонажей художественных произведений В. В. Набокова. Косвенные репрезентативы играют особую роль и отражают наиболее значимые ценности писателя.

Библиографические ссылки

1. Виноградов В. В. О построении теории поэтического языка. Учение о системах речи литературного произведения // Поэтика : сб. ст. Л., 1927. С. 5–25.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1930.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2014.
4. Храпченко М. Б. Язык художественной литературы // Новый мир. 1983. № 10. С. 243–255.
5. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
6. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 2 : Защита Лужина. Подвиг. Соглядатай.
7. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 4 : Приглашение на казнь. Другие берега.
8. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 1 : Машенька. Король, дама, валет. Возвращение Чобра.
9. Данилова Е. С. Поэтика повествования в романах В. Набокова: прагма-семиотический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2003.
10. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 3–32.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
12. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 3 : Дар. Отчаяние.
13. Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб., 2008.

References

1. Vinogradov V. V. [On the theory of the poetic language. Studies on the systems of speech in a literary work]. In: *Poetika: collect. articles*. Leningrad, 1927. P. 5–25 (in Russ.).
2. Vinogradov V. V. [On the language of the artistic prose]. Moscow, 1930 (in Russ.).
3. Karaulov U. N. [Russian language and language personality]. Moscow, 2014 (in Russ.).
4. Khrapchenko M. B. [The language of fiction]. *Novyi Mir*. 1983. No. 10. P. 243–255 (in Russ.).
5. Formanovskaya N. I. [Communicative and pragmatic aspects of communicative units]. Moscow, 1998 (in Russ.).
6. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 2 : [Protection of Luzhin. Feat. Spy] (in Russ.).
7. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 4 : [Invitation to a beheading. Other shores] (in Russ.).
8. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 1 : [Mashenka. King, Queen, Jack. Returning of Chobr] (in Russ.).
9. Danilova E. S. [Poetics of narration in Nabokov's novels: pragmatics and semiotics aspect] : thesis diss. ... PhD (philology) : 10.02.01. Saratov, 2003 (in Russ.).
10. Erofeev V. [Russian prose of Vladimir Nabokov]. Nabokov V. *Sobranie sochinenii* : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 3–32 (in Russ.).
11. Bahtin M. M. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986 (in Russ.).
12. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 3 : [Gift. Despair] (in Russ.).
13. Nabokov V. [Mr. Mourns's tragedy. Plays. Lectures on drama]. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.05.2017.
Received by editorial board 02.05.2017.

НЕКОТОРЫЕ СИГНИФИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЛИЦ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА, В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ВАН ВЭНЬЦЗЮАНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются лексемы, обозначающие лиц детского возраста, в современном русском и китайском языках. Предпринята попытка определить установленные в названных языках возрастные границы периода детства путем обращения к текстам Национального корпуса русского языка и Корпуса текстов китайского языка Китайского университета средств массовой информации, включающим лексемы со значениями 'младенец', 'ребенок', 'подросток'. Показано, что фрагмент языковой картины мира, который можно определить как детство, в своих основных характеристиках одинаков для русского и китайского языков, а существующие несовпадения зачастую обусловлены структурой языков, а не различиями в картинах мира народов.

Ключевые слова: возраст; детство; сигнификативные характеристики; лексемы, обозначающие лиц детского возраста; младенец; ребенок; подросток; русский язык и китайский язык.

SOME SIGNIFICATIVE CHARACTERISTICS OF LEXICAL UNITS INDICATING CHILDREN IN RUSSIAN AND CHINESE

WANG WENJUAN^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article investigates the lexical units denoting children in modern Russian and Chinese. An attempt was made to determine age limits of childhood by referring to texts which include lexemes with such meanings as 'baby', 'child', 'teenager' in the Russian National Corpus and Corpus of Chinese in the Communication University of China. The study shows that a fragment of the language worldview, which can be defined as childhood in its main characteristics is the same for the Russian and the Chinese languages. The differences are often due to the language structure rather than due to the differences in the structure of peoples' worldviews.

Key words: age; childhood; significative characteristics; lexical units indicating children; baby; child; teenager; Russian language; Chinese language.

Возраст является одним из центральных аксиологических понятий в языковой картине мира, оно изменяется во времени и по-разному представлено в национальных языках. К исследованию лексики, использующейся для обозначения человека в связи с его возрастом, ученые обратились сравни-

Образец цитирования:

Ван Вэньцзюань. Некоторые сигнификативные характеристики лексем, обозначающих лиц детского возраста, в русском и китайском языках // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 86–91.

For citation:

Wang Wenjuan. Some significative characteristics of lexical units indicating children in Russian and Chinese. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 86–91 (in Russ.).

Автор:

Ван Вэньцзюань – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. А. Кожина.

Author:

Wang Wenjuan, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. amaliarussia@mail.ru

тельно недавно: первые диссертационные исследования, в которых соответствующие языковые единицы рассматривались с позиций традиционной лексикологии, появились в русском языкознании в 1970–80-х гг. [1–3]. В течение следующих 25 лет работы в русле указанной проблематики появлялись нечасто. Достаточно редко проводились также исследования, посвященные самому периоду детства, хотя, как представляется, он чрезвычайно важен в развитии личности. Немногочисленные работы языковедов, затрагивающие данную тему, выполнены в рамках когнитивной лингвистики, которая позволяет изучить языковую ментальность, причем реализующуюся не только в литературном языке [4], но и в диалектах [5]. В некоторых работах понятие «детство» рассматривается в сравнительном аспекте на материале нескольких языков, что дает возможность сопоставить представления о данной категории носителей этих языков, например русского и немецкого [6; 7]. Однако исследования, посвященные сравнению указанного фрагмента языковой картины мира носителей русского и китайского языков, до настоящего времени не проводились.

Решение данной задачи осложняется тем, что возрастная лексика в китайском языке чрезвычайно тесно связана с этикетом, традициями, обычаями, классической литературой и древними книгами. Исследования этой группы лексики появились в китайском языкознании в 1980-х гг. [8, с. 111–116; 9, с. 55–56]. Большинство лингвистов изучают возрастную лексику в китайском языке в историческом аспекте. В некоторых научных статьях анализируются и интерпретируются распространенные в древнем китайском языке слова, обозначающие возраст и включающие в свою семантику понятие детства [10, с. 46–47; 11, с. 30]. Три публикации Цзинь Сяндун посвящены исследованию лексики со значением детства и несовершеннолетия в древнем китайском языке [12–14]. В работе Сунь Кея анализируются прилагательные, обозначающие младших по возрасту лиц [15]. Возрастная лексика рассматривалась также в некоторых небольших информативных статьях газет и журналов. Большинство таких публикаций содержат примеры и их описания [16–18]. Таким образом, систематического и глубокого исследования возрастной лексики в китайском языкознании также до настоящего времени не существует.

Сопоставление таких разных лингвокультур, каковыми являются русская и китайская, дает возможность обнаружить новые подходы к исследованию уже заявленной в лингвистике, но редко изучаемой проблемы.

Обозначения возраста в любом языке (*младенец, подросток, девочка, мужчина, старик* и др.) обусловлены делением человеческой жизни на отдельные этапы, которые и составляют сигнификативную основу семантики подобных номинаций. Несмотря на то что возрастные периоды были определены еще Пифагором в VI в. до н. э. [19, с. 77], среди ученых нет единства мнений по данному вопросу и сегодня. В различных китайских исследованиях по психологии выделяется от 7 до 10 возрастных периодов [20, с. 15–17; 21, с. 1; 22, с. 3].

Как указывал Ю. Д. Апресян, «семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п.» [23, с. 57], поэтому для построения лингвистической концепции аксиологической категории «возраст» необходимо языковое определение границ возрастных периодов, которые, однако, достаточно размыты. В связи с этим китайский исследователь Фу Хуайцин полагает, что в отношении возраста «неясность в познании человека и неясность в значениях слов должны быть объединены»¹ [24, с. 201–202].

В данной работе мы предприняли попытку определить границы периода детства, закрепленные в русском и китайском языках, путем обращения к национальным языковым корпусам: Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) и Корпусу текстов китайского языка Китайского университета средств массовой информации (далее – NBMLS).

Первое слово, обозначающее лиц по шкале возрастного развития, – *младенец*. В НКРЯ оно употреблено 7921 раз в 2963 контекстах. Носитель русского языка расширяет период младенчества до года: *Савва надулся и сразу стал похож на младенца первого года жизни – серьезного и сосредоточенного*. Это обозначение в русском языке не содержит гендерных различий.

В китайском языке возможна гендерная дифференциация семантики аналогичной лексемы на девочек и мальчиков. Для обозначения человека соответствующего возрастного периода используется слово 嬰兒 ‘младенец’. Оно употребляется в NBMLS 3838 раз в 1513 контекстах. Для различения младенцев по половому признаку образуются слова 男嬰 ‘младенец мужского пола’ и 女嬰 ‘младенец женского пола’ путем сочетания слов 男 ‘мужской, мужчина’, 女 ‘женский, женщина’ с лексемой 嬰兒 ‘младенец’. Рассмотренные номинации охватывают период от рождения до 2 лет 11 месяцев (любопытно, что встречаются примеры употребления слова 女嬰 ‘младенец женского пола’ по отношению к плоду женщины на 4-м или 7-м месяце беременности): 当听到孩子落地的第一声啼哭声时, 孩子父亲索南加抱起刚出生的男婴, 希望朱自清能给孩子取个名字 ‘Когда услышал первый плач ребенка в этом мире,

¹Здесь и далее перевод наш. – В. В.

отец ребенка Со Наньцзя поднял новорожденного мальчика (младенца мужского пола) и попросил у литературоведа Чжу Цзыцина, чтобы он дал ребенку имя»; 这对女婴来自孟加拉国, 只有2岁11个月 ‘Этой паре младенцев женского пола из Бангладеша только 2 года и 11 месяцев’.

Следующий возрастной период – детство. Фрагменты текстов из НКРЯ, в которых слово *ребенок* ‘маленький мальчик или маленькая девочка’ [25, с. 1108] (всего 164 080 употреблений в 19 877 контекстах) сочетается с указанием возраста, позволяют утверждать, что этот этап охватывает промежуток времени от рождения до 17–18 лет (*Можно ли было себе представить, что советский ребенок 17 лет предпочтет своих родителей, маму и папу, двум американским дядям?*). Наибольшая частотность употреблений приходится на возраст в диапазоне 3–7 лет (1304 из 1683). Это значит, что данный период является основным для формирования сигнификата слова *ребенок*. Некоторым образом предположение подтверждается следующим текстом из НКРЯ: *122 ребенка в возрасте 6–7 лет и 129 человек в возрасте 18–19 лет*.

В рассмотренном нами материале из НКРЯ различается сигнификативное наполнение форм *ребенок* и *дети*. Так, если для слова во множественном числе возрастной диапазон совпадает с указанным выше – от рождения до 17–18 лет (*Одно дело, когда в школу приходят дети 16–18 лет, которые зачастую плохо представляют себе, что такое актерская профессия...*), – то для формы единственного числа он ограничен возрастом 14 лет и может расширяться лишь в тех случаях, когда слово обозначает некоторый возрастной предел (*Пожалуй, одно из основных заключается в несогласии с тем, что к ребенку следует относиться с уважением лишь после достижения им 15 лет*), употребляется с иронией (*А моя мама была в платье мини – такой 18-летний ребенок, выглядящий на 15 лет*) или реализует семантический компонент ‘о чьих-либо малолетних сыне или дочери (до отроческого возраста)’ [25, с. 1108] (*На защиту Захаровой встали СМИ, но ребенка, которому уже исполнилось 14 лет, ей так и не вернули*). При этом данные НКРЯ позволяют усомниться в верности присутствующего в приведенной выше дефиниции возрастного ограничения. Особенно это касается употребления формы множественного числа: *Теперь уже их дети, которым сегодня по 80–90 лет, и взрослые внуки приехали почтить светлую память своих дорогих родителей*.

В NBMLS содержится 13 294 текста, в которых лексема 孩子 ‘ребенок’ встречается 76 300 раз. Среди употреблений выявлены 1747 примеров, содержащих точное указание на возраст ребенка: они охватывают период от плода женщины на 4-м и 6-м месяцах беременности до 39 лет. Помимо этого, есть 2 фрагмента, касающихся человека старше 50 лет. Чаще всего лексемой *ребенок* называют человека в возрасте от 2 до 8 лет (1019 примеров): *大熊猫是中国的国宝, 三岁的孩子都知道 ‘Панда – это китайское национальное сокровище, об этом даже трехлетний ребенок знает’*.

В корпусе представлены 4356 текстов, включающих форму 孩子们 ‘дети’ (11 087 употреблений). Среди них 64 фрагмента содержат точное указание на возраст: в целом он охватывает период от рождения (1 пример) до 20 лет и старше (2 примера), наиболее частый возрастной период – с 5 по 14 лет, из них по 13 примеров относятся к возрастам 8, 12 и 13 лет. Возрастной диапазон, который включает в себя форма 孩子们 ‘дети’, несколько уже, чем тот, который обозначается формой 孩子 ‘ребенок’.

Слово 孩子 ‘ребенок’, как и в русском языке, может обозначать лиц мужского и женского пола, например: *在德州有个六七岁的男孩找不着家了, 不过这孩子离家竟是因为挨了句熊 ‘В городе Дэчжоу мальчик, которому около 6–7 лет, заблудился и не мог найти дом, этот ребенок ушел из дома из-за того, что его сильно ругали’; 就是我小姨家的孩子, 才十岁, 丫头, 那家就一个孩子 ‘В семье моей тети только один ребенок – девочка 10 лет’*. Как видно из примеров, для точного указания на пол здесь также используются структуры 女 ‘женский, женщина’ + 孩子 ‘ребенок’ = 女孩子 ‘девочка, девушка’; 男 ‘мужской, мужчина’ + 孩子 ‘ребенок’ = 男孩子 ‘мальчик, парень’ (ср. также: *当时很少有人注意到, 为这首歌作词的女孩子年仅23岁 ‘В то время мало людей заметили, что девушке (досл. женский, женщина + ребенок), которая сочинила текст для этой песни, всего 23 года’; 由于彤彤今年才五岁, 而且还是个男孩子, 所以非常活跃 ‘По причине того, что Тунтуну в этом году всего 5 лет и он еще мальчик (досл. мужской, мужчина + ребенок), он очень активный и оживленный’*).

К обозначениям лиц детского возраста можно отнести и лексему *подросток* (7262 употребления в 3028 текстах в НКРЯ), поскольку точка отсчета для этого возрастного диапазона – возраст 7 лет (*Анализ риска бедности позволяет выявить две постоянные категории населения, наиболее ей подверженные: подростки от 7 до 15 лет и женщины в трудоспособном возрасте*), хотя наибольшее число употреблений относится к 12 годам (856 из 1235). То, что этот возраст представляется типично подростковым, хорошо видно в случае, когда наименование переносится на неодушевленный объект: *Если сравнивать возраст промысла с возрастом человека, то «Кезер» еще подросток – ему 12 лет*. Это указание совпадает с дефиницией, даваемой лексеме *подросток* толковыми словарями: ‘мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте (от 12 до 16–17 лет)’ [25, с. 878]. Действительно, верхняя возрастная граница здесь проходит по уровню 17–18 лет (*С прошлого года санаторий стал*

принимать и подростков до 18 лет). Следует отметить, что внутренняя форма этого слова указывает не на определенный возраст, а на то, что лицо не доросло до нужных лет, которые могут пониматься достаточно широко. Именно это дало возможность Ф. М. Достоевскому назвать свой роман «Подросток» и обыграть в нем внутреннюю форму слова. Автор подчеркивал собственное толкование возраста героя Аркадия Долгорукого: «В самом деле, растут ли после 19 лет?» [26, с. 77]. В интертекстуальном споре с героем писатель отвечает: «Если не физически, так нравственно» [26, с. 77].

В NBMLS имеется 5066 текстов, представляющих лексему 少年 ‘подросток’ 10 943 раза. Среди них 252 фрагмента содержат точное указание на возраст – они охватывают период от 0 до 20 лет, однако встречаются обозначения и старшего возраста – 25 лет (1 употребление). Наиболее частый возрастной период, представляемый этим словом, относится к 13–17 годам: 来看中国青年报的一篇报道, 认识一位用行动诠释《百善孝为先》的14岁少年 ‘Давайте посмотрим один репортаж из «Газеты китайской молодежи» и познакомимся с четырнадцатилетним подростком, который своими поступками подтверждает, что из всех моральных принципов самое важное – это почитание родителей’. Также это слово употребляется по отношению к неодушевленному объекту: 中国驻南非大使田学军曾把中南关系形容为《像一名蓬勃向上的15岁少年》 ‘Посол Китая в Южной Африке Тянь Сюэцзюнь когда-то описывал отношения между Китаем и Южной Африкой так: «Как оживленный, энергичный 15-летний подросток»’. Здесь, как и в русском примере, для образования сравнения выбирается наиболее типичный подростковый возраст, тем не менее в речевом сознании носителей китайского языка подросток несколько старше, чем в русском.

В сравниваемых языках по этому критерию имеются и иные различия. Если в русском языке (согласно словарной дефиниции) подростки причисляются скорее к детям, то в китайском представления о данной возрастной категории сближаются с понятием молодежи. Например, выражение 少年儿童 ‘дети и подростки’ обозначает людей, которым еще не исполнилось 15 лет [27]. В качестве определения оно может сочетаться с другими словами: одежда, литература, издательство, библиотека, газета рассказов, образование и др. Когда его объединяют с понятием «молодежь», появляется специальная номинация 青少年 ‘молодые и подростки’. Однако в настоящее время некоторые китайские ученые считают, что эти возрастные периоды необходимо разделять [28, с. 73–77; 29, с. 31–41]. Подобная дифференциация представляется оправданной, поскольку при определении соответствующего диапазона для слова со значением ‘подросток’ необходимо принимать во внимание особое физиологическое и психологическое развитие пубертатного периода, а также отнесение лиц этого возраста к той группе несовершеннолетних, которой нужна специальная защита.

Проведенное исследование показывает, что фрагмент языковой картины мира, который можно определить как детство, в своих основных характеристиках одинаков для русского и китайского языков. Некоторое сходство обнаруживается как в наборе номинаций, его представляющих, так и в ограничениях возрастного диапазона, на которых эти номинации базируются. Имеющиеся различия (например, наличие в китайском языке специальных композитов, позволяющих представить половую характеристику ребенка), на наш взгляд, обусловлены грамматической структурой языка, а не различиями в картинах мира народов.

Библиографические ссылки

1. Костина И. Т. Исследование группы прилагательных возраста в современном английском языке (в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 1978.
2. Матвеев В. И. Структура семантического поля возраста человека (на материале русского, украинского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Киев, 1984.
3. Кацкова Д. Имена возраста в русском и словацком языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.03. М., 1987.
4. Крючкова Н. В. Лексико-семантические репрезентации концепта «детство» в русском языке по данным лексикографии // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Мякшева. Саратов, 2006. С. 370–376.
5. Якимов П. А., Кирина М. М. Концепт «ребенок» в оренбургской диалектной картине мира // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 218–220.
6. Калужная И. А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 2007.
7. Калужная И. А. Эмблематические характеристики концептов возраста в немецком и русском языках (на примере концепта «das Kind»/«ребенок») // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2015. № 8 (50) : в 3 ч. Ч. 1. С. 85–87.
8. 候兰笙, «世说新语» 中年龄的称数法 [J]. 兰州大学学报(社会科学版). 1982, (1): 111–116 = Хоу Ланьшэн. Структуры выражения возраста, количества в произведении «Новое изложение старых повестей» (написано около 439–440 гг.) // Вестн. Ланьчж. ун-та. Сер. гуманитар. наук. 1982. № 1. С. 111–116.
9. 林定川. «覬齿» 旧说质疑 [J]. 古汉语研究. 1989, (2): 55, 60 = Линь Динчуань. Постановка под сомнение старого объяснения лексемы «Ни Чи» ‘молочные зубы в старости’ // Исслед. древнего кит. яз. 1989. № 2. С. 55–60.

10. 余志鸿. 古代年岁的别称 [J]. 语文建设. 2001, (12): 46–47 = Юй Чжихун. Антономазия возраста в древности // Создание кит. филологии. 2001. № 12. С. 46–47.
11. 王健龙. 我国古代年龄的代称 [J]. 语文世界. 1998, (11): 30 = Ван Цзяньлун. Антономазия возраста в древности Китая // Мир кит. филологии. 1998. № 11. С. 30.
12. 金小栋. 唐代墓志中用典来表幼年的词语 [J]. 内江师范学院学报. 2007, (1): 62–64 = Цзинь Сяодун. Номинации, обозначающие раннее детство при помощи классических литературных цитат в надписи на камне династии Тан // Вестн. Нэйцзян. пед. ин-та. 2007. № 1. С. 62–64.
13. 金小栋. 六朝墓志未成年年龄词语的文化与语言分析 [J]. 和田师范专科学校学报. 2005, (2): 76–78. = Цзинь Сяодун. Культурный и языковой анализ возрастной лексики, называющей несовершеннолетних, из надписи на камне периода шести династий (229–589) // Вестн. Хотан. пед. колледжа. 2005. № 2. С. 76–78.
14. 金小栋. 六朝墓志中用典来表未成年人的词语 [J]. 乐山师范学院学报. 2004, (6): 59–62 = Цзинь Сяодун. Лексемы, обозначающие несовершеннолетних при помощи классических литературных цитат в надписи на камне периода шести династий (229–589) // Вестн. Лэшан. пед. ин-та. 2004. № 6. С. 59–62.
15. 孙凯. «幼»、«少»、«小» 的历时演变研究 [J]. 汉语史学报. 2012, (1): 282–295. = Сунь Кэнь. Диахроническое изучение китайских прилагательных 幼 ‘младенческий’, 少 ‘младший по возрасту, малолетний’, 小 ‘маленький’ // Вестн. истории кит. яз. 2012. № 1. С. 282–295.
16. 何坤. 豆蔻当是女儿身 [J]. 咬文嚼字. 2001, (2): 40 = Хэ Кунь. Слово 豆蔻 ‘кардамон, мускатный орех’ как номинация девочки // Оттачивать слова и взвешивать фразу. 2001. № 2. С. 40.
17. 王飞. 小子岂能称豆蔻 [J]. 咬文嚼字. 2008, (6): 35 = Ван Фэй. Слово 豆蔻 ‘кардамон, мускатный орех’ не должно означать мальчика // Оттачивать слова и взвешивать фразу. 2008. № 6. С. 21.
18. 葛秀华, 李冲. 黄毛丫头的黄该作何解 [J]. 语文学习. 2015, (4): 73–74 = Гэ Сюэгуа, Ли Чун. Как объяснить первую часть 黄 в выражении 黄毛丫头 ‘пренебр. шутил. соплячка, девчонка’ // Журн. изучения кит. филологии. 2015. № 4. С. 73–74.
19. Психология детства / под ред. А. А. Реана. СПб., 2003.
20. 华红琴, 翁定军, 陈友放. 人生发展心理学 [M]. 上海, 2000 = Хуа Хунцин, Вэн Динцзюнь, Чэнь Юфан. Психология развития жизни человека. Шанхай, 2000.
21. 周念丽, 张春霞. 学前儿童发展心理学 [M]. 上海: 华东师范大学出版社, 1999 = Чжоу Няньли, Чжан Чунься. Психология развития дошкольного возраста. Шанхай, 1999.
22. 刘金花. 儿童发展心理学 [M]. 上海, 2001 = Лю Циньхуа. Психология развития детей. Шанхай, 2001.
23. Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. Т. 1 : Лексическая семантика. Синонимические средства языка.
24. 符淮青. 词义的分析 and 描写 [M]. 北京: 语文出版社, 1996 = Фу Хуайцин. Анализ и описание значений слов. Пекин, 1996.
25. Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов]. СПб. ; М., 2008.
26. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1976. Т. 16.
27. 马国泉, 张品兴, 高聚成等. 新时期新名词大辞典 [M]. 北京, 1992 = Ма Гоцяоань, Чжан Пиньсин, Гао Цзюйчэн [и др.]. Большой словарь новых существительных в языке Нового времени. Пекин, 1992.
28. 李毅红. 青年概念的当代阐释 [J]. 北京行政学院学报. 2007, (5): 73–77 = Ли Ихун. Интерпретация концепции молодежи в настоящее время // Вестн. Пекин. административ. колледжа. 2007. № 5. С. 73–77.
29. 黄志坚. 谁是青年? 关于青年年龄界定的研究报告 [J]. 中国青年研究. 2003, (1): 31–41 = Хуан Чжицзянь. Кем является молодежь? // Журн. исследования кит. молодежи. 2003. № 1. С. 31–41.

References

1. Kostina I. T. [The study of the group of age adjectives in the modern English language in comparison to Russian] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.04. Moscow, 1978 (in Russ.).
2. Matveev V. I. [The structure of the semantic field of the person's age (based on the Russian, Ukrainian and English languages)] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.19. Kyiv, 1984. (in Russ.).
3. Katskova D. [Age Names in Russian and Slovak] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.01 ; 10.02.03. Moscow, 1987 (in Russ.).
4. Kryuchkova N. V. [The lexical-semantic representation of «childhood» concept in the Russian language according to lexicography]. *Predlozhenie i slovo* : collect. of sci. proc. Saratov, 2006. P. 370–376 (in Russ.).
5. Yakimov P. A., Kirina M. M. [The concept of «child» in the Orenburg dialectal picture of the world]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014. No. 1 (44). P. 218–220 (in Russ.).
6. Kaljuzhnaja I. A. [The concept of «childhood» in German and Russian linguistic cultures] : diss. abstr. ... PhD (philol.) : 10.02.20. Volgograd, 2007 (in Russ.).
7. Kaljuzhnaja I. A. Emblematic characteristics of the concepts of age in the German and Russian languages (the example of the concept «das Kind»/«child»). *Gramota*. 2015. No. 8 (50) : in 3 parts. Part 1. P. 85–87 (in Russ.).
8. 侯兰笙. «世说新语» 中年龄的称数法 [J]. 兰州大学学报(社会科学版). 1982, (1): 111–116 = Hòu Lánshēng. «Shì shuō xīn yǔ» zhōng niánlíng de chēng shù fǎ [J]. *Lánzhōu dàxué xuébào (shèhuì kēxué bǎn)* [Hou Lansheng. The structures of the expression of age, number in «New presentation of old stories» (written about 439–440). *Bull. of Lanzhou Univ. (section humanities)*]. 1982. No. 1. P. 111–116 (in Chin.).
9. 林定川. «齠齿» 旧说质疑 [J]. 古汉语研究 = Lín Dìngchuān. «Ní chǐ» jiù shuō zhíyí [J]. *Gǔ hànyǔ yánjiū* [Ling Dingchuan. Putting the old explanation of the token «齠齿» ‘baby teeth in old age’ in doubt. *The st. of the anc. Chin. lang.*]. 1989. No. 2. P. 55–60 (in Chin.).
10. 余志鸿. 古代年岁的别称 [J]. 语文建设 = Yú Zhìhóng. Gǔdài nián suì de biéchēng [J]. *Yǔwén jiànshè* [Yu Zhihong. Antonomasia of age in ancient times. *The creation of the Chin. philol.*]. 2001. No. 12. P. 46–47 (in Chin.).
11. 王健龙. 我国古代年龄的代称 [J]. 语文世界 = Wáng Jiànlong. Wǒguó gǔdài niánlíng de dàichēng [J]. *Yǔwén shìjiè* [Wang Jianlong. Antonomasia of age in ancient China. *The World of Chin. Philol.*]. 1998. No. 11. P. 30 (in Chin.).
12. 金小栋. 唐代墓志中用典来表幼年的词语 [J]. 内江师范学院学报 = Jīn Xiǎodòng. Táng dài mùzhì zhōng yòng diǎn lái biǎo yòunián de cíyǔ [J]. *Nèijiāng shīfàn xuéyuàn xuébào* [Jin Xiaodong. Words and Phrases Expressing the Concept of Infancy by Literary Quotations in the Epitaph of the Tang Dynasty. *J. of Neijiang teach. coll.*]. 2007. No. 1. P. 62–64 (in Chin.).

13. 金小栋. 六朝墓志未成年年龄词语的文化与语言分析 [J]. 和田师范专科学校学报 = Jin Xiǎodòng. Liùcháo mùzhì wèi chéngnián niánlíng cíyǔ de wénhuà yǔ yǔyán fēnxī [J]. *Hétián shīfàn zhuānkē xuéxiào xuébào* [Jin Xiaodong. Cultural and lingual analysis of the words and expressions denoting subadults from the inscriptions on the stones of the period of Six Dynasties (229–589). *J. of Hotan teach. coll.*]. 2005. No. 2. P. 76–78 (in Chin.).
14. 金小栋. 六朝墓志中用典来表未成年的词语 [J]. 乐山师范学院学报 = Jin Xiǎodòng. Liùcháo mùzhì zhōng yòng diǎn lái biǎo wèi chéngnián de cíyǔ [J]. *Lèshān shīfàn xuéyuàn xuébào* [Jin Xiaodong. The Lexical Units denoting subadults using the Literary Quotation on Tomb Memorial Tablet of Six Dynasties (229–589). *J. of Leshan teach. coll.*]. 2004. No. 6. P. 59–62 (in Chin.).
15. 孙凯. «幼»、«少»、«小» 的历时演变研究 [J]. 汉语史学报 = Sūn Kǎi. «Yòu», «shǎo», «xiǎo» de lìshí yǎnbiàn yánjiū [J]. *Hànyǔ shǐxué bào* [Sun Kai. A Study On the Chronological Evolution of You (幼), Shao (少) and Xiao (小) which express the sememe of «young». *J. of Chin. Lang. Hist.*]. 2012. No. 1. P. 282–295 (in Chin.).
16. 何坤. 豆蔻当是女儿身 [J]. 咬文嚼字 = Hé Kūn. Dòukòu dāng shì nǚ'ér shēn [J]. *Yǎowénjiǎozì* [He Kun. Word 豆蔻 ‘cardamom, nutmeg’ as girls nomination. *Weigh and polish the word, word crafting*]. 2001. No. 2. P. 40 (in Chin.).
17. 王飞. 小子岂能称豆蔻 [J]. 咬文嚼字 = Wáng Fēi. Xiǎozǐ qǐ néng chēng dòukòu [J]. *Yǎowénjiǎozì* [Wang Fei. Word 豆蔻 ‘cardamom, nutmeg’ should not mean a boy. *Weigh and polish the word, word crafting*]. 2008. No. 6. P. 21 (in Chin.).
18. 葛秀华, 李冲. 黄毛丫头的黄该作何解 [J]. 语文学报 = Gé Xiùhuá, Lǐ Chōng. Huángmáoyātou de huáng gāi zuò hé jiě [J]. *Yǔwén xuéxí* [Ge Xiuhua, Li Chong. How to explain the first part of 黄 ‘huáng’ in token 黄毛丫头 huángmáo yātou ‘the neglect, jocular a snorter, a girl’. *J. of the st. of Chin. Phil.*]. 2015. No. 4. P. 73–74 (in Chin.).
19. Rean A. A. (ed.). [Childhood Psychology]. Saint Petersburg, 2003 (in Russ.).
20. 华红琴, 翁定军, 陈友放. 人生发展心理学 [M]. 上海: 上海大学出版社 = Huà Hóngqín, Wēng Dìngjūn, Chén Yǒufàng. Rénshēng fāzhǎn xīnlǐ xué [Xua Hongqin, Weng Dingjun, Chen Youfang. Psychology of human life development]. Shanghai, 2000 (in Chin.).
21. 周念丽, 张春霞. 学前儿童发展心理学 [M]. 上海: 华东师范大学出版社 = Zhōu Niànlì, Zhāng Chūnxiá. Xuéqián értóng fāzhǎn xīnlǐ xué [Zhou Nianli, Zhang Chunxia. Psychology of preschool age development]. Shanghai, 1999 (in Chin.).
22. 刘金花. 儿童发展心理学 [M]. 上海: 华东师范大学出版社 = Liú Jīnhuā. Értóng fāzhǎn xīnlǐ xué [M] [Liu Jinhua. Psychology of children’s development]. Shanghai, 2001 (in Chin.).
23. Apresyan Y. D. [Selected Works] : in 2 vol. Moscow, 1995. Vol. 1 : [Lexical Semantics. Synonymous means of language] (in Russ.).
24. 符淮青. 词义的分析 and 描写 [M]. 北京: 语文出版社 = Fú Huáiqīng. Cíyì de fēnxī hé miáoxiě [Fu Huaiqing. Analysis and description of the meanings of words]. Beijing, 1996 (in Chin.).
25. Kuznetsov S. A. (ed.). [The latest big explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg ; Moscow, 2008 (in Russ.).
26. Dostoevsky F. [Complete works] : in 30 vol. Leningrad, 1976. Vol. 16 (in Russ.).
27. 马国泉, 张品兴, 高聚成等. 新时期新名词大辞典 [M]. 北京: 中国广播电视出版社 = Mǎ Guóquán, Zhāng Pǐnxīng, Gāo Jùchéng děng. Xīn shíqí xīn míngcí dà cídiǎn [Ma Guoquan, Zhang Pinxing, Gao Jucheng, et al. Great Dictionary of new nouns in the language of modern times]. Beijing, 1992 (in Chin.).
28. 李毅红. 青年概念的当代阐释 [J]. 北京行政学院学报 = Lǐ Yìhóng. Qīngnián gàiniàn de dāngdài chǎnshì [J]. *Běijīng xíngzhèng xuéyuàn xuébào* [Li Yihong. Interpretation of the concept of young people today. *J. of the Beijing adm. Coll.*]. 2007. No. 5. P. 73–77 (in Chin.).
29. 黄志坚. 谁是青年? 关于青年年龄界定的研究报告 [J]. 中国青年研究 = Huáng Zhìjiān. Shéi shì qīngnián? Guānyú qīngnián niánlíng jièdìng de yánjiū bàogào [J]. *Zhōngguó qīngnián yánjiū* [Huang Zhijian. Who is youth? Research report on the definition of youth age. *J. of Chin. Youth Res.*]. 2003. No. 1. P. 31–41 (in Chin.).

Статья поступила в редколлегию 04.05.2017.
Received by editorial board 04.05.2017.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ДИСКУРСА КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Е. В. ПИЛЬГУН¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Выявляются основные интенции и тактики кризисного дискурса на основе анализа содержательной стороны русскоязычных статей о миграционном и экономическом кризисах. Указано, что данные кризисные ситуации являются поводом для возникновения большого числа коммуникативных эпизодов среди разных слоев общества. Предлагается классификация тактик кризисного дискурса. Обосновывается необходимость данного разделения, приводятся примеры применения этих тактик. Сделан вывод о том, что воздействующая направленность кризисного дискурса реализуется посредством коммуникативных тактик, которые классифицируются в соответствии с базовыми интенциональными характеристиками (интеграция, ориентация, дезориентация, нейтрализация и агональность).

Ключевые слова: дискурс кризисных ситуаций; коммуникативные тактики; идеологизация массового сознания; интенциональность; нейтрализация; интеграция; ориентация; агональность.

INTENTIONALITY AND COMMUNICATIVE TACTICS OF CRISIS DISCOURSE

E. V. PILGUN^a

^aMinsk State Linguistic University, Zaharava Street, 21, 220034, Minsk, Belarus

The article is devoted to intentionality of crisis discourse. The aim of the article is to detect the main intentions and tactics of crisis discourse on the example of the Russian language articles about migrant and economic crises. Crisis situations often become reasons for a number of communicative episodes among different classes of a society. In modern communicative space many of such crises touch the sphere of international relations; they are to implement political aims and ambitions. The classification of crisis discourse techniques is given. The necessity of such division is grounded, and the examples are provided. The author comes to the conclusion that the intentions of crisis discourse are implemented by means of communicative tactics which are classified according to the main intention characteristics: integration, orientation, disorientation, neutralization, agonality.

Key words: discourse of crisis situations; communicative tactics; ideologization of public consciousness; intentionality; neutralization; integration; orientation; agonality.

Любая коммуникативная деятельность предполагает наличие таких элементов, как адресат и адресант, цель, средства и способы коммуникации, предполагаемый результат, уместность действия в данной обстановке, достижение коммуникативного успеха или его отсутствие. В процессе общения говорящий и слушающий стараются реализовать свои коммуникативные роли: высказывания инициатора коммуникативной ситуации формируются с позиций эгоцентрического подхода и соотносятся с его

Образец цитирования:

Пильгун Е. В. Интенциональность и коммуникативные тактики дискурса кризисных ситуаций // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 92–95.

For citation:

Pilgun E. V. Intentionality and communicative tactics of crisis discourse. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 92–95 (in Russ.).

Автор:

Елена Витальевна Пильгун – аспирантка кафедры речеведения и теории коммуникации факультета межкультурных коммуникаций. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. В. Поплавская.

Author:

Elena Pilgun, postgraduate student at the department of speech studies and communication, faculty of intercultural communication. elenpilgun@gmail.com

целями и интенциями. Роль получателя сообщения заключается в восприятии, интерпретации и реализации коммуникативной интенции говорящего (при успешном исходе коммуникации). Отправитель сообщения закладывает в высказывание коммуникативную цель, которая достигается в процессе развития коммуникативного сценария. Каждый коммуникативный акт реализует конкретное намерение говорящего [1, с. 87]. В свою очередь, термин «коммуникативная цель» не является синонимом понятия «коммуникативная интенция», обозначающего установку на определенную ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании [2, с. 78], непосредственный результат коммуникативного эпизода.

Кризисные ситуации (природные, экологические бедствия и катастрофы, вызванные деятельностью человека; проблемы социального и гуманитарного характера; экономические и политические трудности и т. д.) являются поводом для возникновения многочисленных коммуникативных эпизодов среди разных слоев населения. В современном глобальном коммуникативном пространстве значительная часть подобных кризисов так или иначе затрагивают сферу международных отношений, а также используются для реализации политических амбиций и целей. В этих условиях средства массовой информации позволяют обеспечить правильность восприятия информации населением, сформировать необходимое общественное мнение, донести до людей интенцию, которая закладывается в каждый коммуникативный эпизод в зависимости от целей, мотивов и имеющихся социальных предпосылок.

Особый интерес для изучения дискурса кризисных ситуаций представляют тактики выражения намерений говорящих в условиях кризиса. В связи с этим нами было проведено исследование содержательной стороны 20 русскоязычных статей о миграционном и экономическом кризисах. Материал отбирался методом сплошной выборки из российской прессы: газеты «Взгляд», новостных порталов *Life.ru*, *РБК*. Выбор данных СМИ обусловлен тем, что они характеризуются тщательным подбором слов в публикуемых материалах, использованием проверенных источников, ссылками на мнения авторитетных личностей.

На основе изученных статей необходимо отметить, что русскоязычный дискурс кризисных ситуаций находит свою репрезентацию в сообщениях, призывах, объяснениях, опровержениях, комментариях к статьям и др. Часто используются политические перформативы. Поскольку ни один глобальный кризис не обходится без участия высших эшелонов власти и принятия политических решений, практически любая статья о кризисных ситуациях (за исключением личных психологических кризисов) содержит цитаты чиновников, а также информацию о решениях, связанных с соответствующими вопросами. О политических перформативах впервые заговорила Е. И. Шейгал, определив их как «высказывания, само произнесение которых является политическим действием, формой политического участия, реализация которых в соответствующем институциональном контексте является формой политического участия, которая может привести к вполне реальным политическим последствиям» [3, с. 385]. Наиболее значимы для кризисного дискурса перформативы выбора, доверия и недоверия, поддержки, требования, обещания, обвинения и т. д. («*Фрау Меркель лично должна посетить эти страны и открыто и ясно поговорить с правительствами*», – *потребовал политик. Марин Ле Пен обвинила институты власти в проведении безответственной миграционной политики* [4]).

Кризисный дискурс, рассматриваемый на примере конкретного материала, обладает большой степенью речевого социального воздействия на массовое сознание. В текстах о миграционном и экономическом кризисах это воздействие реализуется главным образом за счет тактик обвинения, совета, оскорбления, порицания, упрека и сопровождается оценочными комментариями авторитетных лиц либо оценочными высказываниями автора статьи: «*Порошенко стер тонкую грань между политикой и бизнесом на Украине и нашел способ обогащаться, пока его страна переживает худший экономический и политический кризис со времен обретения независимости*», – *подчеркивает Пфейфле* [4]. В данном примере содержится отсылка на слова бывшего заместителя советника по национальной безопасности США Марка Пфейфле. Приведем еще один фрагмент текста: *Канцлер призналась в желании повернуть время вспять. <...> Она признала, что причиной стала ее миграционная политика...* [4]. В тексте содержится упрек со стороны автора статьи. Информирование зачастую выражено тактиками объяснения, сообщения, пояснения и т. д.: *Напомним, в конце июня Европарламент принял резолюцию, призывающую Евросоюз незамедлительно активировать статью 50 Лиссабонского договора для оформления выхода Великобритании из ЕС* [4]. Набор коммуникативных тактик реализуют различные интенции, такие как идеологизация массового сознания, нейтрализация негативного воздействия кризиса на население и т. д.

Согласно Е. И. Шейгал изучение коммуникативных тактик кризисного дискурса осуществляется сквозь призму интенционального содержания кризисной коммуникации, которое можно свести к трем основным составляющим, которыми являются «интеграция (поиск сторонников и сплочение населения) – ориентация (формулировка и разъяснение кризисной ситуации) – агональность (борьба с соперником)» [3, с. 297]. С нашей точки зрения, необходимо выделить еще одну базовую характеристику для описания тактик дискурса кризисных ситуаций – нейтрализацию.

Нейтрализация является необходимым этапом кризисного сообщения и применяется практически в любой кризисной ситуации в открытом или скрытом виде с целью успокоить волнения, вызванные положением, погасить панику, например ослабить ксенофобные проявления, дискриминацию по гендерным и расовым различиям и др. Для снятия когнитивного напряжения, усмирения негативных проявлений, перенаправления агрессивных тенденций в общественном развитии используются **тактики нейтрализации**. При этом нейтрализация формирует психологически лояльную среду для коммуникации в социуме. Основная интенция авторов соответствующих текстов – подготовить почву для насаждения новых идей, запланированного воздействия: «*Мы будем работать над тем, чтобы снизить число беженцев*», – А. Меркель [4]. В данном случае тактика обещания направлена на нейтрализацию общественных возмущений против мигрантов. Канцлер Германии также старается оправдать свои ошибочные действия и решения при выборе генеральной линии в отношении миграционной политики и тем самым снизить возмущение и недовольство как немецкого общества, так и населения всего Евросоюза.

Интеграция представляет собой сотрудничество, сближение, направленное на объединение разрозненного общества либо групп людей в целое. **Тактики интеграции** используются для выражения единения, солидарности, сплочения населения перед лицом надвигающегося кризиса. Примером может служить призыв к единению или констатация единства. Цель автора, использующего данные тактики, – сформировать позитивное отношение читателей к описываемой ситуации, создать положительный имидж политических сил и тем самым обеспечить одобрение и поддержку действий власти населением: *Было подтверждено намерение российской стороны поэтапно отменять специальные экономические меры и ограничения в отношении турецких компаний, разморожены проекты газопровода «Турецкий поток» и АЭС «Аккую». Кроме того, было принято решение возобновить чартерные авиоперевозки и решить вопросы между двумя странами* [4]. Данный пример демонстрирует процесс урегулирования противоречий между Россией и Турцией, шаги к сближению народов.

Тактики ориентации представлены в виде заявлений, обозначающих позицию власти, научного сообщества либо авторитетного источника, чья значимость в кризисном сообщении очень велика, поскольку такого рода отсылка на мнение человека – профессионала в своей области – помогает выстроить четкую аргументацию, которая объясняет все кризисные события, а также позволяет придать им необходимый оттенок. Тактики ориентации передают следующие интенции автора: сориентировать население в информационных потоках, идеологизировать массовое сознание, привести сведения о кризисе и возможных путях его преодоления, а при чрезвычайных ситуациях проинструктировать население, например: *В январе Жан-Клод Юнкер заявил, что Шенгенская зона в связи с миграционным кризисом столкнулась с проблемой выживания. Напомним, в начале октября лидер оппозиционной французской партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен обвинила институты власти Евросоюза в проведении безответственной миграционной политики* [5].

Тактики дезориентации (обратный эффект ориентации) способствуют созданию и поддержанию смысловой неопределенности, к их числу принадлежат предположения, прогнозы, намеки, ссылки на слухи. Использование данных тактик реализует следующие интенции автора: создание резонанса и волнения в обществе, путаницы, введение в заблуждение, обман и т. д.

Такая тактика, как прогноз, связана с анализом будущего, а не настоящего или прошлого. Цель прогноза – высказать предположение о вероятном течении событий. Прогнозы имеют специфические маркеры, указывающие на будущность и вероятность событий, зачастую содержат ссылки на источники информации (согласно прогнозам Минэкономразвития, по данным издания, передает РИА «Новости» и пр.). Приведем пример реализации данной практики: *По итогам 2015 года экономический спад в России составит, согласно прогнозам Минэкономразвития, около 3,7–3,9 %. Это худший показатель за последние 6 лет. Последний раз экономика падала в кризисном 2009 году* [6].

Прогноз обладает оценочной направленностью, он может быть нейтральным, положительным или отрицательным. Однако преимущественно прогнозируются негативные последствия, тем самым автор статьи о кризисе не только предупреждает о его приближении, но и сообщает свои опасения, что создает резонанс и вызывает критику со стороны читателей: *«Впервые за мой сознательный опыт европейского сотрудничества мне кажется, что проект может на самом деле провалиться»*, – говорит Франс Триммерманс [6].

В условиях современной геополитической ситуации особое место занимает состязательность кризисного дискурса. В борьбе за мировое господство сверхдержавы активно используют кризисные ситуации, которые становятся поводом для демонстрации политической силы. В связи с этим выделяются **тактики состязательности**, которые отражают данную борьбу, соперничество. Эта группа представлена прежде всего тактиками призыва и требования, передаваемыми с помощью чужой речи, что значительно смягчает остроту высказывания, а в статьях о миграционном и экономическом кризисах

косвенно стимулирует реципиентов к действию. Данные тактики отражают интенцию создать положительный образ российской власти, продемонстрировать ее силу и в то же время предупредить о последствиях европейской политики, побудить граждан к действиям: *Президент России призвал сделать выводы из миграционной политики европейских стран. Как рассказал российский лидер, мигранты нечасто интегрируются в общество и поэтому становятся объектами вербовки со стороны экстремистских и террористических организаций. А это влечет рост радикализма среди местных жителей* [6]. В данном случае цель текста – информирование, интенция – косвенный призыв не допустить повторения ошибок, совершенных ЕС в вопросах миграционной политики, сопровождаемый аргументацией, которая также становится основанием для призыва к уменьшению роста радикализма среди жителей. Авторитетные новостные издания прибегают к тактике подобного рода в целях информирования, в то время как более агрессивные способы общения свойственны желтой прессе, ориентированной на придание событию сенсационности. Угроза, как наивысшая точка агональности в кризисной коммуникации, используется в качестве тактического приема для устрашения противника и манипуляции им, но такие случаи очень редки. Ситуации с использованием угроз в кризисном дискурсе достаточно специфичны. К ним относятся военный конфликт, разрыв дипломатических международных связей, выборы.

Таким образом, интенциональность кризисного дискурса реализуется с помощью различных коммуникативных тактик и состоит в том, чтобы донести до читателя информацию, сформировать необходимое и правильное представление о происходящем, повлиять на адресата для получения нужных действий и оценок. Коммуникативные тактики русскоязычного кризисного дискурса могут быть классифицированы в соответствии с базовыми интенциональными характеристиками, такими как интеграция, ориентация, дезориентация, нейтрализация и агональность. Выбор тактик зависит от коммуникативных интенций дискурса кризисных ситуаций: интенций идеологизации массового сознания, нейтрализации негативного воздействия кризиса на население, сглаживания острых углов, создания положительного образа власти и одобрения ее действий, введения в заблуждение и т. д. Посредством реализации различных авторских интенций через коммуникативные тактики кризисный дискурс не только описывает, но и убеждает адресата, воздействует на него, дает почву для обсуждения и комментирования, а иногда и побуждает к активным действиям.

Библиографические ссылки

1. Безуглая Л. Р. Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллект. моногр. / под ред. Г. Я. Солганика [и др.]. 3-е изд., стер. М., 2016. С. 81–94.
2. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–169.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград, 2000.
4. Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru> (дата обращения: 20.12.2016).
5. Life : [сайт]. URL: <https://life.ru> (дата обращения: 20.12.2016).
6. РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 20.12.2016).

References

1. Bezuglaja L. R. [Three stages of lingvopragmatics development: from speech act to discourse]. In: *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty* : collect. monogr. Moscow, 2016. P. 81–94 (in Russ.).
2. Searl J. R. [What is a speech act]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1986. Vol. 17. P. 151–169 (in Russ.).
3. Shejgal E. I. [Political discourse semiotics] : monography. Volgograd, 2000 (in Russ.).
4. Vzgljad. Delovaja gazeta. URL: <https://vz.ru> (date of access: 20.12.2016) (in Russ.).
5. Life : [site]. URL: <https://life.ru> (date of access: 20.12.2016) (in Russ.).
6. RBK. URL: <https://rbc.ru> (date of access: 20.12.2016) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 14.05.2017.
Received by editorial board 14.05.2017.

ЯЗЫКОВЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАТИВОВ (на материале писем Б. Пастернака к Е. Пастернак)

Т. В. ЗЕМЛЯНИК^{1), 2)}

¹⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь, ул. Славинского, 4, 220050, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак. Рассмотрены приемы воздействия на адресата, в которых наиболее ярко описываются свойства личностей коммуникантов: характеристика адресата, самохарактеристика, оценка автором собственного состояния, а также внешности и состояния адресата. Установлены как общие особенности языкового оформления интересующих нас приемов (обращение, сравнение, абстрактные существительные), так и частные способы их реализации (субстантивные лексемы с оценочным значением и отрицательными коннотациями в комплексе с краткими и полными формами имен прилагательных, стилистически сниженная лексика, эмоционально окрашенные глагольные лексемы, фигуры речи, лексические повторы, ряды однородных членов предложения).

Ключевые слова: языковые особенности; функционально-стилистические особенности; репрезентативы; эпистолярный текст; Б. Пастернак; Е. Пастернак; прием.

LANGUAGE AND FUNCTIONAL-STYLISTIC FEATURES OF REPRESENTATIVES (based on B. Pasternak's letters to E. Pasternak)

T. V. ZIAMLIANIK^{a, b}

^aInstitute of border troops of the Republic of Belarus, Slavinskaya Street, 4, 220050, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The language and functional-stylistic features of representative in B. Pasternak's letters to E. Pasternak are revealed. The methods of influencing the addressee, which most clearly characterize the personality of the communicants, are considered. This, in the first place – the characteristics of the addressee, assessment of the author's own condition, evaluation of the addressee's appearance, self-characterization of the author, evaluation of the addressee's condition. The analysis of representations made it possible to establish both general (treatment, comparison, use of abstract nouns) and private (substantive lexemes with an appraisal value and negative connotations combined with short and complete forms of adjectives, stylistically reduced vocabulary, emotionally colored verb lexemes, Figures of speech, lexical repetitions, as well as series of homogeneous sentence members) features of the linguistic design of the techniques of interest to us.

Key words: language features; functional and stylistic features; representative; epistolary text; B. Pasternak; E. Pasternak; reception.

Образец цитирования:

Земляник Т. В. Языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов (на материале писем Б. Пастернака к Е. Пастернак) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 96–101.

For citation:

Ziamlianik T. V. Language and functional-stylistic features of representatives (based on B. Pasternak's letters to E. Pasternak). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 96–101 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Валерьевна Земляник – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹⁾, аспирантка кафедры русского языка филологического факультета²⁾. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. Н. Волюнец.

Author:

Tatsiana Ziamlianik, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines^a; postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology^b.
zemlyanik_tanya@mail.ru

Русская культура обладает богатым эпистолярным наследием, историческое, культурное и языковое значение которого бесспорно. Эпистолярный как жанр находится на стыке диалогической и монологической речи, текста и дискурса и имеет высокий исследовательский потенциал в области коммуникативной грамматики, прагматики и грамматической стилистики. Русский эпистолярный постоянно вызывает интерес ученых-лингвистов (см. работы Е. И. Прохорова (1966), Д. С. Лихачева (1973), А. А. Акишиной (1982), Ю. В. Макаркиной (2000), А. В. Курьянович (2013) и др.), однако вопрос о значимости тех или иных грамматических единиц как средств установления и поддержания воображаемого диалога и моделирования образа адресата практически не разработан, его лишь затрагивали в диссертационных исследованиях Н. А. Ковалева (2000), Т. Н. Кабанова (2004), А. В. Белова (2005) и др.

Цель данной статьи – выявить языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак. Эпистолярные тексты писателя – образец элитарной языковой культуры. С одной стороны, речь Б. Пастернака задает и отражает некий стандарт (это пример письменной межличностной коммуникации представителей интеллигенции XX в.), с другой – является оригинальной в силу масштаба личности адресанта. Языковое своеобразие писем Б. Пастернака не раз отмечалось в научной литературе, но до сих пор не было глубоко изучено, что определяет актуальность нашего исследования.

В эпистолярных текстах Б. Пастернака реализованы различные виды речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы (классификация Дж. Серля [1, с. 180–188]). Особый интерес для исследователя представляют **репрезентативы**, поскольку они обязывают говорящего нести ответственность за сообщение о некотором положении дел и истинность выражаемого суждения. Элементы репрезентативов можно оценить по шкале, включающей истину и ложь [1, с. 181].

В письмах Б. Пастернака, адресованных Е. Пастернак, репрезентативы представлены достаточно широко. Многие из них включают в себя такие приемы воздействия на адресата, как характеристика адресата (16 единиц), признание в любви (15), оценка собственного состояния (13), обвинение (12), самоуничтожение (11), сомнение (9), оценка внешности адресата (7), выражение страха (6), похвала (6), самохарактеристика (6), оценка погоды (4), оценка состояния адресата (4), выражение огорчения (2), закливание (2), оправдание (2), выражение вины (1), восславление (1), обида (1), самообвинение (1), упрек (1), утешение (1).

В данной статье мы рассмотрим те приемы воздействия на адресата, которые, на наш взгляд, наиболее ярко характеризуют личности коммуникантов. Это в первую очередь характеристика адресата, оценка внешности и состояния адресата, оценка состояния автора и его самохарактеристика. Проведенный нами анализ репрезентативов позволил установить как общие, так и частные особенности языкового оформления названных приемов.

Практически во всех исследованных нами контекстах, кроме самохарактеристики адресанта, встречаются **обращения** к адресату, которые, как правило, являются маркером **внутреннего состояния** автора, обусловленного характером отношений коммуникантов. В позитивной направленности автор использует обращения *гулюшка* (уменьшительно-ласкательная форма существительного *гуля* 'ласковое название голубя, а также форма его подзывания'), *милая*, *милый друг*, *моя дорогая*. Обращение по имени – *Женя* – в письмах, адресованных Е. Пастернак, встречается только в случае описания крайне негативного состояния автора, вызванного словами или действиями адресата (например, необоснованными обвинениями или заявлениями о намерении не отвечать на письма адресанта). К такому обращению автор прибегает в заключительной части письма от 26 июня 1926 г., где пытается выразить те чувства, которые испытывает после получения письма от адресата: *Ад, кровь кипит, плохо сплю, никаких радостей, боюсь, что ничего не сделаю. Ах, Женя, Женя* [2, с. 717].

В письме от 10 августа 1926 г. автор немногословен при оценке своего внутреннего состояния. Об этом сигнализирует одна введенная в контекст абстрактная субстантивная лексема *горечь*, присутствие которой создает отрицательный эмоциональный фон: *Дал улечься минутной горечи. Пишу дальше. У меня к тебе ничего, кроме участия и желанья блага тебе нет. Никакой вражды. Но ты, Женя, адресуешь письмо к слабому, нуждающемуся в тебе человеку, который без тебя пропадет, который молит твоей любви, какой угодно, который любой ценой, во что бы то ни стало хочет жить с тобой, и вот ты ему перечисляешь свои условия, при которых пойдешь на эту жертву. Это не мой случай, Женя* [2, с. 755]. При создании данного контекста Б. Пастернак использует смысловой контраст: с одной стороны, это выражение положительного отношения автора к адресату (наличие в тексте абстрактных существительных с положительными коннотациями – *участие*, *желанье блага*; использование отрицательного местоимения в форме родительного падежа *никакой* перед атрибутивной лексемой *вражда*); с другой – констатация негативного отношения адресата к автору (маркером противопоставления хороший автор – плохой адресат является противительный союз *но*, после которого следует уничижительная самохарактеристика автора: *слабый, нуждающийся в тебе человек, который без тебя*

пропадет, который молит твоей любви, который любой ценой, во что бы то ни стало хочет жить с тобой).

Обращения в эпистолярном тексте могут функционировать также в качестве эксплицитных или имплицитных маркеров **характеристики внешности адресата**. Как отмечает И. И. Ковтунова, «именная группа, выражающая обращение, в поэтической речи часто бывает насыщена обозначением признаков и таким образом, помимо значения адресованности, заключает в себе характеристику адресата» [3, с. 105]. Эпистолярный поэт выразительностью языковых средств весьма приближен к поэтической речи. Нередко вслед за обращением в письмах Б. Пастернака следуют пожелания улучшения внешнего вида адресата (рекомендации автора заключаются в желании видеть собеседника более полным, а значит, по его мнению, и более здоровым): *Милая бедная девочка! <...> Сбыточна ли твоя поправка, можно ли тебе будет отдохнуть и пополнить?* [2, с. 467–468] (автор высказывает сожаление по поводу худобы адресата); *Красавица моя, что же ты все худенькая еще такая! Милое аттическое бесподобие мое, не увечь моей ширящейся, как туман, особенной, высокой, боготворящей тебя, возвеличивающей тебя страсти. Здоровей и поправляйся, толстей, толстей, радость моя! Нельзя, недопустимо быть щепкой при таком голосе, при таких губах, при таком взгляде* [2, с. 477] (положительная оценка внешности адресата, сопровождаемая пожеланиями автора относительно ее улучшения); *Гулюшка, надо тебе самой своим здоровьем заинтересоваться, это во власти человека, ты обязана поправиться, и это задача выполняемая, – я это на себе проверил* [2, с. 509] (ласковое обращение, предвещающее совет автора относительно улучшения здоровья адресата); *И одну я тебя увидал: бестолковую, худую, бледную. Ах, Женя, Женя* [2, с. 754] (обращение повторяется дважды, употребляется с междометием *ах* и выражает сожаление автора об отрицательном духовном и физическом состоянии адресата).

Обращение в сочетании с характеристикой адресата Б. Пастернак использует довольно редко (2 случая из 16). Так, в одном из контекстов, в котором автор употребляет в качестве обращения имя адресата *Женя*, одновременно реализуются функции адресации и характеристики: *Ты чудная, Женя, такая одухотворенная и белая по существу и замыслу Творца...* [2, с. 472].

Интерес представляет контекст, в котором автор трижды прибегает к обращениям-характеристикам, объединяющим в себе функции адресации и характеристики: *О радость моя, чего тебе стоит быть такой, какой ты рождена. Милое мое туманящее, колеблющее и к горлу подступающее сокровище, ведь это ты можешь быть и должна быть вечною моей умывающейся красавицей, белой, ясной, больше-лобой, той, от которой я не отступил в стихи. Той, чудная калевушка моя, какая ты есть, какая в Женины глаза вложена, какая в гробу будет и в моем загробном воображении. Стань такой, умоляю тебя* [2, с. 472–473]. В первом случае обращение к коммуникативному партнеру (*О радость моя!*) отражает те эмоции, которые испытывает автор при контакте с адресатом. Второе обращение состоит из прилагательного *милое*, реализующего значение ‘дорогой, любимый’, притяжательного местоимения *мое*, соотносящегося с личностью автора письма, и ряда однородных действительных причастий в форме настоящего времени (*туманящее, колеблющее и к горлу подступающее*), которые характеризуют субстантивную лексику *сокровище*, употребленную в значении ‘нечто очень ценное, дорогое для кого-нибудь’, и эксплицируют эмоциональное восприятие автором адресата письма. Третье обращение интересно тем, что в нем автор использует диалектную лексику *калевушка* (в словаре В. И. Даля дается следующее определение данного слова: «Калева, калевка, калевочка – кроха, крошка, зерно, пылинка» [4, с. 77]; следует отметить, что в используемой автором лексеме также реализуется ласкательное значение, выраженное с помощью суффикса *-ушк-*), объединяя ее с атрибутивной лексемой *чудная* ‘прекрасная, удивительная по красоте, прелести’ и притяжательным местоимением *моя*.

Обращение в сочетании с **оценкой состояния** адресата нами отмечено только в одном контексте: *бедная, золотая моя*. Конструируется оно с помощью оценочных атрибутивных лексем, которые субстантивируются в контексте и характеризуют адресата с разных сторон, реализуя следующие переносные значения: *бедный* ‘несчастный, попавший в беду, жалкий’; *золотой* ‘дорогой, любимый, ненаглядный’. Данные лексемы сочетаются с притяжательным местоимением *моя*, соотносящимся в языковой системе с личным местоимением *я* и эксплицирующим в контексте характер отношений на оси *автор – адресат*. Как отмечала И. И. Ковтунова, «в поэтических текстах обращения-прилагательные чаще заключают в себе не столько экспрессивно-оценочный смысл, сколько имеют характеризующее, признаковое значение» [3, с. 106]. Следует отметить, что эпистолярию поэта присущи признаки поэтического текста: комплетивность, экспериментальность, герметичность, репродуктивность, цельно-оформленность, идиоматичность, энергетичность [5, с. 39–42].

Еще один общий прием воздействия на адресата, отмеченный нами в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак, – сравнение. Как правило, оно базируется на сопоставлении явления или понятия (субъект

сравнения) с другим явлением или понятием (объект сравнения). Цель, равно как и результат сравнения, заключается в выделении какой-либо особо важной в художественном отношении характеристики субъекта.

Особенностью эпистолярной манеры Б. Пастернака является создание текстов, содержащих одновременно характеристики адресата и адресанта. Обычно это наблюдается при оценке адресата, которая осуществляется через его сравнение с адресантом: *И вот, замечательно, большой поддержкой в этой катастрофе послужило мне открытие, что когда вдруг приходят на память случаи твоей резкости, несправедливости и жестокости (сколько жестокости в тебе!), то тут же рядом в воспоминании и я, ошеломленный болью по этому поводу: и тут я лучше тебя, чище и выше, как в другой раз лучше ты* [2, с. 741]. Сначала автор характеризует адресата, используя абстрактные существительные, мотивированные качественными прилагательными и образованные с помощью суффикса *-ость*: *резкость, несправедливость, жестокость*. Затем адресант использует прием противопоставления и вводит в текст личное местоимение *я*, переключая внимание с адресата на автора, чье душевное состояние описывается с помощью оценочных атрибутивных лексем (*ошеломленный, лучше, чище, выше*). Сравнение реализуется в следующей конструкции: «субъект сравнения (*я*) + формы сравнительной степени прилагательного (*лучше, чище, выше*) + объект сравнения (*тебя*)». В следующей части приведенного контекста позиции субъекта и объекта сравнения меняются: «имплицитно выраженный объект сравнения (*меня*) + форма сравнительной степени прилагательного (*лучше*) + субъект сравнения (*ты*)». Условно предложение можно разделить на три части, объединенные цепной связью: *«твоей – я + формы сравнительной степени прилагательного (лучше, чище, выше) + объект сравнения (тебя)»*. В следующей части приведенного контекста позиции субъекта и объекта сравнения меняются: «имплицитно выраженный объект сравнения (*меня*) + форма сравнительной степени прилагательного (*лучше*) + субъект сравнения (*ты*)». Условно предложение можно разделить на три части, объединенные цепной связью: *«твоей – я → я – тебя → [меня] – ты»*.

Сравнение себя с адресатом Б. Пастернак использует и при **самохарактеристике**, но в этом случае на первый план выходит описание автора: *Ты вся в движении. Вот ты и разбегалась по жизни, вниз и вверх, всегда быстро, всегда решительно, гулко, полно, с опасностью. Теперь если ты возьмешь вот это свое знание <...> и вберешь в него все ступени, впитаешь их как бы в площадку, – ты получишь мое воображение. Оно обладает такою силой, что, отбрасывая несущественное, можно сказать, что я не расщеплен, что у меня нет противоречий, то есть что в противоречиях я – не я, не человек, меньше ничтожества. Как человек же я целиком подчинен ему* [2, с. 503–504].

Для более точной **оценки собственного состояния** автор нередко проводит параллель между субъектом описания (собой) и природой: *И все – дрова! Сегодня в 9 часов утра опять привезли. <...> Так я утрами переселяюсь в какой-то лес, заснеженный, недоспавшийся, мокрый, смешанный, – осиновый скорее, нежели березовый. И эти мужики по утрам правы: я – в лесу. Я действительно как в лесу без тебя. Величественно темно, однообразно захватывающе. Это ты. Но из этого леса надо выбраться, и по нескольким путям сразу. Я и буду* [2, с. 377].

Отталкиваясь от характеристики внешних обстоятельств, автор моделирует описание своего внутреннего состояния. В сознании адресанта возникают ассоциативные связи (*привоз дров для растопки печи – утренняя прогулка в зимнем лесу*), которые он пытается передать адресату. Экспликация собственного состояния осуществляется с помощью формы первого лица единственного числа настоящего времени глагола *переселяюсь*, который употребляется автором в переносном значении (он эмоционально, духовно изменяет местонахождение), и многочисленных атрибутивных лексем, как уже существующих в языке, так и индивидуально-авторских: *лес заснеженный, недоспавшийся (окказионализм), мокрый, смешанный, осиновый скорее, нежели березовый*. Чтобы объективировать собственное состояние, автор указывает на третьих лиц (обозначены просторечной субстантивной лексемой *мужики*), которые определяют место его нахождения так же, как и он. Подчеркивая достоверность и точность их слов, адресант употребляет атрибутивную лексему *правы*. Однако при непрямом цитировании автор не использует глагольную лексему, прибегая к неполному предложению: *я – в лесу* (вместо *я нахожусь в лесу*), что делает высказывание более абстрактным и семантически многозначным. Прямое значение слова *лес* ‘экологическая система, в которой одной из главных жизненных форм являются деревья’ реализуется в речи третьих лиц; автор же использует переносное значение лексемы, акцентируя внимание на ее характеристиках, возникающих в его сознании: *лес темный, холодный, загадочный, одинокий, волшебный*. В результате внешние свойства леса коррелируют с описанием внутреннего состояния адресанта, которое обусловлено его разлукой с адресатом (*Я действительно как в лесу без тебя*), в текст вводятся безлично-предикативные наречия, семантически осложненные качественными наречиями образа действия: *величественно темно, однообразно захватывающе*.

В контексте автор использует прием контрастного описания: *Опять – вечер, на улице было тихо, пока я читал и безумствовал...* [2, с. 378]. Вечерняя тишина, с одной стороны, и безумство (в значении

‘сильное возбуждение; неистовство’) адресанта – с другой, создают контраст. Описание внутреннего состояния в данном случае лаконично (используется только одна глагольная лексема *безумствовал*), но весьма выразительно на фоне описания природы (*вечер, на улице было тихо*).

Для характеристики адресата и самого себя автор активно вводит в текст **абстрактные существительные**, которые обозначают различные действия, признаки, качества, свойства, а также отвлеченные понятия. Абстрактные лексемы *простота, близость, прочность, верность, знания, воля, порывистость, власть, нелюбовь, ненависть* используются при **характеристике адресата** и оказывают прямое воздействие на коммуникативного партнера. Абстрактные существительные, которые автор употребляет для самохарактеристики, имеют как положительную (*доброта, чувствительность, сдержанность*), так и отрицательную оценку (*бесчувственность, прозябанье*).

К **частным особенностям** языкового оформления исследованных нами текстов относятся следующие: 1) активное использование субстантивных лексем с оценочным значением и отрицательными коннотациями; 2) введение в текст стилистически сниженной лексики; 3) построение текста с помощью эмоционально окрашенных глагольных лексем.

Субстантивные лексемы с оценочным значением и отрицательными коннотациями при характеристике адресата автор, как правило, использует в сочетании с атрибутивными лексемами, представленными в полной или краткой форме. Как отмечает Е. М. Вольф, «прилагательное легко приспосабливается к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении» [6, с. 4]. Рассмотрим два фрагмента писем: *Потом по сходству мне припомнились все твои приемы, все встречи, весь вообще твой образ мстительницы, карательницы, суровой, неумолимой госпожи* [2, с. 762]; *Другие [чувства], идущие из глаз в глаза, я отвожжу оттого, что тебя люблю и что ты самолюбива и ревнива* [2, с. 506]. Во втором контексте для характеристики адресата автор использует краткие прилагательные, выполняющие в предложении функцию сказуемых. Как полагает О. В. Нечаева, «для предложений с прилагательным (адъективом) в роли именной части сказуемого основным типовым значением является семантика характеристики. <...> Нередко такие предложения приобретают дополнительные, новые смыслы ввиду обнаружения позиций личности говорящего» [7, с. 203–204]. В неглагольных предложениях, в отличие от глагольных, роль автора более важна и значима. Говорящий отождествляет, сравнивает, характеризует, оценивает, формирует и выражает отношения между объектами действительности: «Позиция говорящего эксплицируется в грамматической и семантической структуре» [7, с. 204].

При **оценке собственного (часто негативного) состояния** автор активно вводит в текст эмоционально окрашенные глагольные лексемы, используя их преимущественно в формах прошедшего или настоящего времени (*безумствовал, кровь кипит, плохо сплю*), и стилистически сниженную лексику – просторечную (*струхнул, кристаллически сволочные факты*) и окказиональную (*недоспавшийся, вероять, сопутствование, апельсиновый*).

Оценка внешности адресата в эпистолярных текстах Б. Пастернака обычно сигнализирует о чувствах, которые автор испытывает к адресату. Поскольку эпистолярная коммуникация является дистантной, в большинстве контекстов автор указывает на источник сведений о внешнем виде коммуникативного партнера. Такой источник может быть как вещественным (*Я сегодня взглянул на ту карточку, где ты с Бетти снята, и не мог без улыбки глядеть на твой большой лоб* [2, с. 467]; *Ты была изумительным, упруго скрученным бутонем, когда тебя уловили фотографии твоих детских документов...* [2, с. 489]), так и одушевленным (*Приехала Гита и кое-что рассказала. На карточке ты ужасно худая. Это и она подтверждает* [2, с. 509]).

Для оценки внешности адресата автор активно использует такие фигуры речи, как **эпитеты** (*большой лоб, чудное, достойное, непреднамеренно прекрасное лицо* [2, с. 467]; *твердая и замкнутая скрутка, горький и прекрасный узел* [2, с. 490]; *бестолковая, худая, бледная* [2, с. 754]) и **метафоры** (*Видишь, ведь ты вылитая козочка Маруся (Братовицинская), помнишь ее?* [2, с. 479]; *Ты была изумительным, упруго скрученным бутонем, когда тебя уловили фотографии твоих детских документов...* [2, с. 489]).

Оценка состояния адресата в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак встречается реже (нами выявлено всего 4 контекста), но она имеет свои языковые особенности. В текстах данного типа автор часто использует лексический повтор: *катитесь и катитесь; шибко-шибко; верю, верю* [2, с. 465]; *главное лицо, главное лицо, явись* [2, с. 501]; *Тебе трудно было писать, тебе трудно это все потому, что тебе трудно сделать меня близким и дорогим себе* [2, с. 757].

Нередко в контексты, в которых речь идет о состоянии адресата, включаются однородные члены предложения: *И страшно трудно тебе с пеленками, с кормлением, с соседями, с криком мальчика и с их куреньем* [2, с. 465]; *Убежден, что кто-нибудь у тебя гостит, Нюня или мама, и с ними тебе ни весело, ни одиноко, ни хорошо, ни плохо, и во всяком случае не до меня, не до судьбы, не до роз, не до всякой этой, как в таких случаях говорят, – фантастики* [2, с. 501]. Однородные ряды позволяют автору либо

объективировать оценку состояния адресата (*тебе страшно трудно, потому что вокруг и пеленки, и соседи, и крики мальчика...*), либо представить состояние адресата более конкретно (*тебе ни весело, ни одиноко, ни хорошо, ни плохо; не до меня, не до судьбы, не до роз, не до всякой этой фантастики*).

Таким образом, в ходе исследования были выявлены языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов, извлеченных из писем Б. Пастернака к Е. Пастернак. Репрезентативы включают в себя многочисленные приемы воздействия на адресата. В данном исследовании нами были выбраны те приемы, которые наиболее ярко характеризуют личности участников коммуникации. Нами представлены и охарактеризованы как общие признаки текстов (обращение, сравнение, использование абстрактных существительных), так и частные способы их реализации (субстантивные лексемы, стилистически сниженная лексика, эмоционально окрашенные глагольные лексемы, фигуры речи, лексические повторы, ряды однородных членов предложения).

Обращения отражают внутреннее состояние автора, определенное характером его отношений с адресатом, а также эксплицитно или имплицитно характеризуют внешность собеседника. Довольно часто обращения реализуют функции адресации и характеристики.

Излюбленной стилистической фигурой речи Б. Пастернака при создании эпистолярных текстов является **сравнение** адресанта и адресата, причем на первый план могут выходить особенности внутреннего состояния (поведения) как первого, так и второго в зависимости от того, кто является субъектом оценки. Так, при характеристике адресата он же становится субъектом, а при самохарактеристике в этой роли выступает сам автор.

При оценке и представлении собственного состояния автор нередко проводит параллель между собой (субъектом описания) и природой. Иногда в таких случаях адресант прибегает к контрастному описанию.

Абстрактные существительные автор вводит в текст при характеристике адресата и самого себя. В исследованных нами текстах-репрезентативах отвлеченные субстантивные лексемы маркируют действительностные и оценочно-характеризующие качества и свойства обоих собеседников.

Автор активно использует субстантивные лексемы с оценочным значением и отрицательными коннотациями в комплексе с краткими и полными формами имен прилагательных. Оценка собственного (как правило, негативного) состояния осуществляется посредством введения в текст стилистически сниженной лексики. Кроме того, при создании текста активно используются эмоционально окрашенные глагольные лексемы.

Оценивая внешность адресата, автор опирается на сведения, полученные из вещественных источников (карточка, фотография) или от других людей. При этом неотъемлемой составляющей манеры автора является использование фигур речи – метафор, эпитетов.

Языковой особенностью текстов-репрезентативов, включающих в себя такой прием воздействия на адресата, как оценка его внутреннего состояния, является использование лексических повторов, а также рядов однородных членов предложения, помогающих объективировать и конкретизировать оценку состояния адресата.

Библиографические ссылки

1. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1996. Вып. 17 : Теория речевых актов / сост. и вступ. ст. И. Н. Кобозевой, И. В. Демьянова ; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. С. 170–174.
2. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. / сост. Е. Б. Пастернак. Т. 7. Письма. 1905–1926. М., 2005.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981.
5. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста. М., 2004.
6. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М., 1978.
7. Нечаева О. В. Краткие имена прилагательные в предложениях с семантикой характеристики // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 203–204.

References

1. Searle J. [Classification of illocutionary acts]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1996. Issue 17 : *Teoriya rechevykh aktov*. P. 170–174 (in Russ.).
2. Pasternak B. L. [Complete works with applications] : in 11 vol. Vol. 7. [Letters from 1905 to 1926]. Moscow, 2005 (in Russ.).
3. Kovtunova I. I. [Poetical Syntax]. Moscow, 1986 (in Russ.).
4. Dal V. I. [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, 1981 (in Russ.).
5. Kazarin Y. V. [Philological analysis of the poetic text]. Moscow, 2004 (in Russ.).
6. Wolf Y. M. [Grammar and semantics of the adjective: on the material of ibero-romance languages]. Moscow, 1978 (in Russ.).
7. Nechaeva O. V. Brief names of adjectives in sentences with semantics of characterization. *Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V. G. Belinskogo*. 2011. No. 23. P. 203–204 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.05.2017.
Received by editorial board 02.05.2017.

МЕТОДИКА

МЕТОДЫКА

METHODOLOGY

УДК 81'23

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ПО АНАЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

С. И. ЛЕБЕДИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Указано, что базовыми стратегиями смыслоформулирования при восприятии устной научной речи являются стратегии построения ментальных репрезентаций через преобразование (детализацию) схем, конструирования концептуальных структур, создания репрезентаций по аналогии с известными структурами или ситуациями, построения рассуждений и умозаключений, ориентированных на выдвижение смысловых прогнозов и их проверку. Экспериментально исследуются стратегии конструирования репрезентаций по аналогии и механизмы их запуска. Установлено, что выводы по аналогии не всегда бывают достоверными, однако без них невозможно достичь понимания, поскольку они участвуют в формировании гипотез, которые затем проходят проверку более строгими методами, включая детализацию и генерализацию. Выявлены и описаны 12 типов уподобительных и корректирующих аналогий, которые используют слушатели в процессе переработки научной информации.

Ключевые слова: понимание научной речи; стратегии понимания научной речи; ментальные репрезентации; когнитивные схемы; когнитивная структура; стратегии конструирования репрезентаций по аналогии.

Образец цитирования:

Лебединский С. И. Конструирование репрезентаций по аналогии в процессе понимания устной научной речи // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 102–109.

For citation:

Lebedinskii S. I. Constructing the representation by analogy in the process of understanding oral scientific speech. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 102–109 (in Russ.).

Автор:

Сергей Иванович Лебединский – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и методики преподавания русского языка как иностранного факультета международных отношений.

Author:

Sergey Lebedinskii, PhD (philology), docent; head of the department of the theory and methodology of teaching Russian as a foreign language, faculty of international relations.
rki@bsu.by

CONSTRUCTING THE REPRESENTATION BY ANALOGY IN THE PROCESS OF UNDERSTANDING ORAL SCIENTIFIC SPEECH

S. I. LEBEDINSKII^a

^a*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

The basic strategies of sense formation when perceiving oral scientific speech are the strategies of mental representation formation through the transformation (detailization) of schemes, conceptual structures constructing, representations by analogy with known structures or situations, arguments and conclusions focused on the nomination of semantic predictions and its examination. This article experimentally investigates the strategies of constructing the representations by analogy and mechanisms of their execution. It is established that conclusions by analogy are not always reliable, but it is impossible to reach understanding without them. They play an important role in understanding of scientific speech, as they are involved in the formation of hypotheses which are then tested by more rigorous methods, including detailed elaboration and generalization. All revealed and described 12 types of optometry and corrective analogies used by the learners in the process of processing scientific information.

Key words: understanding of scientific speech; the strategies of understanding scientific speech; mental representations; cognitive schemes; cognitive structure; the strategies of the constructing the representations by analogy.

Введение

Переработка научной информации – творческий процесс, поэтому наряду с использованием алгоритмических процедур слушатели вынуждены задействовать эвристические процедуры, которые актуализируются в тех случаях, когда необходим выбор из большого числа возможных вариантов. Определяющую роль в процессе понимания устной научной речи выполняют стратегии смыслоформулирования. Они наиболее трудны для описания, стандартизации и экспериментальной верификации в силу их вариативности, изменчивости и специфичности в каждом конкретном случае. К ним относятся стратегии построения репрезентаций через преобразование (детализацию) схем, конструирования концептуальных структур, создания репрезентаций по аналогии с известными понятиями или ситуациями, построения умозаключений, ориентированных на выдвижение смысловых прогнозов и их проверку [1–4]. Цель данной статьи – установить процедурные особенности конструирования репрезентаций по аналогии в процессе переработки научной информации.

Основная часть

Рассуждение по аналогии – это разновидность умозаключения, в котором суждение о принадлежности признака идентифицируемому объекту выводится на основании его сходства с другими объектами. Обычно к аналогии слушатели прибегают, когда даны не строгие, а лишь приблизительные условия приложения схемы. В этом случае интерпретационная модель внутреннего рассуждения существенно отличается от того, что происходит при формировании детализированной схемы. Основанием для запуска аналогий служит сходство объектов, их свойств и отношений, которое определяется двумя факторами: 1) числом признаков, общих для соотносимых объектов; 2) степенью существенности этих признаков. Выводы по аналогии не всегда бывают достоверными, однако без них невозможно достичь понимания. Они играют важную эвристическую роль в научном познании, так как участвуют в формировании гипотез и являются основным источником догадок и предположений, которые затем проходят проверку более строгими методами, включая детализацию и генерализацию. Благодаря этим качествам аналогии становятся базовым конструкционным материалом для моделирования смысловой структуры воспринимаемого текста и построения «модели будущего». По сути, аналогия является родовым понятием, охватывающим различные способы переработки информации – от конструирования репрезентации посредством уподобления до ее построения посредством коррекции. Процедуры рассуждения по аналогии достаточно сильно отличаются друг от друга как механизмами, порождающими эти аналогии, так и сценариями их реализации. Так, например, в зависимости от характера признака, переносимого с одного объекта на другой, можно выделить аналогию свойств и аналогию отношений. Различие между этими когнитивными операциями состоит в том, что при запуске аналогий свойств роль переносимого признака выполняет определенное свойство объекта, а при запуске аналогий отношений – то или иное отношение между объектами. Аналогия отношений до определенной степени независима

от конкретной природы тех объектов, связи между которыми рассматриваются, а это, в свою очередь, означает, что данная аналогия по своей природе является более индивидуализированной когнитивной процедурой, чем аналогия свойств, где вероятность выхода слушателями на одни и те же сопоставляемые объекты намного выше. Благодаря такому качеству аналогии отношений слушателям в процессе переработки научной информации удается выявить объекты, принадлежащие к радикально различным родам, и уподобить их друг другу. Это, с одной стороны, значительно повышает образность мышления, а с другой – снижает вероятность получения точных выводов.

Основанием для возникновения аналогий свойств и отношений является построение слушателем двухчленной когнитивной структуры суждений, которое обычно осуществляется в свернутой, конденсированной форме с пропуском некоторых ее членов. Первым компонентом этой структуры выступает суждение о наличии у избранного эталона и опознаваемого объекта основания для аналогии, а вторым – суждение о наличии переносимого признака у эталона и опознаваемого объекта. Наиболее простой случай рассуждения по аналогии можно свести к следующему правилу: если два и более однородных объекта обладают сходными свойствами, то и все другие объекты, относящиеся к данному классу, вероятно, будут обладать теми же свойствами. Аналогии играют важную роль в освоении научной информации, причем их использование не всегда осознается слушателями. Как правило, аналогии функционируют в автоматическом режиме и выявляются лишь в моменты интеллектуального напряжения. Так, если в тексте речь идет о какой-то новой марке автомобиля, то первичное представление об этом объекте слушатель сформирует на основе представления о других, уже известных ему марках автомобилей. Причем сделает это, скорее всего, неосознанно, а осознанность ментальных действий появится позже, например в момент детализации когнитивной схемы, когда слушатель предпримет попытку установить отличительные особенности новой марки автомобиля. В данном случае путь актуализации аналогии и последовавшей за ней детализации иллюстрирует движение мысли слушателя от общего к частному. При дальнейшей детализации когнитивной схемы слушатель может задействовать частные аналогии, которые порождаются ментальными сопоставлениями актуализированных объектов по линии сходства или различия их отдельных формообразующих или сущностных признаков, например по внешнему сходству данного автомобиля с другими марками автомобилей или по функционально-техническим параметрам двигателей или скоростных качеств сопоставляемых марок автомобилей. В этом случае порождение аналогий сопровождается актуализацией слушателями стратегий ментального сравнения и (или) ментальной сериации. Стратегии первого типа актуализируются при сравнении двух объектов по одному критическому признаку, а стратегии второго типа – в ситуациях, когда слушателям необходимо определить те или иные свойства объекта, опираясь на данные о критических признаках нескольких сопоставляемых объектов.

Решение когнитивных задач по аналогии осуществляется посредством переноса процедур, известных слушателям при освоении сходных ситуаций. С учетом различий, существующих между эталонными ситуациями, из которых заимствуются данные процедуры, и актуальными ситуациями, можно выделить несколько вариантов переноса по аналогии. Наиболее распространенными являются случаи, когда актуальная ситуация образует пару с ситуацией-эталонной по всем характеристикам, воспринимаемым слушателями как тождественные, подобные или сходные. Такие аналогии можно назвать **уподобительными**. При их использовании слушатели восстанавливают в памяти процесс решения аналогичных проблем, которые по ряду или большинству параметров сходны с актуальной проблемой. Особую роль в процессе понимания научной информации наряду с уподобительными аналогиями играют **корректирующие аналогии**. Они строятся по определенным схемам с использованием корректирующих элементов и трансформационных процедур. Так, если слушателям известно значение термина *аналогоцифровой преобразователь* ‘компьютерное устройство, преобразующее аналоговую информацию в цифровую’, то им нетрудно с помощью правила аналогии спрогнозировать значение термина *цифроаналоговый преобразователь* ‘компьютерное устройство, преобразующее цифровую информацию в аналоговую’. Подобного рода корректирующие аналогии можно назвать **конверсными**. Другую группу корректирующих аналогий образуют **модификационные аналогии**, применение которых требует внесения в исходную модель аналогии определенных коррекций в виде различного рода замен или дополнений. По сути, к аналогиям их можно отнести лишь условно, поскольку конструирование сопровождается в таком случае детализацией когнитивной схемы. Проиллюстрировать специфику использования модификационных аналогий можно на примере построения испытуемыми дефиниций одних понятий по аналогии с дефинициями других понятий. Так, например, на основе стимульной дефиниции понятия «чувства» ‘устойчивые эмоциональные переживания человека, вызванные внешними и внутренними раздражителями’ некоторым испытуемым удалось построить достаточно точное определение понятия «эмоции» (ср.: *Эмоции – это однократные реакции человека на внешние и внутренние*

раздражители; эмоции – это чувственные реакции человека на воздействия внешних и внутренних раздражителей; эмоции – это форма проявления переживаний на внутренние и внешние раздражители; эмоции – это внешнее выражение переживаний и чувств).

Использование аналогий возможно не только на уровне осмысления фактов, явлений, понятий и ситуаций, свойственных определенной научной отрасли, но и на междисциплинарном уровне. В общем виде суть процедуры рассуждений по аналогии в этом случае сводится к следующему правилу: если можно установить некоторое соответствие между связями каких-либо двух предметных областей знания и если существуют другие связи, являющиеся истинными в одной области, тогда можно предположить, что соответствующие связи могут существовать и в другой области. Развивая закон аналогии, можно прийти к следующему заключению: если имеются три элемента, два из которых находятся в определенной связи, то аналогия будет состоять в том, чтобы найти четвертый элемент, который находится по отношению к третьему в той же связи, в какой находятся между собой два первых элемента [1, с. 70]. Таким образом, правило аналогии пронизывает все сферы когнитивной деятельности человека и затрагивает уровни не только элементов, понятий, явлений, процессов и областей знания, но и конкретных ситуаций. При переработке научной информации наряду с научными аналогиями слушатели часто используют **примитивные аналогии – феноменологические примитивы** [1, с. 73]. На основе анализа самоотчетов испытуемых, участвовавших в экспериментах, нами выявлены следующие примеры феноменологических примитивов: сравнение принципов работы электрической сети с системой водоснабжения, электрического напряжения с напором воды в водопроводном кране, принципов работы коленчатого вала и коленного сустава человека в процессе ходьбы. Некоторыми феноменологическими примитивами достаточно активно пользуются специалисты. Особенно большой арсенал таких аналогий можно обнаружить у медиков узких специализаций. Например, кардиологи ассоциируют трехчленную мелодию работы сердца за счет появления третьего добавочного тона, который у больных митральным стенозом имеет отрывистый, стучащий или щелкающий характер, со звуками, которые издают перепела (*ритм перепела*). Другая трехчленная мелодия (вместо двухчленной) работы больного сердца, указывающая на тяжелое поражение миокарда желудочков, напоминает стук копыт лошади, скачущей по мостовой, и ассоциируется у кардиологов с галопом лошади (*сердечный галоп*). Некоторые виды сбоя в ритмах и тональности работы сердца, в частности убывающие шумы при недостаточности митрального или аортального клапанов, кардиологи сравнивают со звуком льющейся воды, другие – с выстрелом пушки (*пушечный тон*), третьи – с хлопками (*хлопающий тон*). Анализ перечисленных примеров позволяет заключить, что использование в качестве аналогий феноменологических примитивов обусловлено по меньшей мере двумя причинами: 1) трудностью освоения новых объектов, понятий, явлений, процессов или ситуаций из-за нехватки у слушателей когнитивных ресурсов; 2) трудностью вербального выражения некоторых научных явлений, процессов или ситуаций, понимание которых упрощается, если вербальную модель экспликации заменить на образную.

Конструирование репрезентаций по аналогии происходит в индивидуальном контексте при решении конкретных когнитивных задач. Эти репрезентации крайне субъективны и формируются под воздействием определенных условий, которые очень трудно выявить. Специфичность таких репрезентаций и уникальность процессов их формирования препятствуют их экспериментальному изучению. Аналогии могут быть общими и конкретными. **Конкретные аналогии** (или аналогии свойств) очевидны, их используют слушатели при уподоблении или сопоставлении однородных объектов, понятий, явлений, ситуаций или действий по различным признакам – формообразующим, сущностным, функциональным, целевым. **Общие аналогии** (или **анalogии отношений**) менее очевидны, поскольку в сопоставлении с конкретными аналогиями они представляют собой единицы метауровня, которые устанавливают связь между разнородными системами объектов и участвуют в реализации стратегических задач при переработке текстовой информации. К ним можно отнести более широкий круг когнитивных операций, например изучение опознаваемого явления по схеме анализа других явлений, прогнозирование композиционно-содержательной структуры воспринимаемого текста по аналогии с ранее освоенными сценариями развития сюжетных линий текстов, формирование фреймов и скриптов по аналогии с архитектурой других фреймов и скриптов. К общим аналогиям можно также отнести феноменологические примитивы, а в широком смысле – любую локальную связь, устанавливаемую слушателями между объектами или явлениями при переработке научной информации, поскольку сходные или аналогичные связи ранее уже актуализировались в когнитивном опыте слушателей. Действие этих аналогий может быть прямым или опосредованным, очевидным или неочевидным, осмысленным или неосознанным, но в любом случае установление межпонятийных, межкатегорических и других видов связей не обходится без запуска соответствующих аналогий, которые управляют процессом переработки информации. Исследовать процессы запуска естественных аналогий в эксперименте крайне трудно,

и не только из-за того, что они актуализируются в разных индивидуальных контекстах, но и потому, что имеют разные векторы развития. Для порождения аналогий необходимы определенные условия, которые очевидны для одних слушателей и неочевидны для других. Эти условия можно создать в эксперименте, однако в таком случае мы потеряем в «естественности» процессов порождения аналогий, а сам эксперимент превратится в исследование аналогий по заданным экспериментатором схемам и образцам. Для того чтобы избежать подобных недостатков, мы решили не проводить специальных экспериментов, а ограничить наше исследование описанием примеров построения испытуемыми различных аналогий, выявленных нами в ходе других экспериментов, выполненных в рамках программы изучения стратегий понимания устной научной речи. Материалом для анализа послужили некоторые экспериментальные факты, которые, по нашему мнению, являются следствием использования слушателями различного рода аналогий, а также самоотчеты испытуемых, в которых прослеживается действие правила аналогий. Всего нами установлено 12 типов аналогий, которые слушатели используют в процессе переработки научной информации. Наиболее частотным видом являются **элементарные аналогии**, которые основаны на внешнем подобии объектов или явлений. Типичные примеры суждений, основанных на элементарных аналогиях по внешнему сходству, содержатся в высказываниях: *Черный фосфор больше похож не на фосфор, а на графит; Так же, как и рентгеновские лучи, эти лучи похожи на обыкновенные световые лучи; Полость правого желудочка сердца напоминает по форме трехстороннюю пирамиду*. Как было установлено в экспериментах, опытные слушатели понимают, что отношения тождества и подобия обычно устанавливаются между однородными, а отношения отдаленного сходства – между разнородными объектами или явлениями. Им также известно, что отношения тождества и подобия устанавливаются при сравнении сущности объектов или явлений, а отношения отдаленного сходства – на основе внешнего подобия, так как именно оно является самым поверхностным проявлением сходства, которое можно установить между разнородными объектами. Из этого следует, что аналогии, основанные на внешнем подобии, не обладают достаточным потенциалом при прогнозировании свойств уподобляемых объектов, а поэтому не приближают слушателей к пониманию. Они играют лишь вспомогательную роль, отчасти облегчая доступ к нужной информации.

При переработке научной информации слушатели нередко пользуются **классификационными аналогиями**. Необходимое условие для их запуска – установление слушателями сходства между двумя объектами по каким-либо конкретным признакам, на основании чего можно сделать вывод об их сходстве и по другим признакам. Чаще всего к классификационным аналогиям слушатели прибегают при отнесении объектов к определенному виду или роду, т. е. при их классификации. По сути, эти аналогии используются в любом акте категоризации, основанном на установлении между понятиями классифицирующих отношений. Так, если слушатели знают, что на международном рынке финансовых дериватов используются несколько видов дериватов, например *опционы, свопы и варранты*, и что один из них (*опцион*) представлен несколькими вариантами (*валютными, процентными и товарными*), то им не составит труда распространить правило аналогии на все остальные дериваты и заключить, что *свопы и варранты* также могут быть *валютными, процентными и товарными*. Возможно, что в ряде случаев такие аналогии приведут к определенным сбоям (например, в экономике отсутствует понятие *товарный варрант*), но в большинстве случаев они окажутся точными (все остальные понятия действительно существуют).

Особую роль при переработке научной информации играют **генетические аналогии**. Конструирование репрезентаций по генетическим аналогиям осуществляется на основании сходства явлений, с учетом которого слушатели делают вывод о сходстве причин возникновения этих явлений. Так, в биологии активно используется понятие *гомология*, означающее сходство животных и растений по основному плану строения (*гомологические аналогии*). Это сходство объясняется общностью происхождения, параллельной генетической детерминацией или тем, что данные органы являются завершением определенного эволюционного цикла. Зная это, биологи с легкостью относят к гомологичным рядам, например, грудной плавник у рыб, крылья у птиц и передние конечности у млекопитающих. Все эти органы, по предположениям ученых, возникли в ходе развития и эволюционирования одного и того же органа. Точно так же с помощью гомологии специалисты-биологи могут с легкостью отнести к классу хищных птиц любой неизвестный им вид птиц, у которых сильно развиты когти и имеется массивный клюв. Сходство сопоставляемых объектов проявляется не только в признаках, но и в свойствах. Причем между этими параметрами имеется определенная связь, суть которой заключается в том, что объекты, обладающие похожими внешними признаками, как правило, демонстрируют сходные свойства и аналогично ведут себя при взаимодействии. Для установления такой аналогии слушателю необходимо выдвинуть предположение о том, что все детали, признаки и свойства опознаваемого объекта взаимодействуют с аналогичными элементами ранее воспринятых объектов, образуя синибулярные цепи,

и получают оценку в зависимости от выраженности системообразующего признака. Если аналогичные элементы отсутствуют, то выявленный признак становится первым элементом будущей синибулярной цепи. Чем больше в объекте выделено признаков, чем обширнее детализация, тем в большее количество синибулярных цепей будут включены эти признаки и тем выше вероятность нахождения знакомых признаков при восприятии новых объектов. Задействование подобных схем опознания позволяет слушателям достаточно быстро, а порой и мгновенно формировать для каждого нового объекта-понятия свой прототип и осуществлять его идентификацию уже на основании этой новой конструкции. Объекты, относящиеся к различным объектным понятиям и категориям, могут иметь не только дифференцирующие признаки, позволяющие произвести их разделение, но и сходные характеристики, допускающие определенные аналогии. Например, *бабочка*, *муха* и *птица* относятся к разным биологическим видам, и слушатель, пытаясь уяснить их основные черты, не в состоянии с опорой на сформированное представление о бабочке дать исчерпывающую характеристику мухам или птицам. Однако при тщательном анализе этих объектов он легко установит, что общим квалифицирующим признаком для них являются *крылья*, которые и составляют основу для их объединения и формирования синибулярного понятия, определяющего возможность этих биологических видов *летать*. Сходных признаков может быть и больше. Так, указанные виды насекомых (*бабочка* и *муха*) для слушателя-биолога имеют и другие признаки: *членистое строение тела*, *хитиновый покров*, *сходные органы чувств*, *фасетчатое зрение* и многое другое. Поэтому, не имея представления о *стрекозе*, а отталкиваясь только от уже известных объектов и используя **синибулярную аналогию** [5, с. 145–149], опытный слушатель может получить достаточно большой объем информации и об этом биологическом виде.

Важную роль при переработке научной информации играют **релятивные аналогии**. При их актуализации построение репрезентаций происходит на основании знания того, что признаки сопоставляемых объектов взаимосвязаны, и с учетом сходства двух объектов в одном признаке слушатели делают заключение о сходстве этих объектов по другому признаку, который зависит от первого. Так, если слушатели знают, что экономические понятия *инфляция* и *стагнация* тесно связаны между собой и сходны по определенному признаку (например, по признаку *эмиссия денег для покрытия непомерных государственных расходов*), выступающему в качестве одной из причин возникновения этих явлений, и что причинами инфляции, помимо денежной эмиссии, являются также *чрезмерное увеличение денежной массы за счет массового кредитования*, *монополизация сырьевого сектора экономики*, *сокращение реального объема национального производства*, *снижение курса национальной валюты при росте объемов импорта*, то они смогут распространить правило аналогии и «перенести» все или некоторые из этих причин на понятие *стагнация*.

Особую группу при переработке научной информации составляют **системные аналогии**. С их помощью слушатели устанавливают сходство или подобие отношений между сопоставляемыми объектами или явлениями, не касаясь природы и сущности самих явлений. Эта группа аналогий разнопланова и включает в себя как простые по структуре, так и усложненные аналогии. Простые системные аналогии используются при уподоблении моделей экономического развития (например, китайской и сингапурской или белорусской и советской), их компонентов и отношений между ними или при уподоблении отношений между разными химическими соединениями, например: *Соединения вольфрама по своим качествам и взаимодействию с другими соединениями очень похожи на соединения молибдена*. Усложненные системные аналогии могут устанавливать не только сходство или подобие отношений между сопоставляемыми объектами или явлениями, но и различия, например: *Между растениями, животными и человеком существуют не только различия, но и определенное сходство в основных проявлениях жизни: питании, размножении, развитии и жизненном цикле*. К усложненным системным аналогиям также относятся многокомпонентные аналогии, на основе которых устанавливается сходство или подобие сразу нескольких типов межсистемных отношений: *Теория экономической эволюции в общих чертах и эволюционных этапах напоминает теорию биологической эволюции Чарльза Дарвина и в некоторых чертах теорию народонаселения Томаса Мальтуса*.

Помимо перечисленных видов аналогий, в некоторых научных дисциплинах – математике, физике, химии – используются также изоморфные и гомоморфные аналогии, которые не являются аналогиями в буквальном смысле, но их потенциал задействуется для запуска различного рода умозаключений по аналогии. Под **изоморфными аналогиями** понимаются аналогии, которые устанавливаются между одинаковыми по формообразующим признакам объектами. Полный изоморфизм достигается, например, между геометрической фигурой и ее аналитическим выражением в виде формулы. Однако с учетом того, что изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными в когнитивном плане свойствами, слушатели могут за счет выбора соответствующих структурных элементов получить близкие к изоморфным отношения и для реальных объектов. С понятием «изоморфизм» тесно связано понятие «гомоморфизм». Под **гомоморфными аналогиями** понимаются аналогии, которые

устанавливаются между подобными по формообразующим признакам объектами. Гомоморфные аналогии отличаются от изоморфных тем, что соответствие между соотносимыми объектами не взаимнооднозначно, и один элемент одного объекта может соответствовать нескольким элементам другого объекта. Изоморфные и гомоморфные аналогии в некотором смысле близки феноменологическим примитивам с той лишь разницей, что образность последних заменяется символическостью изоморфных и гомоморфных аналогий.

Весь арсенал аналогий, используемых слушателями при переработке научной информации, можно представить в виде таблицы.

Аналогии, используемые слушателями при переработке научной информации

Analogies used by the learners during processing of the scientific information

Виды аналогий	Комментарий
Простые (элементарные)	Основаны на внешнем подобии объектов или явлений; выражают отношения отдаленного сходства
Классифицирующие	Условием для запуска таких аналогий является выявление слушателями сходства двух объектов по каким-либо конкретным признакам. На основании этого они делают умозаключение о сходстве данных объектов и по другим признакам. Чаще всего к классификационным аналогиям слушатели прибегают при отнесении объектов к виду или роду, т. е. при классификации объектов
Генетические	Конструирование репрезентаций по генетическим аналогиям осуществляется на основании сходства явлений, с учетом которого слушатели делают вывод о сходстве причин возникновения этих явлений
Гомологические	Используются в биологии; устанавливают сходство животных и растений по основному плану строения. Это сходство определяется общностью происхождения, параллельной генетической детерминацией или тем, что данные органы являются завершением определенного эволюционного цикла
Синибулярные	Объединяют идентичные признаки объектов различных объектных понятий; синибулярность – сходство понятий; применяется универсальный принцип взаимодействия когнитивных конструкторов и формирования ассоциативных цепей
Релятивные	При актуализации таких аналогий построение репрезентаций происходит на основании знания того, что признаки сопоставляемых объектов находятся в зависимости, и с учетом сходства двух объектов в одном признаке слушатели делают заключение о сходстве этих объектов по другому признаку, который зависит от первого
Системные	С помощью системных аналогий устанавливается сходство или подобие отношений между сопоставляемыми объектами или явлениями, не затрагивающие природы и сущности самих явлений
Изоморфные	Устанавливаются между одинаковыми по формообразующим признакам объектами. Изоморфизм подразумевает взаимнооднозначное соответствие между двумя или несколькими объектами. Изоморфизм непосредственно связан с категориями различия, тождества, сходства, достоверности, поэтому данное понятие широко используется при характеристике отношения теории к действительности, описании процессов переработки информации, анализе условий достоверности выводов по аналогии
Гомоморфные	Устанавливаются между подобными по формообразующим признакам объектами. Гомоморфные аналогии отличаются от изоморфных тем, что соответствие между соотносимыми объектами не взаимнооднозначно, и один элемент определенного объекта может соответствовать нескольким элементам другого объекта
Конверсные	Образуются при помощи трансформации содержания базисных аналогий
Модификационные	Формируются путем внесения в исходную модель аналогии определенных коррекций в виде различного рода замен или дополнений
Феноменологические примитивы	Примитивные, ненаучные, высокообразные аналогии, использование которых в процессе понимания устной научной речи обусловлено: 1) трудностью освоения новых объектов, понятий, явлений, процессов или ситуаций из-за нехватки у слушателей когнитивных ресурсов; 2) трудностью вербального выражения некоторых научных явлений, процессов или ситуаций, понимание которых упрощается, если вербальную модель экспликации заменить на образную

Примечание. Составлено автором по данным экспериментальных наблюдений.

Заключение

Конструирование репрезентаций по аналогии – одна из ведущих стратегий понимания научной речи. Выводы по аналогии не всегда достоверны, однако без них невозможно достичь понимания. Они играют важную роль в понимании научной речи, так как участвуют в формировании гипотез и являются основным источником выдвигаемых слушателями догадок и предположений, которые затем проходят проверку более строгими методами, включая детализацию и генерализацию. Благодаря этим качествам аналогии являются базовым конструкционным материалом для моделирования смысловой структуры воспринимаемого текста и построения «модели будущего». Отметим также, что достоверность умозаключений по аналогии значительно повышается, если слушатели при актуализации аналогий способны учесть максимальное число соотносимых свойств объектов (**широта аналогии**) и все эти свойства являются сущностно значимыми (**глубина аналогии**). Конечно, соблюдение подобных условий не гарантирует полную достоверность выводов по аналогии, но существенно приближает слушателей к пониманию анализируемых явлений. Дальнейшее их освоение возможно, если в рецептируемом тексте слушатели обнаружат дополнительные сведения о явлениях, с помощью которых возможна их детализация. Таким образом, при использовании аналогий достичь точности понимания слушатели могут только в том случае, если конструирование репрезентаций по аналогии будет сопровождаться построением репрезентаций через детализацию когнитивных схем.

Библиографические ссылки

1. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
2. Лебединский С. И. Стратегии смыслоформулирования и конструирования ментальных репрезентаций // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2015. № 5. С. 22–29.
3. Лебединский С. И. О стратегиях смыслоформулирования // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному : сб. науч. ст. Минск, 2016. Вып. 1. С. 106–113.
4. Лебединский С. И. Стратегии смыслоформулирования и конструирования ментальных репрезентаций как базовые стратегии переработки научной информации // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-метод. конф. (Минск, 19–20 мая 2016 г.) / редкол.: С. И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2016. С. 96–99.
5. Бехтель Э., Бехтель А. Контекстуальное опознание. СПб., 2005.

References

1. Richard J. F. [Mental activity. Understanding, reasoning, finding solutions]. Moscow, 1998 (in Russ.).
2. Lebedinskiy S. I. Strategies of sense formation and mental representation creating. *Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiya*. 2015. No. 5. P. 22–29 (in Russ.).
3. Lebedinskiy S. I. [About strategies of sense formation]. In: *Lingvodidaktika: novye tekhnologii v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu* : collect. of sci. articles. Minsk, 2016. Issue 1. P. 106–113 (in Russ.).
4. Lebedinskiy S. I. [Strategies of sense formation and mental representation creating as basic strategies of scientific information processing]. In: *Teoriya i praktika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: dostizheniya, problemy i perspektivy razvitiya* : materials of VII Int. sci.-method. conf. (Minsk, 19–20 May, 2016). Minsk, 2016. P. 96–99 (in Russ.).
6. Bechtel E., Bechtel A. [Contextual identification]. Saint Petersburg, 2005 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.04.2017.
Received by editorial board 20.04.2017.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РАССУЖДЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ВИД ИНОЯЗЫЧНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

О. В. ТОЗИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обосновывается перспективность обучения студентов-филологов художественному рассуждению как функционально-смысловому виду иноязычной творческой письменной речи в их профессиональной подготовке. Анализируется взаимосвязь овладения навыком художественного рассуждения в процессе изучения произведений литературы с возможностями реализации потенциала личности и ее саморазвития, связанными с творческой деятельностью студентов, что предполагает глубокое и осознанное проникновение в имплицитные смыслы текстов. Интегрирующая функция художественного рассуждения подтверждается выявленными существенными коммуникативно-функциональными, логико-смысловыми и структурно-композиционными особенностями описания, повествования и рассуждения как функционально-смысловых типов иноязычной творческой письменной речи, продуцируемой в процессе самостоятельной работы студентов, которая является одним из основных компонентов образовательного процесса в учреждениях высшего образования.

Ключевые слова: художественное рассуждение; творческая письменная речь; функционально-смысловой тип речи; филолог; развитие творческой личности.

FICTION DELIBERATION AS FUNCTIONAL AND SEMANTIC TYPE OF CREATIVE WRITING IN A FOREIGN LANGUAGE

O. V. TOZIK^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The prospects of the fiction deliberation teaching as functional and semantic type of creative writing in a foreign language during professional philologists' training are grounded. The author analyzes the correlation between fiction deliberation acquisition during the analysis of general fiction works and personal fulfilment, self-development connected with students' creativity that encourages deeper and more comprehensive learning and a thorough insight into the works' implied meanings. Integrating function of the fiction deliberation is proved by the revealed meaningful communicative and functional, logical and semantic, structural and compositional peculiarities of functional and semantic type of creative writing in a foreign language during the students' independent work, which is currently considered as the main component of higher education in higher educational establishments.

Key words: fiction deliberation; creative writing; functional and semantic speech type; philologist; creative personal development.

Творческая письменная речь в настоящее время приобретает все большую актуальность в профессиональной подготовке студентов-филологов. Продукты данного вида речи, созданные на основе прочитанных художественных произведений, размышлений о поставленных проблемах, способствуют

Образец цитирования:

Тозик О. В. Художественное рассуждение как функционально-смысловой вид иноязычной творческой письменной речи // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 110–114.

For citation:

Tozik O. V. Fiction deliberation as functional and semantic type of creative writing in a foreign language. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 110–114 (in Russ.).

Автор:

Оксана Викторовна Тозик – старший преподаватель кафедры английского языкознания филологического факультета.

Author:

Oksana Tozik, senior lecturer at the department of English linguistics, faculty of philology.
tostar@mail.ru

расширению кругозора, формированию филологической грамотности, самореализации и саморазвитию пишущего.

С точки зрения диалектического единства языка и мышления логической основой творческой письменной речи выступает ее внутренне типологическое строение [1, с. 3–4]. Это предполагает установление соотношения между способностью мышления выделять взаимосвязанные явления действительности и передавать их посредством соответствующих функционально-смысловых типов речи. Такой «обобщенный мыслительный комплекс» [2, с. 62] отражает коммуникативную цель пишущего, предмет коммуникации и ситуацию, в пределах которой эта коммуникация осуществляется.

Проведенный нами анализ лингвистических исследований позволяет заключить, что функционально-смысловые типы творческой письменной речи представлены описанием, повествованием и рассуждением. Ее порождение на основе изучения художественных произведений перемещает фокус исследования на рассуждение, которое наиболее полно передает мысли и размышления пишущего, а также способствует его самовыражению.

Умение писать сочинение-рассуждение на основе анализа литературных источников – один из важных показателей общего развития обучающегося, его эрудиции и способности решать комплексные задачи. Продуцирование сочинений не только свидетельствует об общей культуре и грамотности, умении глубоко мыслить и чувствовать, но и способствует развитию у обучающихся эстетических, литературных вкусов, интереса к познанию иной культуры, предполагает учет экстралингвистических факторов, раскрывает уровень нравственной зрелости пишущего, его мировоззренческие позиции, способствует формированию его поликультурной личности в целом.

Сочинение-рассуждение рассматривается нами как художественное размышление, которое, в отличие от научного, основано на ассоциативно-образных связях, выстроенных в процессе анализа произведений художественной литературы как источника вдохновения на творческую деятельность в самостоятельной работе студентов-филологов. Художественное рассуждение, как особый вид речемыслительной деятельности пишущего, представленный в форме его размышлений, интегрируя существенные особенности письменной речи, позволяет автору решать коммуникативно-познавательные задачи путем анализа поступков героев, авторской позиции, погружения в художественную действительность с учетом фоновых знаний и опыта будущего потенциального читателя, что способствует реализации в тексте коммуникативно-эстетической функции. Интеграция, как осмысление системы и логики анализируемого произведения, формирует целостную систему взглядов пишущего на предмет художественного рассуждения.

В отличие от научного рассуждения как формы познания объективной действительности (это характерно для общенаучной и философской сферы) художественному рассуждению присущ такой способ познания, как индивидуализация и типизация представлений о познаваемом объекте при формировании художественного образа. При этом индивидуально обусловленная ценностная ориентация пишущего придает явлениям объективной реальности эстетическую значимость, формируя в его сознании вторичный по отношению к реальной действительности художественный мир.

Более тонкую ассоциативную связь художественному рассуждению придает свойственный ему синкретизм в плане выражения содержания, функций и формы текста. Порождение пишущим образов, связанных с миром художественной действительности, обуславливает эмоциональность, экспрессию, личностный смысл рассуждения, содержит свободное размышление, в котором каузальная связь в целом прослеживается, однако не опирается на законы формальной логики.

Исследование научных трудов на эту тему дает возможность определить две основные коммуникативные установки художественного рассуждения:

- понимание сущности явлений и событий сквозь призму художественного текста;
- условное достижение результата творческой письменной речи.

Размышляя на выбранную тему, рассуждая о некоторой проблеме, пишущий проникает в суть явлений, постигает авторскую позицию, кодируя собственные идеи в художественных образах, сюжете. Авторские отступления, объясняющие поведение персонажей, их морально-нравственные установки [2, с. 73], и другие элементы художественного рассуждения передаются как вторичный код, который расшифровывается читающим в процессе восприятия текста. Интерпретируя и оценивая события и явления, пишущий преследует цель выразить себя, заявить свою позицию и реализовать собственный авторский замысел, что представляет собой условное достижение результата творческой письменной речи (в отличие от заданного результата научного рассуждения). Реципиент переживает события «изнутри», вместе с персонажами, осваивает чувственно-эмоциональный опыт, обогащающий его духовный мир и влияющий на него [3, с. 73]. В этом контексте особое значение в процессе написания сочинения имеет создание имплицитности, придающей художественному рассуждению большую личностную

ориентированность. Результатом такой деятельности становится новый продукт, отражающий вторичную художественную действительность и способствующий творческому росту автора.

Предметным содержанием художественного рассуждения являются связанные между собой высказывания, посвященные какой-либо теме или проблеме, а структурным содержанием – условная логическая последовательность, развитие мысли (М. П. Брандес), ориентированные на создание художественной образности и ассоциативных связей. Образность, связность и коммуникативно-эстетическая функция художественного рассуждения достигаются пишущим за счет интеграции значимых особенностей трех функционально-смысловых типов речи. Интеграция, как естественный способ самопознания и исследования окружающего мира, представляет собой объединение в тексте элементов описания, повествования и рассуждения, углубление связей между ними. В результате происходит совмещение коммуникативных целей, что приводит к возникновению нового вида творческого продукта – художественного рассуждения.

Рассмотрим специфику художественного рассуждения, создаваемого пишущим на основе прочитанного литературного произведения в процессе самостоятельной работы, в соответствии с выделяемыми группами особенностей функционально-смысловых типов иноязычной творческой письменной речи, интегрируемых в новом тексте. Коммуникативная установка художественного рассуждения и коммуникативный эффект, производимый на читателя, обуславливают **коммуникативно-функциональные особенности** творческого текста, что отражено в его содержательной структуре, функции и типе связи компонентов.

Известно, что *содержательная структура* творческого текста отражает отношение пишущего к предмету высказывания [2, с. 64], а также вызывает коммуникативный эффект текста. Интеграция качественных, предметных рематических компонентов описания и динамических компонентов повествования позволяет пишущему создавать образную динамичную картину изложения событий художественного рассуждения сквозь призму художественной действительности, а также разрабатывать иерархию тем и подтем [4], передавать внутренний мир пишущего посредством его впечатлений, наблюдений со стороны. Аргументативная рема научного рассуждения может интегрироваться в художественном рассуждении только с точки зрения авторской логики построения размышлений, что предполагает выбор определенного способа выполнения коммуникативно-познавательной задачи и своей образовательной траектории.

Для реализации *коммуникативно-эстетической функции* текста в процессе создания художественной образности пишущий рассуждает в форме эмоционально окрашенного размышления, в котором каузальная связь между суждениями опирается на обыденную, стихийную логику. Такое рассуждение не требует логического изложения содержательно-концептуальной информации, аргументации, раскрытия закономерностей процессов объективной действительности, обоснования авторской позиции. Остроту, образность и динамику сюжет художественного рассуждения приобретает за счет эмоциональности, яркости и выразительности, присущих описанию, а также активной смены действий повествования. Так, интеграция элементов описания и повествования придает рассуждению большую убедительность, логичность и доказательность, а также предоставляет пишущему определенную степень творческой свободы.

Создание художественной образности рассуждения обуславливает структурное содержание творческого текста – ассоциативно-образный *тип связи*. Конструкция текста, способ мышления пишущего реализуются в художественном рассуждении посредством интеграции интенсивных и экстенсивных типов логической связи. Такое объединение способствует созданию наиболее точного представления, единства изображения объектов, что характерно для описательного или экстенсивного типов связи, цель которых – обозначение пространственных отношений. Повествовательная или интенсивная связь, существующая во времени и характеризующаяся причинными, генетическими отношениями, предопределяет систему изложения событий, составляющих сюжет произведения. Связь логического развития научного рассуждения, способствующая аргументации доказательств, объяснений, определений, представлена в тексте художественного рассуждения в меньшей степени. Включая элементы как временной, так и пространственной связи, присущей описанию и повествованию, автор художественного рассуждения сможет создать всестороннее представление о предмете, пробудить логико-ассоциативные связи у читающего, передать в тексте свои размышления.

Сопоставленные нами коммуникативно-функциональные особенности творческого текста свидетельствуют о том, что их интеграция в художественном рассуждении позволяет пишущему в процессе самостоятельной работы создавать более образный и динамичный сюжет, всестороннее представление о предмете рассуждения за счет единства изображаемых объектов, что передает особое отношение к предмету размышлений сквозь призму художественной действительности и способствует авторскому самовыражению.

Доказано, что существенными характеристиками художественного рассуждения являются такие **логико-смысловые особенности** текста, как целостность, развернутость и логичность, позволяющие обеспечить единство коммуникативной интенции пишущего и организацию программы письменного текста [5, с. 16], последовательность и целенаправленность в изложении фактов, размышлений и раскрытии основной темы рассуждений.

Известно, что **целостность** любого функционально-смыслового текста реализуется в синтезе его содержания, формы и функций, т. е. смысловой, структурной и коммуникативной составляющих. Смысловая целостность текста проявляется в единстве его темы, важную роль при этом играют импликации, основанные на ситуативных связях. Коммуникативная целостность текста предполагает преемственность между составляющими его частями: каждый последующий фрагмент опирается на предшествующий, продвигая высказывание от известного к новому. Структурная целостность заключается в наличии в тексте внешних сигналов связей между предложениями и определяется логической целостностью текста, развитием мысли.

Целостность художественного рассуждения достигается путем интеграции связного представления признаков предметов и явлений, характерных для описания, с активным ступенчатым содержательным сюжетом повествования, что помогает автору создавать единый ассоциативно-образный мир героев с их эмоциями и чувствами, окружающую их картину действительности. Целостность текста научного рассуждения достигается в процессе установления причинно-следственных, условных отношений, выяснения логических понятий, что в тексте художественного рассуждения может находить отражение в логичности и авторской последовательности изложения.

В целях **развертывания** замысла художественного рассуждения в определенной последовательности через подтемы и микротемы, а также для создания динамичного сюжета пишущий может использовать преимущественно инструменты повествования, выделяя основные факты в их взаимосвязи, обозначая пространство и время. Делая читателя зрителем, очевидцем происходящего, автор дополняет изображаемый мир присущими описанию концептуальной информацией, детальным и систематичным изложением признаков предметов и, таким образом, создает целостное представление о предмете своих рассуждений.

Аргументация в художественном рассуждении уступает место чувственным образам и авторской оценке действительности. В процессе создания вторичного продукта – творческого текста на основе прочитанного художественного произведения – автор может излагать события как в статике, так и в динамике, давать синхронический срез действительности, что характерно для описания, последовательно отображать предметы и явления в неизменном состоянии [1, с. 38] или устанавливать каузальные отношения, характерные для рассуждения. Последние, однако, отличаются такой специфической чертой, как опора на авторскую стихийную логику. Творческая свобода придает художественному рассуждению большую наглядность и содержательность, эмоциональный характер, пробуждает логико-ассоциативные связи, способствует выражению личностного отношения к проблеме, что проявляется в особой **логичности** художественного рассуждения и авторском построении размышлений. Непротиворечивость мысли, последовательность и целенаправленность в изложении фактов свидетельствуют о влиянии научного рассуждения с его аргументацией, четкостью и верностью отражения фактов объективной действительности на творческий текст, в котором, однако, данные характеристики имеют свою специфику. Художественное рассуждение позволяет пишущему увлечь читателя, образует основу для поддержания его интереса.

Анализ логико-смысловых особенностей позволяет констатировать, что их интеграция в художественном рассуждении в процессе самостоятельной работы способствует созданию пишущим целостного ассоциативно-образного мира героев, наглядного и содержательного представления о предмете своих размышлений, а также придает тексту эмоциональный характер, что позволяет выразить личностное отношение к проблеме в процессе переосмысления художественной действительности.

Важными **структурно-композиционными особенностями** художественного рассуждения являются связность и последовательность. **Связность** как логическая темо-рематическая взаимозависимость частей творческого текста, основанная на переосмыслении фактов, определяет «целостность речевого сообщения» [6, с. 147] и обуславливается коммуникативной установкой текста. Она проявляется в сигналах связи (переходах от темы к реме), а также в соположении текстовых элементов, что позволяет реципиенту воспринимать текст как смысловое единство.

Внутреннее или внешнее состояние героев, их чувства и эмоции пишущий передает в тексте художественного рассуждения в процессе создания целостной картины художественной действительности, логичных детальных образов. Отображение образного развития мысли, экспрессивности, динамизма, более яркой картины действительности, которые присущи повествованию, усиление впечатлений читающего передаются посредством создания отображения активной сюжетной линии, действий и поступков

героев. Связность научного рассуждения, определяемая структурой умозаключения, будет иметь место в художественном рассуждении только с точки зрения авторской логики построения размышлений, которая допускает отсутствие выводов в традиционном понимании [3].

Своеобразие композиции текста обуславливается *последовательностью* содержания художественного рассуждения. Задачей автора является раскрытие причин событий, оценка различных явлений, сопоставление мнений, что позволяет ему нарушать законы построения композиции текста. Имея большую степень творческой свободы, пишущий может следовать своей логике изложения и создавать более гибкую последовательность текста художественного рассуждения. Единство изображения объекта обеспечивается пространственной описательной последовательностью, реализованной посредством хронологии событий. Логическая последовательность изложения акцентирует внимание на процессах, активных действиях и порядке их протекания. Создавая художественное рассуждение, пишущий способен отклоняться от классической схемы научного рассуждения *тезис – аргумент – демонстрация*: композиционная структура может быть нарушена, некоторые высказывания в посылках – оставаться незавершенными [7]. Последовательное выстраивание сюжета с использованием инструментов описания и повествования придает образность, целостность и законченность объектам за счет детальности описаний, добавляет динамизм в повествование о поступках героев, усиливает логичность художественного рассуждения. Средства и приемы, выступающие в эстетической функции, придают тексту художественную образность, дополняют образы героев.

Анализ структурно-композиционных особенностей позволяет заключить, что интеграция данных особенностей в художественном рассуждении отражает более яркую картину действительности, усиливает впечатления читающего за счет экспрессивности и динамизма логичных образов в тексте.

Автор художественного рассуждения создает качественно новый продукт в процессе самостоятельной работы над творческим текстом на основе художественного произведения, интегрируя существенные особенности описания, повествования и рассуждения. Как показали результаты экспериментального обучения, такая интеграция функционально-смысловых типов творческой письменной речи способствует созданию большей образности и глубины художественного рассуждения в результате учета скрытых смыслов художественного произведения, позволяет пишущему быть одновременно автором и реципиентом, а также отражает его мировоззрение, внутренний мир и эмоции, обеспечивает самовыражение и гармоничное развитие личности.

Библиографические ссылки

1. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
3. Пелевина Н. Н. Рассуждение в композиционно-речевой структуре научного и художественного текстов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Обществ. и гуманитар. науки. 2006. № 7 (21), ч. 1. С. 71–78.
4. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
5. Метс Н. А., Митрофанова О. Д., Одинцова Т. Б. Структура научного текста и обучение монологической речи. М., 1981.
6. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007.
7. Салтанова Н. Ю. Специфика рассуждения в художественном тексте: в сравнении с рассуждением в научном тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2008.

References

1. Nechaeva O. A. [Functional and semantic types of speech (description, narrative, argumentative types)]. Ulan-Ude, 1974 (in Russ.).
2. Valgina N. S. [Theory of the text: training manual]. Moscow, 2003 (in Russ.).
3. Pelevina N. N. [Deliberation in scientific texts and in fiction]. *Izv. Ross. gos. pedagog. univ. im. A. I. Gertsena. Obshestven. i humanit. nauki*. 2006. No. 7 (21), part 1. P. 71–78 (in Russ.).
4. Novikov A. I. [Semantics of the text and its formalization]. Moscow, 1983 (in Russ.).
5. Mets N. A., Mitrofanova O. D., Odintsova T. B. [The structure of a scientific text and monolog teaching]. Moscow, 1981 (in Russ.).
6. Bolotnova N. S. [Philological analysis of the text]. Moscow, 2007.
7. Saltanova N. U. [Specific character of an argumentative speech in a literary text: in comparison with argumentative speech in a scientific text] : thesis of the diss. ... PhD (philology) : 10.02.01. Moscow, 2008 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.05.2017.
Received by editorial board 16.05.2017.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Kaleta R. Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna. Warszawa : kated. Białorutenistyki, Wydż. Lingwist. Stosow., Uniw. Warsz., 2015. 187 s.

Kaleta R. Polish-Belarusian glottodidactic lapsology. Warsaw : Dep. of Belarus. Studies, fac. of appl. linguist., Univ. of Wars., 2015. 187 p.

У пачатку 2015 г. выйшла з друку праца ліцэнцыянта кафедры беларусістыкі Варшаўскага ўніверсітэта доктара навук Радаслава Калеты «Польска-беларуская глотадыдактычная лясалогія» (*Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna*). Выданне прысвечана апісанню і аналізу тыпаў памылак беларускамоўных студэнтаў пры вывучэнні польскай мовы, а таксама прычын гэтых памылак, шляхоў іх папярэджання і выпраўлення.

Даследчык Р. Калета распрацоўвае вельмі актуальны кірунак кантрастыўнай лінгвістыкі. У аичыннай лінгвадыдактыцы паралелі беларускай і польскай моў разглядалі А. Аксамітаў, М. Бірыла, У. Анічэнка, Г. Арашонкава, А. Булыка, І. Лучыц-Федарэц, А. Супрун, Л. Шакун, П. Шуба, Г. Цыхун, К. Гюлумянц, А. Кожынава, І. Кур'ян, А. Кіклевіч, А. Пацехіна, С. Важнік і інш. Але найбольш аналізаваліся пытанні дыялекталогіі, фанетыкі, лексікалогіі і фразеалогіі, граматычны аспект быў найменш асветленым.

Даследаванне заснавана на фактычным матэрыяле, сабраным падчас працы з беларускімі студэнтамі, якія вывучалі польскую мову. Аўтар аналізуе розныя глотадыдактычныя памылкі: фанетычныя, арфаграфічныя, лексічныя, словаўтваральныя і граматычныя. Даследчык спыняецца на асаблівасцях моўнай сітуацыі ў Беларусі, абумоўленых білінгвізмам, які, натуральна, праяўляецца пры вывучэнні польскай мовы. Блізкасць рускай і беларускай моў і роўнае валоданне імі навучэнцаў прыводзіць да таго, што часам бывае цяжка кваліфікаваць глотадыдактычную памылку як русізм ці беларусізм. Пры гэтым паланісты

адзначаюць пэўны лінгвістычны феномен моўных памылак беларусаў. Студэнты-беларусы, якія вывучаюць польскую мову, незалежна ад штодзённага карыстання беларускай ці рускай мовай, не могуць знайсці польскі адпаведнік, часцей падаюць выраз беларускі, а не рускі, бо ў іх свядомасці глыбока закадзіравана перакананне ў тым, што мова беларуская больш падобная да польскай, чым руская.

У сваім даследаванні Р. Калета дае агляд польскай навуковай літаратуры, прысвечанай моўным памылкам навучэнцаў падчас авалодання замежнай мовай. Цікавасць да гэтай праблемы паўстала ў 1960-х гг. і была выклікана практычнымі патрэбамі ўдасканалення метадыкі выкладання замежных моў. Асобныя раздзелы кнігі прысвечаны навукова-метадычным поглядам такіх даследчыкаў, як Ф. Груша, В. Чэнкоўскі, Г. Камароўска, А. Шульц, Г. Бялкоўска, Б. Качмарэк і інш. Аўтар крытыкуе састарэлыя метадычныя падыходы да кантынгенту навучэнцаў, якія авалодваюць польскай мовай як замежнай, як да ўніверсалазаванай асобы з Усходу. Адзначаецца неабходнасць нацыянальна арыентаваных падручнікаў польскай мовы асобна для рускіх, беларусаў і ўкраінцаў.

Другая глава даследавання прысвечана кантрастыўнаму аналізу беларускай і польскай моў. Аўтар акцэнтуйце ўвагу на тых асаблівасцях графікі, фанетыкі і граматыкі, якія могуць выклікаць цяжкасці пры навучанні беларусаў польскай мове. Гэтыя цяжкасці абумоўлены з'явамі адмоўнай інтэрферэнцыі, калі правілы роднай мовы механічна пераносяцца ў мову навучання.

Найбольшай навуковай і метадычнай каштоўнасцю вызначаецца трэцяя глава дапаможніка Р. Калеты. Тут падаецца тыпалогія моўных памылак беларускіх студэнтаў пры вывучэнні польскай мовы. Гэты падрабязны аналіз будзе карысным для выкладчыка (асабліва польскага паходжання) польскай мовы як замежнай. Падчас напісання манаграфіі Р. Калета выкарыстаў моўны матэрыял

з 270 пісьмовых прац рознага тыпу (лісты, эсэ, тэсты, экзаменацыйныя матэрыялы). Аўтар кантактаваў са 130 асобамі, якія вывучалі польскую мову ў розных установах адукацыі Польшчы і Беларусі. У суме былі прааналізаваны 515 моўных памылак (127 фанетычных, 142 арфаграфічных, 9 пунктуацыйных, 122 флексійных, 85 сінтаксічных, 4 словаўтваральных). Даследаванне Р. Калеты мае вялікае практычнае значэнне, паколькі дазваляе выявіць элементы фанетычнага, граматычнага і лексіка-семантычнага разыходжання паміж дзвюма мовамі, на што неабходна звяртаць асаблівую ўвагу ў працэсе навучання. Інтэрферэнцыя ў польскім пісьмовым і вусным маўленні студэнтаў-беларусаў на лексіка-семантычным узроўні адбываецца ў наступных кірунках: запазычанне ці калькаванне значэння беларускіх слоў на блізкія па форме польскія; калькаванне фразеалагічных зваротаў ці словазлучэнняў на блізкія па значэнні польскія звароты і словазлучэнні, скажэнне будовы словазлучэнняў і фразеалагізмаў; памылковае ўжыванне слоў ці выразаў як вынік недастатковага ведання ці разумення ўжытых слоў праз падабенства іх па гучанні з беларускімі лексемамі, іх выкарыстанне ў неадпаведным кантэксце; памылкі, якія ўзнікаюць у выніку словаўтваральных асацыяцый. Граматычны аналіз паказаў, што самымі нестабільнымі з’яўляюцца валентнасныя адносіны дзеяслоўнага выказніка з іменнымі словамі і словазлучэннямі, якія выступаюць у ролі дапаўнення, прамога ці ўскоснага. Найбольшая колькасць парушэнняў валентнасных сувязей прыходзіцца на прыназоўнікава-склонавае кіраванне. Такім чынам, неабходна звяртаць асаблівую ўвагу на запамінанне студэнтамі сінтаксічных канструкцый.

Засваенню лексікі і граматыкі польскай мовы садзейнічае іх блізкасць да ладу беларускай мовы, на што павінны арыентавацца аўтары вучэбных дапаможнікаў для беларусаў. Фарміраванне граматычнай кампетэнцыі ў навучэнцаў дасягаецца праз выкананне практыкаванняў, накіраваных у першую чаргу на супастаўленне блізкіх граматычных з’яў у польскай і беларускай мовах.

Лексічная кампетэнцыя фарміруецца праз выкананне практыкаванняў, дзякуючы якім адпрацоўваюцца адрозныя ад беларускіх элементы польскага словаўтварэння, лексіка-граматычнай семантыкі і спалучальнасці, калі адна і тая ж думка ў польскай і беларускай мовах выражаецца рознымі сродкамі. Навучэнцы павінны атрымаць навыкі падбору адэкватных польска-беларускіх эквівалентаў лексічных адзінак і словазлучэнняў, у тым ліку фразеалагічнага характару, пазнаёміцца са з’явамі міжмоўнай аманіміі (так званыя ўяўныя сябры перакладчыка).

Манаграфія Р. Калеты мае на мэце прэзентацыю памылак як з’явы пазітыўнай (насуперак пануючаму стэрэатыпу). Моўная (глотадыдактычная) памылка – важная крыніца інфармацыі для выкладчыка. Яна паказвае, якія праблемы могуць напаткаць студэнта пры вывучэнні замежнай мовы. У выніку выкладчык можа зрабіць навучанне больш эфектыўным. Трэба спадзявацца, што даследаванне Р. Калеты знойдзе прыхільнікаў сярод паланістаў і беларусістаў не толькі ў Польшчы, але і ў Беларусі. Аўтар прапанаваў арыгінальную навуковую канцэпцыю і адкрытую даследчыцкую пазіцыю, новы падыход да выкладання польскай мовы беларускамоўным навучэнцам.

В. У. Барысенка,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт

Ludovít Štúr. Jazykovedné dielo / Ľ. Kralčák a kol. 2 doplnené a upravené vydanie. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2015. 592 s.

Ludovít Štúr. Linguistic works / Ľ. Kralčák, et al. 2nd augment. and revis. ed. Nitra : University of Constantine the Philosopher in Nitra, 2015. 592 p.

У Славакіі 2015 год быў абвешчаны годам Людавіта Штура (1815–1856) – палітыка, філосафа, гісторыка, публіцыста, педагога, пісьменніка і лінгвіста. Адкрыццё новай бібліятэкі ў г. Прэшава, урачыстае пасяджэнне Нацыянальнай Рады Славацкай Рэспублікі, разнастайныя навуковыя канферэнцыі і конкурсы творчых прац сярод моладзі, тэатральныя пастаноўкі, канцэрты і выставы па ўсёй краіне і за яе межамі, дзясяткі тэматычных матэрыялаў у СМІ і новых кніжных

публікацый – так славакі адзначылі 200-годдзе з дня нараджэння выбітнага дзеяча славацкага нацыянальнага адраджэння. У Славакіі даўно існуе сапраўдны «культ асобы» Людавіта Штура, пра што сведчаць шматлікія помнікі, мемарыяльныя шыльды, музеі, творы мастацтва, прысвечаныя яму, дзясяткі вуліц, плошчаў, паркаў і ўстановаў, якія носяць імя Штура. Ёсць нават горад Штурава і браціслаўская сетка кавярняў *Štúr Café*...

І такая любоў зусім не беспадстаўная, бо пералічыць усе заслугі гэтай сапраўды неардынарнай асобы перад славацкім народам немагчыма: Людавіт Штур быў лідарам і ідэйным натхняльнікам славацкага нацыянальнага адраджэння 1830–50-х гг., стваральнікам першай славацкай палітычнай газеты «*Slovenskje národňje novini*» з літаратурным дадаткам «*Orol tatránski*»,

заснавальнікам аднаго з найбольш вядомых грамадска-палітычных і культурна-асветніцкіх аб'яднанняў у гісторыі краіны «Татрін», адным з пачынальнікаў рамантызму ў славацкай літаратуры, дэпутатам Венгерскага сейма і бескампрамісным абаронцам нацыянальных правоў славацкага народа, актыўным удзельнікам рэвалюцыйных падзей 1848–1849 г. у Аўстрыйскай імперыі, гарачым прыхільнікам ідэй панславізму і адным са склікальнікаў Пан-Славянскага кангрэса ў Празе 1848 г., таленавітым выкладчыкам і, урэшце, кадыфікатарам славацкай літаратурнай мовы.

Менавіта да 200-годдзя з дня нараджэння Людавіта Штура было прымеркавана выданне зборніка «Людавіт Штур. Мовазнаўчыя працы» («Ľudovít Štúr. Jazykovedné dielo»), які падрыхтаваў і выдаў у 2014 г. калектыў аўтараў на чале з загадчыкам кафедры славацкай мовы Універсітэта Канстанціна Філосафа ў Нітры, доктарам філасофскіх навук, прафесарам Любамірам Кралчакам. Кніга, што рэцэнзуецца намі, з'яўляецца другім, дапоўненым і выпраўленым, выданнем названага зборніка, якое пабачыла свет у 2015 г. З улікам нязначнасці зробленых выпраўленняў і часу ўзнікнення перавыдання яго можна было б назваць дадатковым тыражом. Аўтары-ўкладальнікі ў прадмове падкрэслілі «надзвычайнае значэнне яго [Штуравых] лінгвістычных прац для новай гісторыі славакаў»¹ (s. 11). Пасля бліжэйшага знаёмства са зместам выдання дадзенае сцвярджэнне сумненню не падлягае.

Кніга мае прадуманую структуру. Пасля прадмовы, у якой аўтары-ўкладальнікі тлумачаць прыныцы адбору, апрацоўкі і сістэматызацыі матэрыялу, змешчана грунтоўная тэарэтычная частка «Мовазнаўчыя працы Людавіта Штура», у якой прыводзіцца крытычны агляд лінгвістычнай спадчыны выдатнага славацкага філолага з пазіцый сучаснасці. Наступныя шэсць глаў – гэта непасрэдна збор усіх мовазнаўчых прац Людавіта Штура (як самастойных публікацый, так і ўрыўкаў з твораў шырэйшай тэматыкі). Усяго набіралася 27 такіх прац. Аўтары-ўкладальнікі патлумачылі цяжкасці, з якімі яны сутыкнуліся падчас адбору матэрыялу. Людавіт Штур часта закранаў пытанні, звязаныя з мовай, але ў выданне трапілі выключна тыя працы, што тэматычна і жанрава адпавядалі шасці асноўным кірункам даследавання яго лінгвістычнай спадчыны: агульнае мовазнаўства, тэорыя літаратурнай мовы, славацкая граматыка, моўная крытыка, славістычнае мовазнаўства, мова і грамадства. Такі падыход дазволіў не ўлічваць, напрыклад, тэксты літаратуразнаўчага характару. Асобныя творы ў межах тэматычных глаў размешчаны храналагічна. Што цікава, на вокладцы заўважныя сляды выпраўлення загалова кнігі:

актуальная назва наклепена на тонкай палосцы шчыльнай паперы паверх ранейшай, якую, аднак, пры жаданні магчыма расчытаць: «Людавіт Штур. Моўныя працы». Можна меркаваць, што пытанне крытэрыяў адбору матэрыялу пры ўкладанні зборніка сапраўды з'яўлялася дастаткова складаным.

У прадмове звяртаецца ўвага на тое, што дадзеная кніга – гэта фактычна першы поўны збор лінгвістычных прац Людавіта Штура пад адной вокладкай, якія раней выходзілі або толькі паасобку, або ў складзе вялікіх шматтомных выданняў. Наватарскім з'яўляецца падыход аўтараў-ўкладальнікаў і да мовы, правапісу матэрыялаў. Калі раней творы Людавіта Штура выходзілі ў адпаведнасці з нормамі сучаснай славацкай арфаграфіі, то ў гэтым выданні дбайна захаваны іх арыгінальны, «штураўскі» выгляд з пэўнымі пунктуацыйнымі змяненнямі, такім чынам вытрымліваецца прыныцы захавання максімальнай аўтэнтчнасці тэксту. Выключэннем з'яўляюцца творы чэшскамоўныя (адаптуюцца да сучаснай чэшскай графікі) і іншамоўныя (перакладаюцца на сучасную славацкую мову), але нават іх можна пабачыць у арыгінальным выглядзе як фотатыпы ў дадатку, якім завяршаецца зборнік.

Кожны мовазнаўчы тэкст Людавіта Штура суправаджаецца выдавецкімі заўвагамі (з іх можна атрымаць інфармацыю пра гісторыю і месца захоўвання арыгінала, унесеныя змены або выпраўленні), а таксама забяспечваецца паслятэкставымі тлумачэннямі да тых фрагментаў, якія патрабуюць крытычнага аналізу або проста раскрыцця сутнасці ці ўдакладнення пэўных паняццяў.

Як безумоўную вартасць выдання трэба адзначыць уводную главу, якая з'яўляецца цэласным аналітычным разглядам распрацаванай Людавітам Штурам канцэпцыі літаратурнай славацкай мовы і яго разумення мовы ў шырэйшым сацыяльна-геаграфічным кантэксце. Найбольш важныя функцыі гэтай главы – у сціслай, даходлівай форме сарыентаваць чытача ва ўсёй разнастайнасці лінгвістычных праблем, якія цікавілі Людавіта Штура; паказаць, што яго заслугі ў кадыфікацыі славацкай мовы зусім не выпадковыя, а абумоўлены яго шырокай абазнанасцю ў цэлым спектры мовазнаўчых пытанняў; расставіць акцэнт з пункта гледжання сучаснай лінгвістычнай навукі. Гэта своеасаблівы ключ або карта да прэрэстай мовазнаўчай спадчыны Штура, прычым паслядоўнасць аналізу яго лінгвістычных поглядаў падпарадкоўваецца логіцы і структуры самога выдання, адпавядае асобным главам. Паколькі менавіта ўводная частка «Мовазнаўчыя працы Людавіта Штура» з'яўляецца тэарэтычным ядром усяго зборніка і непасрэдна звязана з усімі

¹ Тут і далей пераклад наш. – П. Р.

наступнымі главамі, падчас нашага далейшага разгляду выдання мы будзем абапірацца пераважна на асобныя палажэнні і тэзісы, агучаныя ў ёй. Аўтары-ўкладальнікі не абмяжоўваюцца аналізам змешчаных у зборніку прац, а на падставе іншых дакументаў і даследаванняў раскрываюць шырэішы гісторыка-сацыяльны кантэкст. Напрыклад, паказваецца далёка не апошняя роля Людавіта Штура ў так званай годжаўска-гаталаўскай моўнай рэформе, якая, з аднаго боку, была скіравана супраць асобных палажэнняў, прапанаваных Штурам, а з іншага – дзякуючы намаганням самога Штура мела параўнальна абмежаваны маштаб і стала пэўным кампрамісным варыянтам, які з нязначнымі змяненнямі лёг у аснову сучаснай славацкай літаратурнай мовы.

Працы, размешчаныя ў першай главе «Пытанні агульнага і параўнальнага мовазнаўства», знаёмяць нас з поглядамі Людавіта Штура на многія праблемы тэарэтычнай лінгвістыкі. Пад уплывам ідэй А. Ф. Пота, Ф. Бопэ, В. фон Гумбальта і некаторых іншых нямецкіх мовазнаўцаў Людавіт Штур у рэчышчы параўнальна-гістарычнага і тыпалагічнага мовазнаўства даследаваў пытанні генетычнай і тыпалагічнай роднасці/блізкасці моў, імкнуўся раскрыць семантычны бок развіцця граматычных катэгорый роду (як адлюстравання прыроднай актыўнасці/пасіўнасці, мужчынскасці/жаночкасці ў мове), адушаўлёнасці, тлумачыў узнікненне склонавага сінкрэтызму, на базе санскрыту спрабаваў рэканструяваць сістэму праінда-еўрапейскага скланення. Многія тэзісы, агучаныя Людавітам Штурам, здаюцца сёння не зусім дарэчнымі, але яны ў значнай ступені адлюстроўваюць узровень развіцця тагачаснага еўрапейскага мовазнаўства. Акрамя таго, у выданні ўпершыню праводзіцца падрабязны крытычны разгляд параўнальна малавядомай лекцыі Людавіта Штура «Філасофія моў індаеўрапейскіх» («Filosofie řečí indoevropských», 1842), рэканструяванай паводле запісаў яго вучняў.

Глава «Тэорыя літаратурнай мовы» аб'ядноўвае тэксты, якія дазваляюць прасачыць эвалюцыю поглядаў Людавіта Штура на асноўныя пытанні распрацоўкі славацкай літаратурнай мовы. Калі напачатку Людавіт Штур з'яўляўся прыхільнікам выкарыстання і развіцця «чэхаславацкай мовы», то паступова, звяртаючы ўвагу на недастатковае разуменне многіх чэшскіх слоў на славацкіх землях, ён змяніў свой погляд і прыйшоў да высновы, што «чэхаславацкая» (а напраўду чэшская ў сваёй аснове) мова не задавальняе патрэбы духоўнага жыцця славацкага народа, становіцца пэўнай перашкодай для яго развіцця. Так нараджаецца думка пра неабходнасць стварэння славацкай літаратурнай мовы, якая б аб'яднала канфесійна і моўна раздроблены народ і дазволіла яму выжыць у няпростых гістарычных варунках. Але перш чым узяцца за напісанне граматыкі славац-

кай мовы, Людавіт Штур імкнуўся асэнсаваць, якім павінен быць падыход да гэтай адказнай справы. Цікавымі падаюцца развагі лінгвіста пра тры ўзроўні навуковага пазнання (асэнсавання) мовы: на найніжэйшым узроўні даследчык проста фіксуе існыя правілы і адметнасці, на вышэйшым узроўні ён займае пазіцыю назіральніка ў адносінах да мовы, імкнецца паказаць, якой мова павінна быць, змяніць яе ў бок уяўнага ідэалу (часта з пурыстычных пазіцый) і толькі на найвышэйшым узроўні асэнсоўвае ўжо не правілы, а глыбінныя законы развіцця мовы, паказвае яе карані. Асобныя ўзроўні даследавання мовы карэлююць з этапамі развіцця народа, яго духоўным ростам. Тут жа варта згадаць і пра погляды Людавіта Штура на дастаткова папулярныя ў той час ідэі моўнага пурызму, да якіх ён ставіўся даволі рацыянальна: не варта адмаўляцца ад запазычанняў, якія збліжаюць славацкую мову з мовамі больш развітых народаў і спрыяюць яе ўзбагачэнню, але ў той жа час не трэба бяздумна пераймаць тое, што лёгка і трапна можна выразіць сродкамі ўласнай мовы.

Непасрэдную патрэбу распрацоўкі новай славацкай літаратурнай мовы Людавіт Штур абгрунтоўваў у працы «Гаворка славацкая або патрэба пісаць на гэтай гаворцы» («Nárečja slovenskuo alebo potreba písania v tomto nárečí», 1846). У якасці асноўных мэт такой дзейнасці аўтару бачыліся, па-першае, неабходнасць моўнай кансалідацыі славацкага народа (у той час пратэстанты аддавалі перавагу чэшскай мове, каталікі – так званай берналакаўшчыне або іншым «культурным варыянтам» славацкай мовы, у справядстве дамінавалі лацінская і нямецкая мовы, а ў грамадскае жыццё ўсё актыўней уводзілася венгерская), а па-другое – стварэнне ўмоў для выхаду славакаў з ценю іншых народаў, што ў выніку павінна было прывесці да агульнага ўзмацнення пазіцый славянства. У якасці крыніцы літаратурнай нормы абіралася жывое маўленне, што дазваляла пазбегнуць празмернай крытыкі і абвінавачванняў у яе штучнасці, а базай абвешчаны цэнтральнаславацкія гаворкі. Пры іх выбары да ўвагі прымаліся наступныя крытэрыі:

- гістарычная першаснасць (абапіраючыся на Аповесць мінулых гадоў, Людавіт Штур разглядаў тэрыторыю Славакіі як калыску славянскіх народаў, а цэнтральнаславацкія гаворкі, дзякуючы іх ізаляванасці ў далінах Татраў, – як «самыя сапраўдныя» і «найчысцейшыя» славянскія гаворкі);

- сістэмнасць (мова цэнтральнаславацкіх гаворак уяўляе сабой цэласную сістэму, найбольш адрозную ад будовы моў суседніх народаў; пры гэтым Людавіт Штур адмаўляўся ўводзіць у якасці нормы элементы іншых гаворак, каб захаваць яе непарушнасць, не стварыць мову штучную);

- моўная рэпрэзентатыўнасць (цэнтральнаславацкія гаворкі здаваліся Штуру найбольш

мілагучнымі, эстэтычна дасканалымі, вартымі статусу літаратурнай мовы).

Цэнтральнае месца ў наступнай главе, «Славацкая граматыка», займае, відаць, самая важная мовазнаўчая праца Людавіта Штура, якая стала вынікам яго кадыфікатарскіх намаганняў, – «Наука řeči slovenskéj» (1846). Дадзеная праца дастаткова добра даследавана і інтэрпрэтавана, таму нагадаем толькі, што яна складаецца з трох вялікіх частак: першая прысвечана пытанням фанетыкі, словаўтварэння, арфаэпіі, арфаграфіі і часцінамоўных катэгорый; другая – пытанням скланення і спражэння адпаведных часцін мовы; трэцяя – сінтаксісу славацкай мовы. Граматыка Людавіта Штура стваралася пад пэўным уплывам граматык чэшскай мовы Ё. Добраўскага і В. Ганкі, аднак яе нельга лічыць сляпым наследаваннем, бо аўтар праявіў сябе як цалкам самастойны даследчык-лінгвіст з уласным пунктам гледжання і наватарскімі ідэямі, які ў сваёй працы выйшаў за межы традыцыйнай апісальнай граматыкі. Напрыклад, ён фактычна паклаў пачатак семантычнай марфалогіі ў чэшскім і славацкім мовазнаўстве, выказаў ідэю, якія можна лічыць правобразам тэорыі інтэнцыі дзеяслоўнага дзеяння, сфармуляванай у цэласным выглядзе толькі праз сто гадоў іншым выбітным славацкім мовазнаўцам Э. Паўліні. Аднак, безумоўна, галоўная вартасць названай працы заключаецца ў тым, што яна (хоць і пасля пэўных перапрацовак) стала першай сапраўды агульнапрынятай граматыкай славацкай мовы, спрыяла кансалідацыі славацкага народа і фарміраванню яго нацыянальнай самасвядомасці, а значыць, фактычна пакінула межы лінгвістычнага дыскурсу і стала з’явай культурнага, гістарычнага маштабу.

Глава «Моўная крытыка» змяшчае тэксты Людавіта Штура, у якіх ён крытычна асэнсоўвае практыку выкарыстання славацкай мовы асобнымі выданнямі і аўтарамі, выказвае патрабаванні трымаць за ўзор жывое народнае маўленне і не засмечваць мову недарэчнымі запазычанымі словамі, формамі або канструкцыямі.

Лёс славацкай мовы і славацкага народа Штур разглядаў у агульнаславянскім кантэксце, пра што сведчаць публікацыі, аб’яднаныя ў главе «Славянскае мовазнаўства». Гэта пераважна водгукі на мовазнаўчыя працы, што выходзілі ў іншых славянскіх краінах, а таксама ўрывак з палітычных разваг Людавіта Штура, вядомых пад назвай «Славянства і свет будучыні» (1851). Людавіт Штур прытрымліваўся ідэі славянскай узаемнасці: ён успрымаў асобныя славянскія народы як частку адзінага вялікага славянскага народа, асноўным духоўным багаццем якога з’яўляецца разнастайнасць гаворак (моў). Развіццё славянскіх гаворак, іх культываванне, вядзе да агульнага развіцця славянства. Аднак у працы «Славянства і свет

будучыні» Штур змяніў свае погляды і выказаў новую для сябе ідэю: усім славянскім народам неабходна перайсці на агульную літаратурную мову, і ёй павінна быць мова найбольшага і наймагутнейшага славянскага народа – руская. Відаць, такая змена поглядаў была звязана з узмацненнем ціску на славацкі нацыянальны рух у Аўстра-Венгрыі, ва ўмовах якога адзінай надзеяй і гарантыяй развіцця славянства ўспрымалася моцная і самастойная Расія.

Пра рэальныя перашкоды, з якімі сутыкалася славацкая мова, сведчаць тэксты, аб’яднаныя ў апошняй главе – «Мова і грамадства». Рэагуючы на актыўнае ўзмацненне мадзьярызацыі, Людавіт Штур піша шэраг артыкулаў, у якіх выказвае наступныя ідэі: у шматмоўным і поліэтнічным грамадстве недапушчальнае прымусовае прэфераванне нейкай адной мовы на шкоду іншым (калі на тое няма сур’ёзных падстаў); дзеці павінны мець магчымасць навучання на іх роднай мове, таму неабходна адмовіцца ад спроб пераводу адукацыі на венгерскую мову (што не выключае вывучэння гэтай мовы як асобнага прадмета); улады не павінны перашкаджаць развіццю сувязей славакаў з іншымі славянскімі народамі.

Такім чынам, выданне «Людавіт Штур. Мовазнаўчыя працы» знаёміць нас з усімі асноўнымі аспектамі лінгвістычных поглядаў Людавіта Штура і ў поўнай меры адпавядае мэтам, сфармуляваным у прадмове: «...паспрыяць паглыбленню ведаў пра сапраўды імпазантную творчую спадчыну Штура, а таксама падтрымаць далейшыя даследаванні ў галіне гісторыі літаратурнай славацкай мовы і асабліва ў галіне гісторыі славацкага мовазнаўства» (s. 15). З’яўленне ўсіх мовазнаўчых прац Людавіта Штура пад адной вокладкай у суправаджэнні грунтоўнага навуковага каментарыя – гэта сапраўды важная падзея для ўсіх, хто цікавіцца славацкім і, шырэй, славянскім мовазнаўствам, якая можа стаць імпульсам для новых навуковых даследаванняў. Хоць выданне і забяспечана бібліяграфічным спісам асноўных прац, прысвечаных вывучэнню лінгвістычнай спадчыны Людавіта Штура, лагічным працягам зборніка бачыцца стварэнне грунтоўнага паказальніка ўсёй навуковай літаратуры па дадзенай тэматыцы хаця б у межах славацкага і чэшскага мовазнаўства.

І яшчэ адна заўвага. Калі пачынаеш разважаць пра Людавіта Штура і ўшанаванне яго памяці, непазбежна ўзгадваецца Браніслаў Тарашкевіч. Хоцяцца верыць, што калі-небудзь і наша грамадства дойдзе да ўсведамлення той вялікай ролі, якую гэта асоба адыграла ў нашай нацыянальнай гісторыі, а стагадовы юбілей «Беларускай граматыкі для школ» не пройдзе незаўважана.

П. А. Рааго,

выкладчык кафедры гісторыі беларускай мовы
філалагічнага факультэта БДУ

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

CHRONICLE, INFORMATION

МІЖНАРОДНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ «ГІСТАРЫЧНЫ І САЦЫЯЛІНГВІСТЫЧНЫ КАНТЭКСТ КАДЫФІКАЦЫІ СЛАВЯНСКІХ МОЎ»

INTERNATIONAL CONFERENCE «HISTORICAL AND SOCIOLINGUISTIC CONTEXT OF SLAVIC LANGUAGES CODIFICATION»

На філасофскім факультэце Універсітэта Канстанціна Філасафа ў Нітры (Славакія) 22–24 чэрвеня 2016 г. прайшла чарговая канферэнцыя Камісіі па славянскіх літаратурных мовах пры Міжнародным камітэце славістаў, да арганізацыі якой спрычыніўся таксама Інстытут мовазнаўства імя Людавіта Штура Славацкай акадэміі навук. Месца і час правядзення канферэнцыі (у кастрычніку 2015 г. споўнілася 200 гадоў з дня нараджэння палітыка, гісторыка, пісьменніка і лінгвіста Людавіта Штура) у значнай ступені паўплывалі на праблематыку форуму, у цэнтры ўвагі якога стаялі праблемы гістарычнага і сацыялінгвістычнага кантэксту кадыфікацыі славянскіх моў.

Удзельнікаў канферэнцыі прывіталі намеснік дэкана па навуцы філасофскага факультэта дацэнт Марцін Гетэні і старшыня Камісіі па славянскіх літаратурных мовах Гана Гладкава (Прага, Чэхія). Канферэнцыя сабрала навукоўцаў з Аўстрыі, Балгарыі, Беларусі, Германіі, ЗША, Сербіі, Славакіі, Украіны і Чэхіі.

Навуковую частку канферэнцыі адкрыў даклад **Славаміра Андрэвіча** (Браціслава, Славакія), прысвечаны асэнсаванню Л. Штурам кадыфікацыі славацкай літаратурнай мовы ў славянскім кантэксце. Докладчык звярнуў увагу на крыніцы штураўскай кадыфікацыі, пазначыўшы, што навуковец абаяўся на тагачасную жывую мову, найперш мову цэнтральнаславацкіх гарадоў.

У 1840-я гг. як сродак літаратурнага выказвання гэты рэгіянальны варыянт славацкай мовы быў развіты горш, чым заходняя славацкая мова, але ён пашыраўся і на ўсход, і на захад, што стварала спрыяльныя перадумовы для таго, каб менавіта мова цэнтральнай Славакіі стала сродкам агульнаацыянальнай камунікацыі. Высока ацаніў С. Андрэвіч разважлівасць Л. Штура, які падчас далейшай апрацоўкі яго нормы М. М. Годжам і М. Гаталам дзеля згоды паміж пратэстантамі і каталікамі пайшоў на шматлікія кампрамісы. У сваёй працы «Славянства і свет будучыні» Л. Штур сфармуляваў некаторыя прынцыпы, угрунтаваныя на агульных чалавечых катэгорыях і гісторыі славянскіх народаў.

Гана Гладкава прачытала даклад аб кадыфікацыйных тэорыях у багемістыцы. У артыкуле разглядаюцца два аспекты новых апісанняў сучаснай чэшскай мовы. Звяртаецца ўвага на «сутыкненне граматык» – становішча, пры якім узнікаюць паралельныя апісанні моўнай структуры, здольныя канкурыраваць паміж сабой. Сучасныя аўтары імкнуцца больш глыбока пранікнуць у прыроду моўнай структуры – пастуліруюць новыя парадыхмы, больш грунтоўна вывучаюць семантычны бок структуры, аналізуюць яе з пункта гледжання кагнітыўнай лінгвістыкі. Характэрнай асаблівасцю такіх прац з’яўляецца значная ўвага да сродкаў апісання і да пераадолення традыцыйнага процістаўлення *langue* і *parole*.

Другі аспект заключаецца ў тым, што выкарыстоўваюцца больш дасканалыя (і складаныя) інструменты апісання, якія ламаюць традыцыйныя дыхатамічныя паняцці са спасылкай на шкалярнасць структур і іх значэння, пераадоўваецца дагэтуль ключавая антытэза граматыкі і лексікі. Гэты аспект суправаджаецца інфармацыйнай аб'ектнасцю і размеркаванні выкарыстання з'явы ў залежнасці ад экстралінгвістычных фактараў. Типовай характарыстыкай сучасных апісанняў з'яўляецца выкарыстанне карпусоў.

Яна Шолчына (Баўцэн (Будышын) – Лейпцыг, Германія) засяродзілася на гістарычных і сучасных аспектах правапісу верхнялужыцкай літаратурнай мовы. У гістарычнай частцы даклада былі каратка разгледжаны спробы стварэння ўніфікаванай верхнялужыцкай літаратурнай мовы і яе правапіснай нормы на аснове літаратурнамоўных варыянтаў верхнялужыцкіх пратэстантаў і каталікоў пачынаючы ад XVII–XVIII стст. Прынцыповыя змены адбыліся ў XIX ст. дзякуючы дзейнасці лідараў нацыянальнага адраджэння Яна Арношта Смолера і Яна Петра Ёрдана. Дакладчыца згадала ўвядзенне Лужыцкай маціцай так званага аналагічнага правапісу і доўгі працэс стабілізацыі ўніфікаванай арфаграфіі да сярэдзіны XX ст. У другой частцы даклада на прыкладзе новага выдання дапаможніка 2008 г. былі разгледжаны тэндэнцыі сучаснага развіцця і праблемы захавання прынятых правапісных норм, а таксама кадыфікатарская дзейнасць Верхнялужыцкай моўнай камісіі.

Дыяна Іванава (Плоўдзіў, Балгарыя) разважала аб тэарэтычных і метадалагічных аспектах моўнай нормы і перыядызацыі літаратурнай мовы прымяняльна да Балгарыі. Дакладчыца праналізавала некаторыя супярэчлівыя пытанні перыядызацыі балгарскай літаратурнай мовы, якія былі аб'ектам шматлікіх дыскусій у гістарычнай лінгвістыцы, прадставіла ўласную канцэпцыю адбору крытэрыяў, на аснове якіх мае здзяйсняцца перыядызацыя. У дакладзе Д. Іванавай былі асэнсаваны роля моўных і экстралінгвістычных фактараў, узаемадзеянне паміж моўнымі сістэмамі, якія функцыянавалі ў розныя часы, тыпы норм, якія дамінавалі над іншымі ў пэўныя перыяды развіцця балгарскай літаратурнай мовы.

Надка Нікалава (Шумен, Балгарыя) падзялілася з удзельнікамі канферэнцыі сваімі назіраннямі за падыходамі, якія рэалізаваліся ў працэсе кадыфікацыі новабалгарскай літаратурнай мовы, паставіўшы ў цэнтр увагі граматыку балгарскай літаратурнай мовы 1835 г. Неафіта Рылскага. Былі вылучаны дзве важныя асаблівасці кадыфікацыі, якія паўплывалі на развіццё балгарскай літаратурнай мовы і яе функцыянаванне. З аднаго боку, гэта аўтарытарны падыход

у тэксце граматыкі і пурыстычная лінія, выкладзеная ў невялікім слоўніку, які прыводзіўся ў канцы граматыкі. З другога боку, Неафіт Рылскі вынес на абмеркаванне мноства тэм у вялікай працы «Філалагічнае даследаванне», неаднаразова выказваў свой пункт гледжання, што мела на ўвазе плюралізм, дыялагічнасць і талерантнасць у працэсе абмену думкамі адносна норм і іх кадыфікацыі.

Кадыфікацыю ў якасці важнага канстытутыўнага элемента літаратурнай мовы ствараюць канкрэтныя асобы, якіх гістарычны кантэкст паставіў у такую пазіцыю. Для сербскай мовы ў гэтых адносінах асабліва важнай была першая палова XIX ст. **Божа Чорыч** (Бялград, Сербія) прадставіў персон, якія мелі вялікае значэнне для кадыфікацыі сербскай мовы ў XIX ст. У першай палове XIX ст. пэўны ўплыў на сербскіх аўтараў у сферы стандартызацыі і кадыфікацыі нацыянальнай мовы аказалі замежныя навукоўцы і пісьменнікі – Ерней Копітар, Якаб Грым, Ёган Адэлунг, Ёган Гердэр, Ёзаф Добраўскі. Іх адукацыя, ідэі, практычна-моўная дзейнасць, кансультацыі, стымуляванне, прапаганда і падтрымка істотна паспрыялі перамозе Вукавай моўнай і графічнай рэвалюцыі, якая рэалізавалася ўжо ў другой палове XIX ст.

Паўднёваславянскі «блок» другога дня канферэнцыі завяршалі яшчэ дзве сербскія працы. **Велька Брборыч** (Бялград, Сербія) прачытаў даклад «Джура Данічыч як кадыфікатар сербскай мовы». Даследчык адзначыў, што Джура Данічыч пакінуў свой след у гісторыі як самы адданы прыхільнік Вука Караджыча. Пасля публікацыі ў 1847 г. яго добра аргументаванай працы «Вайна за сербскую мову і правапіс» перамога рэформы В. Караджыча стала непазбежнай, хоць афіцыйнае яе прызнанне прыйшло толькі праз 20 гадоў. Пасля 1847 г. кадыфікатарская дзейнасць Дж. Данічыча таксама была значнай: ён супрацоўнічаў з В. Караджычам у справе перакладу Новага Запавету, пры падрыхтоўцы ў 1852 г. другога выдання «Сербскага слоўніка» і інш.

Даклад **Аляксандра Міланавіча** (Бялград, Сербія) быў прысвечаны Ёвану Субоцічу як кадыфікатару сербскай мовы. Згодна з дакладчыкам для дзейнасці палітыка і лінгвіста XIX ст. Ё. Субоціча асабліва важнымі былі дзве вялікія задачы: хуткае засваенне сербамі граматычнасці, культурнага ўздыху і нацыянальная інтэграцыя шляхам злому дыялектных бар'ераў. Субоціч засведчыў сябе як прыхільнік кампрамісу паміж дасітэаўскай (ад імя Дасітэя Абрадавіча) і вукаўскай стандартнамоўнымі канцэпцыямі, якія супярэчылі адна адной. У сваёй граматыцы 1847 г. ён захавваў асобныя прынцыпы Д. Абрадавіча, але, апісваючы структуру сербскай народнай мовы і прыводзячы прыклады найперш з яе, Ё. Субоціч адначасова

сцвердзіў немагчымасць апоры пры фарміраванні сербскай стандартнай мовы на руска-славянскую або славяна-сербскую мову.

Усходнеславянскія мовы паслужылі матэрыялам для дакладаў Людмілы Ткач (Чарнаўцы, Украіна), Андрэя Даніленкі (Нью-Ёрк, ЗША), Наталлі Корынай (Нітра, Славакія) і Сяргея Запрудскага (Мінск, Беларусь).

Людміла Ткач паставіла ў цэнтр увагі свайго даследавання сацыялінгвістычныя аспекты лексікаграфічнай кадыфікацыі ўкраінскай літаратурнай мовы ў другой палове XX – пачатку XXI ст.

На аснове асэнсавання навуковай літаратуры **Андрэй Даніленка** знайшоў магчымасць паставіць пытанне аб тым, колькі варыянтаў украінскай літаратурнай мовы «трэба мець сёння». Аўтара зацікавіла пабудова сацыяльнай тыпалогіі ўкраінскай літаратурнай мовы, якую ён здзяйсняў пры дапамозе метаду трыягуляцыі. Гэты метадавызначвае прасторавыя, часавыя і грамадскія параметры рэгіянальнага вар’іравання (стандартаў) украінскай літаратурнай мовы. Асабліва ўвага ў дакладзе была ўдзелена дыялектнай дыферэнцыяцыі і грамадска-гістарычным асаблівасцям фарміравання надняпроўскага, галіцка-букавінскага, закарпацкага і бачска-срэмскага (бачванска-срэмскага) варыянтаў. Дакладчык прызнаў украінскую мову поліцэнтрыванай і вылучыў у ёй два нацыянальныя варыянты. Акрамя таго, А. Даніленка вызначыў прасторавыя і часавыя адзнакі цэнтраімплівай і цэнтрабежнай нармалізацыі варыянтаў украінскай літаратурнай мовы.

Наталля Корына прачытала даклад аб сучасным стане рускай літаратурнай мовы і нацыялектах рускай мовы. У дакладзе былі разгледжаны разыходжанне маўленчай практыкі з канонамі літаратурнай мовы і праблемы культуры публічнага маўлення, на фарміраванне якой аказваюць значнае ўздзеянне выступленні першых асоб дзяржавы, усё больш аддаленыя ад літаратурнай нормы. Асабліва ўвага была нададзена функцыянаванню так званых нацыялектаў, пад якімі разумеюцца рэгіянальныя варыянты рускай мовы, і звязаным з імі праблемам перакладу. Дакладчыца прадэманстравала, што адной з найбольш характэрных рыс нацыялекту з’яўляецца яго маркіраванасць асяроддзем прымаючай культуры.

Сяргей Запрудскі засяродзіўся на абставінах рэфармавання беларускай мовы ў 1933 г., паспрабаваўшы дыферэнцыраваць заканамерныя і выпадковыя фактары, якія мелі сілу ў працэсе яе рэалізацыі.

Вечарам 23 чэрвеня адбылася прэзентацыя падрыхтаванага калектывам славацкіх навукоўцаў пад кіраўніцтвам Л. Кралчака выдання «Людэвіт Штур. Мовазнаўчыя працы» (рэцэнзуецца ў гэтым нумары часопіса).

У дакладах апошняга дня канферэнцыі асвятлялася пераважна славакістычная і багемістычная праблематыка. У сваім дакладзе **Катарына Дудава** (Нітра, Славакія) разважала аб пераемнасці паміж кадыфікацыяй А. Берналака і папярэднім развіццём славацкай мовы. Дакладчыца прадэманстравала элементы такой пераемнасці на прыкладзе фразеалагічных варыянтаў, уведзеных А. Берналакам у яго працы «Славацкая граматыка» (1790). На думку К. Дудавай, фразеалогія займала важнае месца пры ўтварэнні берналакаўскага варыянта славацкай літаратурнай мовы, паколькі паходзіла з айчынных крыніц гэтак званай культурнай славацкай мовы. У літаратурнай мове, якая ўзнікала, з’яўлялася ўласцівасць гнуткай стабільнасці і ўзмацняліся асноўныя крытэрыі літаратурнай мовы (а менавіта зразумеласць і функцыянальнасць). Берналакаўшчына пачала ўжывацца ў мастацкай, папулярна-навуковай і набажэнскай літаратуры; яна стала першай літаратурнай мовай славакаў, якая ахоплівала ўсе слаі грамадства.

Анджэй Блага (Аламоўц, Чэхія) падзяліўся вынікамі сваіх назіранняў за сітуацыяй у чэшскай і славацкай мовах у першай палове XIX ст. У параўнанні са Славакіяй чэшскім землям была ўласцівая меншая моўная гамагеннасць, асабліва ў Маравіі і Сілезіі, дзе ў гарадах дамінавала нямецкамоўнае насельніцтва. Дакладчык звярнуў увагу на такія аспекты, як месца лацінскай мовы, увядзенне ў якасці мовы навучання ва ўніверсітэтах нямецкай мовы, канфесійны склад насельніцтва, дамінаванне на чэшскіх землях нямецкамоўных філалагічных прац, уплыў славацкай моўнай прадукцыі на фарміраванне чэшскай літаратурнай мовы, роля славакаў у чэшскім моўным адраджэнні.

Любамір Кралчак (Нітра, Славакія) прадставіў даклад аб працы Л. Штура «Навука славацкай мовы» ў якасці кадыфікацыйнага тэксту. Даследчык асэнсаваў спосаб тлумачэння ў гэтай працы граматычнага матэрыялу, паказаў, што твор Л. Штура сягае за рамкі традыцыйных граматык і, значыць, пра яго нельга гаварыць як пра практычную граматыку, ён з’яўляецца навуковай граматыкай.

Галоўны арганізатар канферэнцыі – прафесар кафедры славацкай мовы **Юрай Глоўня** (Нітра, Славакія) – паставіў у цэнтр увагі свайго даклада канфесійны фон штураўскай кадыфікацыі. Рэфармацыя парушыла сярэдневяковае духоўнае адзінства, выклікала царкоўны раскол і паўдзейнічала на нацыянальнае адраджэнне. На кадыфікацыю каталіка Берналака абапіраліся пратэстанты-штураўцы. Людэвіт Штур старанна імкнуўся знайсці падтрымку сярод каталікоў. Яго гістарычная веліч палягае ў тым, што ён пераадолеў канфесійны антаганізм і ўсвядоміў, што немагчыма

аб'яднаць народ без падтрымкі бэрналакаўцаў. Аўтар паказаў на канкрэтныя выпадкі супрацоўніцтва, у тым ліку ўзаемадзеяння Штура з навукоўцамі-праваслаўнымі, на розніцу поглядаў на літаратурную мову ў асяроддзі вучоных-пратэстантаў. У славацкай гісторыі каталікі і пратэстанты дзейнічалі ў дыялектычнай сувязі, у выніку абедзве канфесіі абагацілі славацкую культуру.

Канферэнцыю вячаў праблемны даклад **Анны Крэчмер** (Вена, Аўстрыя) «Міфы і факты гісторыі славянскіх пісьмовых і літаратурных моў», які выклікаў бурную дыскусію. Падзеі апошніх дзесяцігоддзяў ва Усходняй і Паўднёва-Усходняй Еўропе ствараюць урадлівую глебу для фарміравання новых міфаў пра асобныя этнічныя групы і мовы гэтых арэалаў. Матэрыялам паслужылі тры ўсходнеславянскія мовы, а таксама наступнікі сербскахарвацкай (харвацкасербскай) мовы – баснійская, сербская, харвацкая і чарнагорская мовы. Паколькі многія згаданыя арэалы ўваходзілі ў так званы рэгіён *Slavia Orthodoxa*, чыя культурная парадыгма істотна адрозніваецца ад неправаслаўнай *Slavia* і Заходняй Еўропы,

у дакладзе была ўзята пад увагу спецыфіка старой славянска-праваслаўнай пісьмовай культуры. Аб'ектам вывучэння дакладчыцы сталі таксама этнічныя і моўныя астравы гэтага вялікага арэала – сербскае насельніцтва аўстрыйскай тэрыторыі і ўсходнеславянскія жыхары Вялікага Княства Літоўскага, пазнейшай польска-літоўскай дзяржавы.

У рамках канферэнцыі прайшло пасяджэнне Камісіі па славянскіх літаратурных мовах, на якім была сфармулявана заяўка на будучы Міжнародны з'езд славістаў у Бялградзе, абмяркоўваліся выдавецкія планы, праектавалася правядзенне наступнай канферэнцыі камісіі, былі прыняты новыя члены і інш.

Удзельнікі канферэнцыі мелі магчымасць пазнаёміцца з выдатнымі мясцінамі і помнікамі старажытнай Нітры.

Па матэрыялах канферэнцыі надрукаваны зборнік.

С. М. Запрудскі,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

OUR JUBILEE

Вячаслаў Пятровіч
РАГОЙША

Viachaslau Piatrovich
RANOJSNA

Лёс Вячаслава Пятровіча Рагойшы звязаны з Беларускім дзяржаўным універсітэтам пачынаючы з 1958 г. На сёння юбіляр – самы вопытны, самы дасведчаны тэарэтык літаратуры ў БДУ, адзін з найбольш аўтарытэтных даследчыкаў літаратуразнаўцаў у рэспубліцы, вядомы таксама далёка за яе межамі.

Нарадзіўся В. П. Рагойша 5 чэрвеня 1942 г. у в. Ракаў Валожынскага раёна Мінскай вобласці. Вучыўся ў Ракаўскай сярэдняй школе. Скончыў яе з залатым медалём, а філалагічны факультэт БДУ – з адзнакай (1963). У 1965 г. служыў у Савецкай арміі, перарваўшы вучобу ў аспірантуры, якую паспяхова скончыў з датэрміновай абаронай дысертацыі ў 1967 г. З гэтага ж года займаў пасаду старшага выкладчыка, затым – дацэнта кафедры беларускай літаратуры БДУ. З 1988 па 1991 г. – дацэнт кафедры культуры Інстытута паліталогіі і сацыяльнага кіравання. З 1991 па 1994 г. – намеснік

дырэктара Нацыянальнага навукова-асветнага цэнтра імя Ф. Скарыны. Арганізатар кафедры тэорыі літаратуры БДУ, яе загадчык з 1994 па 2016 г. Прафесар кафедры тэорыі літаратуры з 2016 г.

Доктарскую дысертацыю абараніў у 1993 г. у Інстытуце сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага Расійскай акадэміі навук. Званне прафесара В. П. Рагойшу нададзена ў 1994 г.

Кола навуковых інтарэсаў Вячаслава Пятровіча надзвычай шырокае: тэорыя і гісторыя беларускай літаратуры, беларуска-славянскія літаратурныя ўзаемасувязі, паэтыка літаратурнага твора, пытанні тэорыі і практыкі мастацкага перакладу. Ён выявіў і апублікаваў шэраг невядомых архіўных матэрыялаў па беларускай літаратуры XIX ст., творчасці Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча, Цёткі, Сяргея Палуяна, Старога Уласа і інш.

Вячаслаў Рагойша надзвычай удумлівы і працалюбівы даследчык літаратуры, звыклы да доўгай і карпатлівай працы за сталом, у архівах, бібліятэках. Спіс навуковых прац В. П. Рагойшы ўжо даўно перавышае 1000 пазіцый. Як сапраўдны навуковец Вячаслаў Пятровіч заўсёды асноўваецца перш за ўсё на фактах, таму і вывучае так настойліва архівы. Сам ён сведчыць: «З гэтых пошукаў нарадзіліся многія мае публікацыі. У прыватнасці, з падобных знаходак цалкам складалася і кніга «Напісана рукой Купалы». Выйшла яна ў 1981 г. «Вышыні» ж маюць падзаглавак «З невядомага і забытага пра Янку Купалу, Якуба Коласа і Максіма Багдановіча». Гэта праца таксама напісана на аснове архіўных пошукаў і, зразумела, знаходак. Яны прывялі і да выдання арыгінальных аўтарскіх кніг: Сяргея Палуяна, Старога Уласа і нават «Жыве Беларусь!» Янкі Купалы».

Выключна вялікі рэзананс, і не толькі ў Беларусі, мела складзеная В. П. Рагойшам кніга верша Янкі Купалы «А хто там ідзе?» у перакладзе на розныя мовы свету. Адказваючы на пытанні аднаго з часопісаў пра творчыя кантакты і наладжванне ўзаемасувязей паміж братнімі літаратурамі, Вячаслаў Пятровіч падкрэсліваў: «Маё зацікаўленне тэорыяй і практыкай мастацкага перакладу, практыкай і тэорыяй літаратурных узаемасувязяў, найперш беларуска-ўкраінскіх, пачалося з першых выступленняў на студэнцкіх канферэнцыях у Львове і Адэсе. Бадай, у кожнай маёй кнізе прысутнічае і ўкраінскі матэрыял. Найперш у кнігах «Карані дружбы» (напісана сумесна з Таццянай Кабржыцкай), у «Праблемах перакладу з блізкароднасных моў» (падзаглавак: «Беларуска-рускі-ўкраінскі паэтычны ўзаемапераклад»), у кнізе «І нясе яна дар» (падзаглавак: «Беларуская паэзія на рускай і ўкраінскай мовах»). Украінскі матэрыял ёсць нават у «Паэтычным слоўніку» і ў «Гутарках пра верш», у якіх шмат апеляцый да ўкраінскай літаратуры, менавіта вопыту яе паэзіі».

Выдатны даследчык літаратуры член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Міхась Мушыньскі, гаворачы пра творчасць Вячаслава Пятровіча, адзначае: «Прафесар В. Рагойша з’яўляецца адным з асноўных спецыялістаў у Беларусі па кампаратывістыцы і перакладзнаўстве». Асабліва інтэнсіўна Вячаслаў Пятровіч разам з жонкай Т. В. Кабржыцкай вывучае беларуска-ўкраінскія сувязі, за што яго ва Украіне называюць «спрадвечнай дружбы летапісцам». Акрамя таго, неабходна згадаць кнігу В. П. Рагойшы «Беларуская літаратура XX стагоддзя ў сістэме ўсходнеславянскай літаратурнай супольнасці» (2008), хрэстаматыю «Мае браты, мае суседзі: творы пісьменнікаў бліжняга замежжа» (2008), укладзеную разам з Т. В. Кабржыцкай, а таксама дзясяткі яго грунтоўных артыкулаў.

Апошні па часе праект, над якім Вячаслаў Пятровіч працаваў з Таццянай Вячаславаўнай, – трохтомны вучэбны дапаможнік «Украінская літаратура і ўкраінска-беларускія літаратурныя ўзаемасувязі». Першая частка (2012) была прысвечана гісторыі ўкраінскай літаратуры ад Сярэднявечча да канца XVIII ст., другая (2015) ахоплівала стагоддзе – ад пачатку новай ўкраінскай літаратуры да першых гадоў XX ст. У трэцім томе (2016), выдадзеным да 95-годдзя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, разглядаецца развіццё ўкраінскай літаратуры ад 1940-х гг. да нашага часу. Хоць вучэбны дапаможнік прысвечаны ўкраінскай літаратуры і прызначаны найперш для студэнтаў-украінстаў, але змест яго адметны, можна сказаць, унікальны: украінскі літаратурны працэс, які ахоплівае некалькі стагоддзяў, паказваецца ў непасрэднай сувязі са станаўленнем і развіццём ўкраінска-беларускіх культурных, найперш літаратурных, кантактаў, якія аказаліся значнымі і шматаспектнымі. Яны засведчылі і братэрства нашых народаў, і іх несумненнае спадчыннае культурнае багацце.

І ўсё ж самае значнае ў творчасці В. П. Рагойшы – яго вывучэнне вершаскладання з надзвычай грунтоўнымі высновамі, выкладзенымі ў такіх выданнях, як «Гутаркі пра верш», «Тэорыя літаратуры ў тэрмінах», «На шляху да Парнаса», «Паэтычны слоўнік» і інш. Вячаслаў Пятровіч – даследчык максімальна сфакусіраванай творчай энергіі, уважлівай у лірыцы; выдатны, арыстотэлеўскага складу, класіфікатар; вучоны з уласнай метадыкай, трывалымі прыхільнасцямі і мэтамі. Значэнне яго кніг велізарнае ў плане канчатковага парывання беларускага літаратуразнаўства з сацыялагізмам і пераводу яго на рэйкі пераважна эстэтычныя.

«Паэтычны слоўнік» В. П. Рагойшы пабачыў свет у выдавецтве «Вышэйшая школа» ў 1979 г. У той час гэта была найважнейшая падзея ў культурным жыцці рэспублікі, бо такога грунтоўнага выдання, прысвечанага аналізу паэзіі, у беларускім літаратуразнаўстве яшчэ не было. Сціпла названая «слоўнікам», кніга Вячаслава Пятровіча фактычна ўяўляла сабой грунтоўную паэтычную энцыклапедыю, якая зводзіла ў адно і ўніфікавала асобныя элементы беларускай «алгебры гармоніі». Пасля выхаду «Паэтычнага слоўніка» раптам высветлілася, што мастацтва аналізу паэзіі не менш прыгожае і захапляльнае, чым уласна мастацтва паэзіі. Звышзадачай кнігі было навучыць адчуваць асалоду ад паэтычных твораў, бо яна часта ўзрастае ад разумення, так бы мовіць, механізмаў яе стварэння. І як матэматык бачыць прыгажосць у формулах і тэарэмах, так і літаратуразнаўца можа захапіцца сам і захапіць чытачоў логікай сваёй думкі, разгадваючы сакрэты паэтычнага слова і «формул» верша.

Пасля выхаду 2-га выдання «Паэтычнага слоўніка» ў 1987 г. яшчэ больш актывізавалася вучэнне тэорыі літаратуры як у акадэмічнай, так і ва ўніверсітэцкай навуцы, што дало магчымасць арганізаваць адпаведныя структуры – сектар тэорыі літаратуры ў Інстытуце літаратуры імя Янкі Купалы Акадэміі навук Беларусі і ўжо згаданую кафедру тэорыі літаратуры ў БДУ.

3 моманту выхаду ў свет 2-га выдання «Паэтычнага слоўніка» і да з’яўлення 3-га (2004) мінула 17 гадоў. За гэты час адбыліся кардынальныя змены ў сацыуме. Усе яны так ці інакш улічаны ў выданні. Яно ўнікальнае. Тут арганічна паяднаны дзве найважнейшыя, фундаментальныя філалагічныя дысцыпліны – тэорыя літаратуры і гісторыя літаратуры. Пры гэтым аўтар шчасліва пазбегнуў нарматыўнасці, скіраваўшы ўвагу галоўным чынам на практычны вынік: неабходнасць навучыць студэнтаў, рэдактараў і ўсіх прыхільнікаў паэзіі апісваць, даследаваць, аналізаваць літаратурны твор. (Дарэчы, ёсць у В. П. Рагойшы і своеасаблівы падручнік для маладых паэтаў – «На шляху да Парнаса».) Праўда, «Паэтычны слоўнік», маючы структуру вучэбнага дапаможніка, у той жа час – абсалютна паўнацэнны энцыклапедычны даведнік; яго апошні раздзел – алфавітны «Прадметны паказальнік» – дае магчымасць лёгка знайсці любы тэрмін, што разглядаецца або ў спецыяльным артыкуле, або ў артыкуле на іншую тэму. Вытлумачэнне тэрмінаў (а іх больш за тысячу) даецца ў тэарэтычным аспекце, але, як правіла, шукаецца і генезіс паняцця, зафіксаванага ў тэрміне, паказваецца яго асэнсаванне рознымі даследчыкамі, прыцягваюцца шматлікія факты з гісторыі беларускай, рускай, украінскай, еўрапейскай, усходняй паэзіі. Тэрмін амаль заўсёды ілюструецца прыкладамі з беларускага фальклору і пісьмовай паэзіі, але часам выкарыстоўваюцца і творы з іншых нацыянальных літаратур, калі ў айчынным не аказваецца адпаведнай формы.

Сярод іншых навуковых прац В. П. Рагойшы (аднаасобных і ў суаўтарстве) можна згадаць наступныя: «Сяргей Палуян. Лісты ў будучыню», «Слядамі знічкі», «Стары Ёлас. Год беларуса», «Янка Купала. Жыве Беларусь», «Кантакты», «І нясе яна дар...», «Напісана рукой Купалы», «Паэтыка Максіма Танка», «Пераклаў Якуб Колас», «І адгукнецца слова ў словес...» і многія іншыя.

Вячаслаў Пятровіч – аўтар і суаўтар каля 30 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў для студэнтаў і школьнікаў. З іх найбольш значныя: «Беларуская літаратура XIX ст. Хрэстаматыя»,

«Паэтычны слоўнік» (чатыры выданні), «Тэорыя літаратуры ў тэрмінах», «Украінская літаратура і ўкраінска-беларускія літаратурныя ўзаема сувязі» (у 3 ч.), «Тэксталагія» і інш.

На філалагічным факультэце БДУ Вячаслаў Пятровіч вядзе дысцыпліну «Уводзіны ў літаратуразнаўства», спецкурсы і спецсемінары, у тым ліку для замежных студэнтаў. Падрыхтаваў 5 кандыдатаў навук і 3 дактароў навук.

Нельга не адзначыць яшчэ адзін аспект творчай дзейнасці В. П. Рагойшы – арганізацыйны. Сярод незлічонай колькасці яго грамадскіх абавязкаў назавём толькі некаторыя. Ён прэзідэнт Міжнароднага фонду Янкі Купалы, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі; быў і з’яўляецца членам рэдкалегіі розных навуковых і навукова-метадычных выданняў («Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка», «Краязнаўчая газета» і інш.); пад яго навуковым кіраўніцтвам выходзілі шматлікія зборнікі артыкулаў (напрыклад, «Міфалогія – фальклор – літаратура: праблемы паэтыкі»). Ён старшыня навукова-метадычнай камісіі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (секцыя беларускай мовы і літаратуры); старшыня секцыі беларускай мовы і літаратуры вучэбна-метадычнага аб’яднання па гуманітарнай адукацыі; член рады Саюза беларускіх пісьменнікаў (у арганізацыю ўваходзіць з 1969 г. як даследчык літаратуры, крытык, перакладчык і паэт); член вучоных саветаў Дзяржаўнага літаратурнага музея Янкі Купалы і Дзяржаўнага літаратурнага музея Якуба Коласа; член вучонага савета філалагічнага факультэта БДУ.

Вячаслаў Пятровіч Рагойша заўсёды актыўна выступаў перад насельніцтвам на прадпрыемствах і ў арганізацыях, вельмі часта – на радыё, тэлебачанні. Ён нястомны, можна сказаць, апантаны прапагандыст роднага слова. Дзейнасць В. П. Рагойшы заўважана і адзначана на радзіме. Юбіляр мае ганаровае званне «Выдатнік народнай адукацыі», узнагароджаны медалём імя Францыска Скарыны, ордэнам Францыска Скарыны, дзясяткамі грамат, дыпламаў ад дзяржаўных устаноў, рэктарата і дэканата БДУ.

У навуковай карпарацыі гуманітарных Беларусі Вячаслаў Рагойша – адна з ключавых асоб, бясспрэчны аўтарытэт. Па разнастайнасці інтарэсаў і дзейнасці, па глыбіні навуковых даследаванняў яму, бадай, няма роўных. Педагог. Вучоны. Пісьменнік. Грамадскі дзеяч.

Т. І. Шамякіна,

доктар філалагічных навук, прафесар

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED AT BSU

УДК 81'1(06)+81'25(06)

Языковая личность и перевод [Электронный ресурс] : материалы межвуз. науч.-образоват. форума молодых переводчиков (Минск, 9–10 дек. 2016 г.) / редкол.: С. В. Воробьева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 88 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/172802>. Загл. с экрана. Деп. 22.05.2017, № 003522052017.

В сборнике представлены материалы межвузовского научно-образовательного форума молодых переводчиков «Языковая личность и перевод», в которых рассматриваются актуальные вопросы теории языка и переводоведения, освещаются различные проблемы перевода в профессиональной деятельности, анализируются общие вопросы национально-культурной специфики вербальной коммуникации, лингвостилистические и прагматические аспекты перевода. Адресуется преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам, студентам и лицам, интересующимся проблемами профессиональной переводческой деятельности.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 апр. 2017 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. Ч. 1. 184 с. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173253>. Деп. 31.05.2017, № 003731052017.

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра. Часть 1 содержит материалы проблемного поля «Современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам учреждений высшего образования.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 апр. 2017 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. Ч. 2. 58 с. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173254>. Деп. 31.05.2017, № 003831052017.

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания;

языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра. Часть 2 содержит материалы проблемного поля «Языковое образование и языковая политика». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам учреждений высшего образования.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 апр. 2017 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. Ч. 3. 124 с. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173255>. Деп. 31.05.2017, № 003931052017.

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра. Часть 3 содержит материалы проблемного поля «Межкультурная коммуникация». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам учреждений высшего образования.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 апр. 2017 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. Ч. 4. 70 с. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173256>. Деп. 31.05.2017, № 004031052017.

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра. Часть 4 содержит материалы проблемного поля «Литература в национальном и международном контексте». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам учреждений высшего образования.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 апр. 2017 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. Ч. 5. 137 с. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173276>. Деп. 31.05.2017, № 004131052017.

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра. Часть 5 содержит материалы проблемного поля «Современные образовательные технологии». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам учреждений высшего образования.

УДК 81(06)

Мир языков: ракурс и перспективы [Электронный ресурс] : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 апр. 2017 г.) : в 6 ч. / редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. Ч. 6. 78 с. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173277>. Деп. 31.05.2017, № 004231052017.

Сборник содержит материалы VIII Международной научно-практической конференции по проблемам языка в контексте межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической

и публицистической литературы, методики преподавания, инновационных технологий в обучении, теоретическим аспектам языкознания и другим вопросам, посвященным изучению иностранного языка. Проблемные поля конференции: современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания; языковое образование и языковая политика; межкультурная коммуникация; литература в национальном и международном контексте; современные образовательные технологии; высшая школа: сегодня и завтра. Часть 6 содержит материалы проблемного поля «Высшая школа: сегодня и завтра». Адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам учреждений высшего образования.

УДК 81'25(075.8)+811.111'25:33=161.1(075.8)

Значенко В. С. Экономический перевод [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / В. С. Значенко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 62 с. : табл. Библиогр.: с. 62. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173286>. Загл. с экрана. Деп. 02.06.2017, № 004402062017.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предусматривает формирование, развитие и совершенствование у студентов переводческой компетентности (языковой, социолингвистической, социокультурной, прагматической), что предполагает комплекс знаний теоретических основ перевода, практических навыков устного и письменного перевода, практики иноязычного общения и дискурсивных практик коммуникации, которые реализуются в переводе текстов экономической направленности с английского языка на русский и русского – на английский. Учебная дисциплина предусматривает комплексную информационно-лингвистическую и практическую информационно-аналитическую подготовку студента для выполнения профессиональной переводческой деятельности.

УДК 811.111'35(075.8)

Просодия речи [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / сост. В. Н. Василина ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 265 с. : табл. Библиогр.: с. 264–265. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/176932>. Загл. с экрана. Деп. 14.07.2017, № 005314072017.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-21 06 01 «Современные иностранные языки (перевод)», выпускаемых факультетом социокультурных коммуникаций БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: фразовое ударение, ритмическая организация английской речи; основные кинетические тоны английской речи; высотно-мелодическая структура предъядерной части фразы; основные интонационные модели английской речи; экспрессивные средства просодии в английском языке и др.

СОДЕРЖАНИЕ • ЗМЕСТ

К 500-ЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ ДА 500-ГОДДЗЯ БЕЛАРУСКАГА КНІГАДРУКАВАННЯ

<i>Рагойша В. П.</i> Малітваслоўны верш Францыска Скарыны	5
<i>Акушэвіч А. А.</i> Тыпалогія біблейскіх кампанентаў у тэкстах выданняў Францыска Скарыны	16

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ • ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Вострыкава А. У.</i> Мастацкая адметнасць раманаў М. В. Кратахвіла «Магістр Ян» і «Паходня»	22
<i>Тур В. И.</i> Хронотоп пути в романе Антонио Табуки «Становится все позднее»	29
<i>Шпаковская Н. Г.</i> Мифологические мотивы в романе Юхана Теорина «Ночной шторм»	34

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ • МОВАЗНАЎСТВА

<i>Свістунова М. I.</i> Вывучэнне паланізмаў у беларускім мовазнаўстве і стаўленне да іх (XIX ст. – 1930-я гг.)	39
<i>Міхальчук Г. М., Ціванова Г. К.</i> Вавельскі спіс поўнага зводу агульнадзяржаўнага летапісання Вялікага Княства Літоўскага: арфаграфічны аспект даследавання	50
<i>Гутовская М. С.</i> Грамматическая структура лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках	58
<i>Куліковіч У. I.</i> Закон «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» і яго ацэнка ў інтэрнэце	72
<i>Міхальчук Н. А.</i> Функции косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова	78
<i>Ван Вэньцзюань.</i> Некоторые сигнификативные характеристики лексем, обозначающих лиц детского возраста, в русском и китайском языках	86
<i>Пильгун Е. В.</i> Интенциональность и коммуникативные тактики дискурса кризисных ситуаций	92
<i>Земляник Т. В.</i> Языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов (на материале писем Б. Пастернака к Е. Пастернак)	96

МЕТОДИКА • МЕТОДЫКА

<i>Лебединский С. И.</i> Конструирование репрезентаций по аналогии в процессе понимания устной научной речи	102
<i>Тозик О. В.</i> Художественное рассуждение как функционально-смысловой вид иноязычной творческой письменной речи	110

РЕЦЕНЗИИ • РЭЦЭНЗІІ

<i>Барысенка В. У. Kaleta R.</i> Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna [Калета Р. Польска-беларуская глотадыдактычная ляпсалогія]	115
<i>Рааго П. А. Lüdovít Štúr.</i> Jazykovedné dielo [Людэвіт Штур. Мовазнаўчыя працы]	116

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ • ХРОНІКА, ІНФАРМАЦЫЯ

<i>Запрудскі С. М.</i> Міжнародная канферэнцыя «Гістарычны і сацыялінгвістычны кантэкст каліграфіі славянскіх моў»	120
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ • НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Вячаслаў Пятровіч Рагойша	124
Аннотации депонированных в БГУ работ	127

CONTENTS

TO THE 500th ANNIVERSARY OF BELARUSIAN BOOK PRINTING

<i>Rahojsha V. P.</i> Francysk Skaryna's prayer verse.....	5
<i>Akushevich A. A.</i> The typology of the biblical components in the texts of Francysk Skaryna's editions.....	16

LITERARY RESEARCH

<i>Vostrykava A. U.</i> Artistic originality of M. V. Kratohvil's novels «Master Jan» and «Torch».....	22
<i>Tur V. I.</i> The chronotope of the road in the novel of Antonio Tabucchi «It's getting later all the time».....	29
<i>Shpakouskaya N. G.</i> Mythological motives in Johan Theorin's novel «Night storm»	34

LINGUISTICS

<i>Svistunova M. I.</i> Study of polonisms in Belarusian linguistics and attitude toward them (XIX century – 1930s) ...	39
<i>Mikhalchuk H. N., Tsivanova H. K.</i> The Wawel copy of the full code of the Grand Duchy of Lithuania state chronicle-writing: orthographic aspect of research.....	50
<i>Gutovskaya M. S.</i> Grammatical structure of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages	58
<i>Kulikovich U. I.</i> Law «On Belarusian spelling and punctuation rules» and it's evaluation on the Internet	72
<i>Mikhalchuk N. A.</i> Functions of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works.....	78
<i>Wang Wenjuan.</i> Some significative characteristics of lexical units indicating children in Russian and Chinese	86
<i>Pilgun E. V.</i> Intentionality and communicative tactics of crisis discourse	92
<i>Ziamlianik T. V.</i> Language and functional-stylistic features of representatives (based on B. Pasternak's letters to E. Pasternak).....	96

METHODOLOGY

<i>Lebedinskii S. I.</i> Constructing the representation by analogy in the process of understanding oral scientific speech	102
<i>Tozik O. V.</i> Fiction deliberation as functional and semantic type of creative writing in a foreign language	110

REVIEWS

<i>Barysenka V. U.</i> Kaleta R. Polish-Belarusian glotodidactic lapsology	115
<i>Raago P. A.</i> Ľudovít Štúr. Linguistic works.....	116

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Zaprudski S. M.</i> International conference «Historical and sociolinguistic context of Slavic languages codification»	120
---	-----

OUR JUBILEE

Viachaslau Piatrovich Rahojsha	124
Indicative abstracts of the papers deposited at BSU	127

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2017
Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, Минск.
Тел. 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *Л. А. Меркуль, К. Б. Скакун, Д. В. Русс*

Подписано в печать 04.09.2017.
Тираж 115 экз. Заказ 525.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.
Correspondence address: Kaŭvaryjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.
Tel. 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreaders *L. A. Merkul', K. B. Skakun, D. V. Russ*

Signed print 04.09.2017.
Edition 115 copies. Order number 525.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čyrvonaarmiejskaja Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017